

**Правозащитный центр “Мемориал”
Информационный центр по правам человека в Центральной Азии**

Права человека в Туркменистане

(обзор событий за январь-апрель 1999 г.)

Москва, 1999

Президент Туркменистана о многопартийности, свободных выборах и цензуре	3
Преследование В.Мамедова и других активистов Русской общины Туркменистана	5
Политические заключенные и узники совести	12
Преследования религиозных активистов	15
Вопрос о регистрации религиозных общин	19
Власти разгоняют собрания ассоциации журналистов и профсоюза работников предпринимательских структур	21
Министерство юстиции отказывает в регистрации десяткам общественных организаций ..	24
Депортация сотрудника “Human Rights Watch” А.Петрова.....	25
Депортация российских журналистов В.Пономарева и Н.Митрохина.....	28
Туркменистан заявляет о выходе из соглашения государств СНГ о безвизовом передвижении граждан по территориям его участников.	30
Открытие офиса ОБСЕ в Ашхабаде.....	31
Отмена смертной казни.....	32
Президент Туркменистана помиловал большинство заключенных	33
Влияние амнистии на динамику преступности	36
Ситуация в местах лишения свободы	37
Туркменские правоохранительные органы допускают серьезные нарушения прав граждан	39
Новый порядок работы с обращениями и письмами граждан.....	41
Приложения:	
Заявление пресс-службы МИД Туркменистана.....	43
Приговор по делу Гараева, Аймурадова и др.....	44
Постановление об изменении обвинения Гараеву, Аймурадову и др.	55
Письмо евангельских христиан-баптистов президенту Туркменистана	70
Письмо К.Рос Б.Шихмурадову.....	74
Именной указатель	75

Издание осуществлено на средства гранта **National Endowment for Democracy**, а также при поддержке **Central Asian Human Right’s Information and Monitoring Network**

При перепечатке ссылка на источник обязательна.

По вопросам получения изданий обращайтесь в **Информационный центр по правам человека в Центральной Азии** (г.Москва)

тел./факс (095) 432-34-77 Пономарев Виталий Анатольевич

e-mail: VPonomarev@mtu-net.ru

а также в **Правозащитный Центр “Мемориал”**

тел. (095) 200-65-06

адрес: 103051 Россия Москва Малый Каретный пер. д.12

Президент Туркменистана о многопартийности, свободных выборах и цензуре

В январе-апреле 1999 г. в своих выступлениях президент Туркменистана Ниязов неоднократно затрагивал вопрос о введении в Туркменистане многопартийной системы.

14 января, выступая на совещании, посвященном вопросам работы с письмами граждан, президент признал, что в стране “многие высказываются за многопартийность”. Он пообещал, что “в Туркменистане будет многопартийность, но только тогда, когда мы научимся пользоваться плодами свободы”¹. Суть последней, по словам Ниязова, в том, чтобы граждане соблюдали закон. Иначе говоря, по мнению президента, переход к демократии сдерживается исключительно низким уровнем сознания населения.

5 февраля по первому каналу туркменского ТВ транслировалось выступление Ниязова, в котором он заявил, что в Туркменистане якобы “разрешено создание любых типов партий”, кроме партий, основанных эмигрантами, которые “не имеют права учить нас свободе”. “Многопартийная система или оппозиция не могут быть привнесены искусственно, по приказу”, - подчеркнул президент, отметив способность туркмен построить “собственную демократию”.

21 апреля, выступая в Национальном институте демократии и прав человека, Ниязов вновь повторил, что население “плюет на законы”, что является едва ли не основным тормозом развития демократии в стране. Он подчеркнул, что недовольные могут объединяться и обмениваться мнениями с другими недовольными, даже могут создать свою организацию (“пусть это будет 10-20 человек, не нашедших достойного места в обществе”), но они не должны нарушать порядка на улицах².

По мнению авторов бюллетеня, все эти заявления президента, в действительности, носят демагогический характер, поскольку право на свободу ассоциаций в Туркменистане грубо нарушается властями, а секретная полиция преследует любые проявления оппозиционной активности. Кроме того, многочисленные, как признает Ниязов, требования о введении многопартийности плохо согласуются с утверждением о неготовности туркменского общества к демократии.

Интересно, что в ходе встреч высших туркменских чиновников с делегацией правозащитной организации “Human Rights Watch” в конце января – начале февраля 1999 г. заместитель председателя Меджлиса Абат Ризаева заявила о неприятии населением идеи многопартийности, ссылаясь на отсутствие желающих вступить в новую проправительственную партию, которую пытался создать спикер парламента. А директор Национального института демократии и прав человека Владимир Кадыров заявил, что демократия на предстоящих парламентских выборах будет обеспечена не путем многопартийности, а через право выдвигать кандидатов собраниями граждан из 200 чел.

На совещании 14 января Ниязов также остановился на вопросе выборности руководителей регионов: “В ряде писем предлагают избирать арчинов и хакимов... Для проведения свободных выборов необходимо, чтобы люди внутренне освободились, чтобы их решение ни от кого не зависело. Когда народ станет богаче, когда появятся крупные собственники, тогда и можно

¹ “Нейтральный Туркменистан” 11.02.99.

² “Нейтральный Туркменистан” 28.04.99.

будет выбирать арчинов и хякимов. Сейчас же каждое племя захочет своего представителя видеть избранным...”³

21 апреля президент поделился опытом контроля за выборами народных депутатов СССР от Туркменистана в 1989 г., очевидно, намекая на необходимость использования этого опыта в ходе предстоящих парламентских выборов:

“В 1989 г., когда проходили выборы народных депутатов СССР, мне советовали не вмешиваться в выборы, но я вмешался, я знаю, как это делается. Мы тогда единственной республикой были, кто не выбрал кого попало. Альтернативность соблюдалась, но между достойными кандидатами. Мы тогда проводили окружные предвыборные собрания, фильтровали кандидатов. В Чарджоуской области одного просмотрели, а он только что из тюрьмы вернулся. Прошел в своем селении потому, что там вся его клановая родня проголосовала. Когда я узнал об этом, всю эту “демократию” прекратил. Общество не созрело”⁴.

Комментируя утверждение Ниязова о неготовности Туркменистана к западным стандартам демократии, главный оппонент президента, бывший министр иностранных дел Туркменистана Авды Кулиев заявил: “Эта теория основана на двойном стандарте. Если туркмена или, скажем, китайца или его родственника несправедливо преследуют, отправляют за решетку, разве он меньше страдает, чем русский или американец?”⁵

В том же выступлении Ниязов подробно остановился и на вопросе о цензуре. По его словам, цензура на ТВ была введена туркменскими властями в советское время, чтобы предотвратить показ “насилия и секса”. Что касается печатных изданий, в то время “достаточно было нескольких статей”, чтобы “привести к кровопролитию между русскими и туркменами, да и мало ли кем еще”. Президент подчеркнул, что сегодня “мы имеем цензуру не для того, чтобы чей-то голос подавить, а чтобы интересы народа защитить. Пишите, что угодно, критикуйте правительство, власть, отдельные личности... только личность, достоинство человека не задевайте”. “Да и какая цензура в Туркменистане? Три человека просматривают печать на предмет неразглашения государственных тайн, а мир возмущается: в Туркменистане цензура. Согласен: цензура – слово испачканное, давайте по вашему же предложению устраним его из обихода. Пусть редакции берут на себя всю ответственность за соблюдение интересов государства. Но это одна сторона дела. Другая: писать надо так, чтобы людям интересно было читать...”⁶

По мнению авторов бюллетеня, невозможно поверить в заявления Ниязова о свободе печати в стране, где фактически запрещены все негосударственные СМИ, а деятельность журналистов, включая зарубежных, находится под жестким контролем властей. Кроме того, имеются многочисленные свидетельства того, что цензура в Туркменистане не ограничивается контролем за неразглашением в печати государственных секретов (см., например, описанную ниже историю с журналисткой Г.Щепоткиной).

³ “Нейтральный Туркменистан” 11.02.99.

⁴ “Нейтральный Туркменистан” 28.04.99.

⁵ Интервью с А.Кулиевым см. “Известия” 20.03.99.

⁶ “Нейтральный Туркменистан” 28.04.99.

Преследование В.Мамедова и других активистов Русской общины Туркменистана

КНБ начал активно преследовать активистов Русской общины Туркменистана (РОТ) вскоре после того, как 25 ноября 1998 г. в ходе закрытой встречи в российском посольстве с делегацией Государственной Думы РФ во главе с Г.Селезевым члены Правления РОТ дали весьма критическую оценку политическому режиму в стране. По некоторым данным, “чашу терпения” властей переполнило выступление руководителя Русской общины из г.Красноводска Вячеслава Мамедова, который открыто заявил о намерении РОТ активно участвовать в намеченных на декабрь 1999 г. парламентских выборах и о наличии у этой организации разработанной предвыборной программы.

По имеющимся данным, контакты делегации Государственной Думы РФ с активистами РОТ с самого начала привлекли повышенное внимание КНБ Туркменистана. Во время встречи с Селезевым один из ее участников по заданию КНБ произвел скрытую магнитофонную запись выступлений. Кроме того, по рассказам очевидцев, в день проведения встречи прилегающая к посольству улица была буквально наводнена агентами в штатском, а возле ворот посольства туркменскими спецслужбами была установлена видеокамера, осуществлявшая видеосъемку лиц, входящих на территорию посольства РФ.

Вскоре после отъезда российских парламентариев начались гонения на участников встречи. От редактора телевидения Нины Александровны Шмелевой потребовали написать заявление об увольнении по собственному желанию. После ее угрозы обратиться с жалобой “в международный суд” и требования записать в трудовую книжку в качестве причины увольнения “ликвидацию русского вещания”, ей сохранили должность и оклад редактора, однако перевели на выполнение технической работы. Работа директоров ашхабадских средних школ № 4 Эдуарда Григоряна и № 13 Татьяны Апатьевой стала подвергаться многочисленным проверкам. В апреле 1999 г. Григорян вынужден был оставить должность, а когда группа учащихся школы выступила в его поддержку, представитель городского отдела народного образования лицемерно лицемерно заявил, что “мы его не увольняли и даже уговаривали остаться, но он не согласился”. Был понижен в должности заместитель министра сельского хозяйства Николай Ерофеев, причем министр в декабре угрожал ему увольнением. Аналогичная угроза была высказана в адрес заместителя Управления по предпринимательству при Кабинете Министров Туркменистана Владимира Ерофеева. С Владимиром Юрьевым из Небитдага провели “профилактическую беседу” сотрудники КНБ, а известный предприниматель, занимавший в советское время ответственный пост в аппарате Совета Министров ТССР, Игорь Царев оказался на грани разорения из-за неожиданного отказа Красноводского рыбоконсервного комбината оплатить поставленную продукцию и запрета властей на перевоз оборудования производственной линии в Россию.

Но наиболее жесткие меры были приняты в отношении активиста РОТ из г.Красноводска, члена Совета соотечественников при Государственной Думе РФ Вячеслава Мамедова, выступление которого на встрече с Селезевым отличалось наибольшим радикализмом. Мамедов привлек повышенное внимание КНБ и тем, что 8 декабря 1998 г. вместе с американским дипломатом Д.Виддоном попытался пройти на судебные слушания, в ходе которых Верховный Суд Туркменистана рассматривал обвинения в отношении ряда лиц, включая политического заключенного Х.Гараева, имеющего российское гражданство. Хотя процесс считался открытым, администрация Красноводской тюрьмы не допустила Мамедова в зал суда.

В тот же день в офис Мамедова пришли с проверкой сотрудники налоговой инспекции, которых сопровождал офицер КНБ. Хотя какие-либо финансовые злоупотребления выявлены не были, в ходе проверки была поставлена под сомнение законность деятельности Мамедова по приему лиц, желающих получить российское гражданство, и сбору им денег для оплаты консульской пошлины и транспортных расходов⁷. Власти также потребовали прекратить деятельность возглавляемого Мамедовым общественно-образовательного центра “Фламинго” как незарегистрированной организации и представить документы, подтверждающие законность приобретения находящихся в офисе компьютеров.

9-11 декабря Мамедова ежедневно вызывали в налоговую инспекцию, где угрожали возбуждением уголовного дела по ст.229 УК Туркменистана (присвоение чужого имущества), а 11 декабря по всем этим вопросам с ним беседовал начальник городского отдела КНБ И.Б.Джанымбаев. По имеющимся данным, в середине декабря акты проверки, а также объяснительные Мамедова были отправлены в Ашхабад для принятия руководством КНБ дальнейших решений.

Тем временем Мамедов и председатель РОТ Анатолий Фомин вылетели в Москву для участия в заседании Совета соотечественников при Государственной Думе РФ. 18 декабря российская радиостанция “Маяк” передала короткое интервью с Фоминым и Мамедовым, выдержанные в достаточно лояльных выражениях. Фомин, в частности, говорил о работе с переселенцами, а Мамедов дал оценку работе Совета соотечественников, и, отвечая на вопрос корреспондента о перспективе взаимоотношений двух государств, сказал, что “народы Туркменистана и России готовы к любой форме объединения”.

На следующий день - 19 декабря, выступая на съезде Демократической партии Туркменистана, президент Ниязов обвинил Мамедова в том, что в своем 30-секундном радиовыступлении последний “оклеветал” туркменскую действительность, якобы заявив, что жители Туркменистана голодают, а также разжигал эмиграционные настроения среди русскоязычного населения (в действительности, в интервью “Маяку” Мамедов таких заявлений не делал). 20 декабря выступление Ниязова транслировалось по национальному ТВ.

Между тем Мамедов 20 декабря вернулся из Москвы в Ашхабад, а 21-го прилетел в Красноводск. Здесь у трапа самолета его встретила группа сотрудников КНБ во главе с начальником городского отдела Икрамом Джанымбаевым. Мамедова отвезли в КНБ, заставили написать объяснительную по поводу интервью и допрашивали до 23 часов.

Утром 22 декабря сотрудники КНБ приехали домой к Мамедову и потребовали проехать с ними в г.Небит-Даг (административный центр области) для дачи показаний начальнику Управления КНБ по Балканскому велаяту Бегенчеву. Допросы продолжались весь день. Прокурор области, с которым консультировались сотрудники КНБ, заявил, что Мамедова “можно посадить за клевету” на суверенный Туркменистан. Мамедов написал очередное заявление по поводу интервью “Маяку”. Кроме того, его показания частично были засняты на видеопленку для последующей демонстрации председателю КНБ Туркменистана М.Назарову.

⁷ Поскольку многие жители Красноводска не имели возможности (или не хотели) ездить в Ашхабад и проводить там долгие часы в ожидании приема в российском консульстве, заполненные заявления о принятии в российское гражданство отвозил в консульство сам Мамедов, транспортные расходы которого оплачивали заявители.

Материалы допросов были направлены в Ашхабад “для принятия решения руководством КНБ”, а Мамедову было заявлено, что если экспертиза подтвердит “клеветнический характер” его интервью, то “даже участие адвоката из США не поможет избежать сурового наказания”. Сотрудники областного управления КНБ также заявили, что свобода убеждений – дело будущего, а на нынешнем этапе развития туркменского государства “необходимо выполнять указания президента Туркменбаши”.

Мамедов в этот период пытался мирно урегулировать конфликт с властями и избегал широкой огласки происходящего. Он выполнил требование КНБ о прекращении приема посетителей, а 13 января направил в министерство юстиции заявление о регистрации общественно-образовательного центра “Фламинго”.

Тем не менее в конце декабря 1998 г. или начале января 1999 г. посольство России в Ашхабаде получило ноту МИД Туркменистана, в которой интервью Фомина и Мамедова радиостанции “Маяк” оценивалось как клеветническое и заявлялось, что туркменское правительство “оставляет за собой право” принять в отношении участников интервью “меры политического и правового характера”. По имеющимся данным, российский посол Анатолий Щелкунов никак не отреагировал на этот демарш туркменских властей. Молчание посольства было расценено последними как свидетельство того, что репрессивные акции КНБ в отношении Фомина и Мамедова не вызовут негативной реакции со стороны российского МИДа.

Почувствовав, что обстановка ухудшается, Мамедов 11 января 1999 г. направил письма на имя Щелкунова и председателя Комитета по делам СНГ Государственной Думы РФ Георгия Тихонова, в которых подробно описал факты преследования со стороны КНБ, имевшие место в декабре 1998 г. Что касается интервью радиостанции “Маяк”, то, по мнению автора письма, “в этом интервью не было ничего, что могло бы быть истолковано как выпад против Туркменистана, однако кто-то президенту Туркменбаши передал его в искаженном виде...”. В письме на имя Г.И.Тихонова также выражалось опасение, что посольство РФ в Туркменистане может отказаться подтвердить наличие устной договоренности с Мамедовым, в соответствии с которой он осуществлял прием заявлений и сбор денег от граждан, желающих получить российское гражданство.

12 января, узнав из телефонного разговора о существовании ноты МИД Туркменистана, Мамедов на следующий день срочно вылетел в Ашхабад, где попытался встретиться с российским послом, но последний уклонился от встречи, сославшись на то, что “у него нет времени заниматься этим вопросом”. Одновременно Щелкунов запретил сотрудникам посольства дальнейшие контакты с РОТ по вопросам оформления гражданства и статуса переселенцев. В этой ситуации Мамедов 14 января вынужден был обратиться за помощью в посольство США. Через знакомого дипломата он передал письмо на имя посла США в Туркменистане Стивена Манна с подробным описанием происходящего. Он также встретился с представителем американского Агентства международного развития Мёрлом Бейкером, так как КНБ требовало документально подтвердить законность получения компьютеров, находящихся в офисе “Фламинго” (компьютеры были приобретены по гранту, предоставленному одним из американских фондов, что письменно подтвердил Бейкер). В тот же день Мамедов вернулся в Красноводск.

15 января вопрос об инциденте с Мамедовым обсуждался на встрече американского и российского послов, по результатам которой Щелкунов

направил ноту в МИД Туркменистана. Это вызвало крайнее раздражение руководства туркменских спецслужб.

19 января Мамедов был срочно вызван в Красноводский городской отдел КНБ, где допрашивался с 9 до 18 часов Начальник контрразведывательного отдела КНБ Туркменистана А.Караджаев, специально прилетевший из Ашхабада, обвинил его в передаче “клеветнической информации” в американское посольство и задавал вопросы о его связях со вторым секретарем посольства Дэвидом Виддоном⁸, якобы подозреваемым в шпионаже. Мамедову сообщили, что он не имел права без ведома КНБ встречаться с американским дипломатом, в том числе во время процесса над Гараевым. Когда Мамедов попытался оправдать свой визит в посольство необходимостью встречи с Мёрлом Бейкером из Агентства международного развития, Караджаев заявил, что из проходной Мамедов звонил не Бейкеру, а Виддону.

По мнению руководства КНБ, “серьезными ошибками” Мамедова были также его участие в работе незарегистрированной Русской общины и Совета соотечественников и организация без разрешения властей приема граждан в Красноводске по вопросам получения российского гражданства и статуса переселенца. Говоря о деятельности РОТ, Караджаев заявил, что ее руководитель А.Фомин “клеветает на Туркменистан”, продемонстрировав подписанное последним ходатайство РОТ в Федеральную миграционную службу РФ, в котором указывалось, что конкретное лицо, претендующее на статус вынужденного переселенца, “подвергалось преследованиям” со стороны туркменских властей.

Мамедов вынужден был дать устные и письменные показания по вопросам, поставленным Караджаевым, часть его показаний была записана на видеопленку.

20 января около 16 часов Мамедов был вызван к начальнику городского отдела КНБ, который, ссылаясь на указание из Ашхабада, потребовал написать более подробные объяснения с указанием (поминутно), с кем Мамедов встречался и что говорил при посещении 14 января посольства США. После дачи письменных показаний Мамедову разрешили вернуться домой. Но в 21 час. 30 мин. к нему снова приехали сотрудники КНБ, которые заявили, что их ведомство не удовлетворено представленными объяснениями, поэтому на следующий день необходимо вылететь в Ашхабад для встречи с руководством КНБ.

Утром 21 января Мамедов вместе с зам. начальника городского отдела КНБ Аманом Таганклычевым вылетели в Ашхабад. В аэропорту Ашхабада из разговора по радиотелефону стало известно, что принято решение об аресте Мамедова. Задержанного доставили в здание КНБ, где он находился до вечера. Заместитель председателя КНБ Туркменистана Тиркиш Тырмыев заявил Мамедову: “Вы совершили очень и очень много ошибок, и мы за это Вас накажем. Пока сильно наказывать не будем. Вы здесь побудете несколько дней, подумаете, а дальше будет видно”.

Следствие по делу Мамедова, подозреваемого в совершении преступления по ст.269 ч.2 УК Туркменистана (получение незаконного вознаграждения лицом, выполняющим управленческие функции в коммерческой или иной организации), было поручено старшему следователю КНБ Юсупу Бекчаеву. В качестве события преступления рассматривался факт сбора Мамедовым денег на транспортные расходы, необходимые для поездки в

⁸ Виддон ночевал на квартире у Мамедова в декабре 1998 г., когда приезжал в Красноводск для участия в процессе над Гараевым и др.

Ашхабад с целью передачи в консульство РФ заявлений лиц, желавших получить российское гражданство.

“Подозреваемый” был арестован и помещен в камеру СИЗО КНБ. Условия содержания в этот период сам Мамедов оценивает как “нормальные”, особо отмечая “вежливое, корректное отношение к нему”. Вместе с ним в камере содержались еще два лица, подозреваемых в совершении мошенничества в особо крупных размерах (на сумму 700 млн. манатов). Последние откровенно иронизировали по поводу обвинения, выдвигаемого в отношении их сокамерника.

Помимо допросов, проводимых следователем, Мамедова вызывали “на беседы” и в отдел контрразведки, где дали прослушать магнитофонную запись его выступления в российском посольстве в ходе встречи с Селезевым. Контрразведчик по имени Ораз заявил, что у КНБ имеются и записи разговоров Фомина с проживающим в Подмоскowie лидером туркменской оппозиции Авды Кулиевым.

22 января об аресте Мамедова стало известно московскому Информационному центру по правам человека в Центральной Азии, который, после проверки информации, на следующий день выпустил соответствующее заявление, которое было разослано информационным агентствам, радиостанциям Би-би-Си и “Свобода”, правозащитным организациям, американскому и российскому посольствам в Туркменистане. 25 и 26 января последовали заявления Фонда защиты гласности и Human Rights Watch. Представители HRW сообщили, что вопрос о Мамедове будет поставлен перед туркменскими властями в ходе начинающегося в ближайшие дни официального визита в Туркменистан делегации этой международной организации.

27 января Мамедова в наручниках привели в кабинет председателя КНБ Назарова. Встреча с последним была короткой. Назаров заявил: “Мы никому не позволим расшатывать наш Туркменистан, наносить вред нашей Родине”. После чего объявил Мамедову, что его передают в распоряжение областного КНБ, “пусть там с вами разбираются”, но “мы все равно докажем вашу вину в том, что при оформлении гражданства в ваших действиях была корысть”. Арестанту не дали возможности что-либо сказать в ответ, и в тот же день на машине этапировали в Небитдаг⁹.

В этом областном центре Мамедов около суток содержался в “арестантской комнате” в здании Управления КНБ. В течение этого времени решался вопрос о его дальнейшей судьбе, работники КНБ не исключали, что он будет освобожден. Но 28 января Мамедова доставили в наручниках к заместителю начальника следственного отдела, старшему следователю областной прокуратуры Реджепу Ниязмамедову, который сообщил, что ему поручено дальнейшее расследование и что подследственный остается под стражей.

Мамедова поместили в грязную и очень холодную одиночную камеру изолятора временного содержания УВД Балканского веляята, но вскоре перевели в более теплую камеру, предназначенную для иностранцев.

Ему было предъявлено обвинение по ст.228 (мошенничество) и 269 ч.2 УК Туркменистана. Согласно следственным документам, обвиняемый присвоил деньги граждан в размере 120 тыс. манатов (около 8 долларов). В деле фигурировали четверо “потерпевших”, одна из которых сама осталась должна Мамедову 50 тыс. манатов. Показания “потерпевших” были получены следствием обманным путем. Одна из “потерпевших” позднее рассказала, что

⁹ По другим данным, Мамедов был этапирован утром 28 января.

она сообщила об уплате Мамедову денег и подписала протокол, не обратив внимание на то, что он был составлен на обратной стороне бланка “листа опроса потерпевших”, хотя она не предъявляла Мамедову каких-либо финансовых претензий.

К этому времени, однако, Мамедов начал ощущать, что на туркменские власти оказывается сильное международное давление, включая демарши со стороны российского и американского посольств. Еще в Ашхабаде ему сообщили, что информация о его аресте была передана по Радио “Свобода”.

29 января следователь разрешил передачу Мамедову, на следующий день ему дали двухминутное свидание с матерью и женой. 30 января следователь сообщил адвокату, что после 10 февраля подследственного, возможно, этапируют в Красноводск.

1 февраля Мамедову стало известно, что его судьба “решится в течение суток” и что он, вероятно, будет освобожден. Сотрудник правоохранительных органов признался, что в этом деле “КНБ диктует условия прокуратуре, а не наоборот”.

2 февраля Мамедова с вещами доставили в областную прокуратуру, где дали ознакомиться с постановлением прокурора об изменении меры пресечения на подписку о невыезде. Заместитель начальника областного управления КНБ Мухаммед Карачаров попросил Мамедова подписать бумагу о том, что после освобождения он не будет контактировать со средствами массовой информации и не будет комментировать выступления СМИ. После подписания этого документа Мамедова попросили составить заявление о помиловании на имя президента Туркменистана, содержащее “признание допущенных ошибок”. Ему намекнули, что все политические дела завершаются такого рода признаниями. Получив согласие подследственного подписать подобное заявление, М.Б.Карачаров попросил его проехать с ним в КНБ для окончательного решения этого вопроса.

В областном управлении КНБ Мамедова задержали еще на сутки. Ему перечислили “ошибки”, в которых следовало покаяться, потом его заявление было откорректировано, переписано начисто и отправлено руководству КНБ в Ашхабад, но ответ оттуда не последовал. “Освобожденный из-под ареста” Мамедов ожидал решения своей судьбы в комнате для посетителей, в которой были только стул и стол (последний использовался им вместо кровати).

Вечером 3 февраля Карачаров вызвал Мамедова и сказал, что хотя ответ из Ашхабада до сих пор не поступил, он “звонил в центральный аппарат КНБ и договорился, что уже сегодня мы тебя освобождаем и отправляем в Красноводск”, а “в пятницу утром ты приедешь в Ашхабад, чтобы написать заявление /о помиловании/, возможно, будет встреча с Назаровым”.

Сотрудники КНБ посадили Мамедова в проходящий автомобиль, обязав водителя заехать позднее в городской отдел КНБ в Красноводске и доложить, что подследственный доставлен домой.

4 февраля 1999 г. российская “Независимая газета” под заголовком “Существует ли противостояние? Две точки зрения на положение русскоязычной диаспоры в Туркмении” опубликовала сильно сокращенную версию заметки В.Пономарева о задержании Мамедова, направленную в редакцию еще 22 января, и официальное заявление пресс-службы МИД Туркменистана (см. **Приложение №1**). Последнее, среди прочего, содержало текст телеграммы, якобы направленной Мамедовым в посольство Туркменистана в РФ, в котором осуждалась деятельность председателя РОТ Фомина и тех, кто использует имя Мамедова для “грязных инсинуаций”, направленных против Туркменистана.

По мнению авторов бюллетеня, утверждение о направлении Мамедовым телеграммы в туркменское посольство вызывает большие сомнения. Если даже предположить, что, едва выйдя из тюрьмы во второй половине дня 3 февраля, он бросился на почту, едва ли текст отправленной им телеграммы успел бы войти в официальное заявление пресс-службы МИД Туркменистана, опубликованное российской газетой утром следующего дня. Сам Мамедов позднее заявил, что не отправлял никакой телеграммы и даже не знает, где в Москве находится туркменское посольство, поскольку ни разу не обращался в это учреждение. К сожалению, Мамедов отказался направить опровержение в редакцию “НГ”, сославшись на обязательство, данное им КНБ при освобождении.

Текст заявления пресс-службы МИД Туркменистана также вызывает многочисленные вопросы. Например, в заявлении говорится об “инсинуациях в российской прессе”, хотя до 4 февраля ни одно из российских изданий не сообщало о деле Мамедова. Анонимные авторы заявления ни словом не упоминают официально предъявленные Мамедову обвинения в экономических преступлениях, зато упоминают о деятельности правоохранительных органов по недопущению “попыток посеять межнациональную рознь” - обвинение, которое в отношении Мамедова официально не выдвигалось. Внимательное изучение текста “заявления пресс-службы МИД Туркменистана” приводит к мысли, что он написан журналистом, незнакомым ни с какими другими материалами дела в отношении Мамедова, кроме заметки В.Пономарева, отражавшей неполную информацию, имевшуюся у правозащитных организаций к 22 января. В этой связи обращает на себя внимание то, что в официальных туркменских СМИ не были опубликованы какие-либо критические материалы о Мамедове или Фомине.

Освобождение Мамедова произошло менее чем через сутки после насильственной депортации из Ашхабада сотрудника Human Rights Watch (HRW) А.Петрова. В этой связи встречу Мамедова в Ашхабаде 5 февраля с сотрудницей HRW Кассандрой Кавано, организованную по инициативе КНБ на квартире их общего знакомого, вероятно, следует рассматривать как попытку туркменских властей компенсировать неблагоприятное впечатление, возникшее у западных правозащитников от инцидента с Петровым.

Несколькими днями ранее министр иностранных дел Туркменистана Борис Шихмурадov заявил членам делегации HRW, что “регистрация Русской общины в том виде, каком ее требует Фомин, невозможна, поскольку приведет к появлению организации, управляемой политическими силами извне”.

По мнению авторов бюллетеня, основную роль в освобождении Мамедова сыграло давление Запада и широкая огласка инцидента в СМИ (прежде всего через Би-Би-Си и Радио “Свобода”). Роль российских официальных структур в деле освобождения была минимальной. Представители Государственной Думы РФ лишь 2 февраля направили первые письма в исполнительные органы власти с просьбой “сориентировать” посольство “на активную позицию в деле защиты интересов российских соотечественников”. В ответ на три ранее направленные российским консульством ноты МИД Туркменистана ограничился заявлением о том, что Мамедов является гражданином Туркменистана и подлежит ответственности согласно законам этой страны.

На следующий день после освобождения в офисе Мамедова было вывешено объявление о прекращении с 5 февраля 1999 г. “всех консультаций по вопросам приобретения российского гражданства”, что вызвало возмущение посетителей, многие из которых не имели средств для поездки в консульство

РФ в Ашхабаде. 13 февраля Мамедов связался с В.Пономаревым и попросил “больше не поднимать шум в российских СМИ”, сообщив, что на днях его вызывали в КНБ и он вынужден был объясняться по телефону с председателем КНБ по поводу недавнего сообщения агентства “Интерфакс”. В том же месяце собрание актива Русской общины г.Красноводска приняло решение о замораживании своей работы – после того, как некоторые из ее активистов подверглись давлению со стороны КНБ.

Активные следственные действия в отношении Мамедова больше не проводились. Хотя соответствующее уголовное дело должно было быть прекращено в двухмесячный срок согласно президентскому указу об амнистии от 5.02.99, прокуратура Балканского ваялата отказалась считать дело закрытым, заявив, что подписка о невыезде сохраняет свою силу.

В результате предпринятых КНБ репрессивных мер работа РОТ в Туркменистане оказалась в значительной степени дезорганизованной. Председатель РОТ Анатолий Фомин с декабря 1998 г. из-за угрозы ареста вынужден находиться на территории России. В апреле 1999 г. российские дипломаты в очередной раз неофициально сообщили ему, что его возвращение в Туркменистан “желательно отложить на некоторое время”.

Политические заключенные и узники совести

По состоянию на 1 января 1999 г. в Туркменистане находились в заключении четверо политических заключенных и трое узников совести, а еще один религиозный активист был арестован и находился под следствием.

Политические заключенные **Хошалы Гараев** и **Мухаммедгулы Аймурадов** были осуждены в 1995 г. на длительные сроки лишения свободы. 11 октября 1998 г. в отношении них, 8 других заключенных и сотрудника тюремной охраны Широва С. было выдвинуто новое обвинение, включающее заговор с целью захвата власти, возбуждение национальной розни и дезорганизацию работы Красноводской тюрьмы. Уголовное дело было возбуждено в связи с инцидентом в тюрьме 10 октября 1998 г., предположительно являвшимся провокацией туркменских спецслужб. Политзекам должны были вынести смертный приговор, но неожиданная огласка, которую получило это дело за несколько дней до начала судебного процесса, заставила туркменские власти скорректировать свою позицию. Из обвинения были изъяты политические статьи, зато добавлены несколько уголовных (попытка побега, избиение сотрудника тюремной охраны и др.). 10 декабря 1998 г. Верховный Суд Туркменистана приговорил обоих заключенных к 18 годам лишения свободы (в том числе 5 лет на тюремном режиме), семерых других подсудимых – к заключению на сроки от 16 до 20 лет. Двое подследственных не дожили до суда¹⁰.

Несмотря на неоднократные запросы адвокатов и родственников, в Верховном Суде Туркменистана на протяжении месяца отказывались выдать копию приговора, ссылаясь на отсутствие машинистки.

14 января 1999 г. Информационный Центр по правам человека в Центральной Азии получил копии приговора и постановления об изменении обвинения, тексты которых представляют значительный интерес для правозащитных организаций (см. **Приложения №2 и №3**).

13 января 1999 г. адвокат Аймурадова Ольга Ниязова направила кассационную жалобу в Президиум Верховного Суда Туркменистана. В этой

¹⁰ Гуллыев М. повесился, а Атабаллыев Г. умер – якобы “от воспаления легких”.

жалобе, среди прочего, указывалось, что адвокат не согласен с протоколом судебного заседания. Так, в ходе процесса в Красноводске Ниязова каждому из свидетелей и подсудимых задавала вопрос: видели ли Вы, что Аймурадов принимал участие в избиении сотрудника тюрьмы? Все они дали отрицательный ответ. Потерпевший Сабиров также первоначально дал отрицательный ответ. Однако после объявленного судьей 10-минутного перерыва изменил свои показания и на вопрос об участии в избиении Аймурадова ответил, что “били все”. Все это не нашло отражения в судебном протоколе, а когда Ниязова потребовала внести соответствующие исправления, судья ответил, что “не помнит” такие детали. Из протокола были изъяты и показания Гараева о том, что во время событий 10 октября он находился в невменяемом состоянии, поскольку незадолго до этого сотрудники тюрьмы сообщили ему о смерти в Москве его сына (это сообщение не соответствовало действительности и, вероятно, было инспирировано туркменскими спецслужбами). По мнению адвоката, действия заключенных во время инцидента 10 октября 1998 г., продолжавшегося не более 15 минут, не могут быть квалифицированы как “дезорганизации работы исправительного учреждения”.

14 января жена осужденного Алина Семеновна Аймурадова обратилась с заявлением к директору Института демократии и прав человека при Президенте Туркменистана Владимиру Кадырову. В заявлении отмечалось, что “следствие по делу Аймурадова М. велось предвзято”, а обвинение было сфабриковано. Вся вина Аймурадова, по сути, заключалась в том, что во время событий 10 октября 1998 г. он вышел из камеры по требованию других заключенных, “после чего за ним сразу закрыли дверь и вернуться в камеру он уже не мог”. “Обвинение и суд оставили без внимания тот факт, что Аймурадов М. вышел из камеры без очков, без которых плохо видит”, что плохо согласуется с версией о его сознательном участии в попытке побега. Следствие не представило убедительных доказательств сговора или даже каких-либо взаимных контактов Аймурадова и Гараева, которые в течение трех лет “сидели в разных камерах”. Якобы высказанное Аймурадовым предложение “о тушении одной из лампочек в коридоре” не имело практического смысла, поскольку “в этом коридоре лампочки горят через каждые два метра, а выкрутив одну – темнее не станет”. Заявление завершалось просьбой “разобраться в этом деле и оправдать Аймурадова”.

Насколько известно, адвокаты Гараева и других лиц, осужденных вместе с Аймурадовым, от подачи кассационной жалобы отказались. Родственники Гараева после суда вообще не обращались за помощью к адвокату.

После вынесения приговора в декабре 1998 г. Алине Аймурадовой разрешили часовое свидание с мужем. Она рассказала, что здоровье Аймурадова за последнее время заметно ухудшилось, ему как “рецидивисту” ужесточен режим содержания, он голодает, передачи разрешено принимать раз в полгода, причем в посылке должно быть не более 100 г чая и 100 г сахара.

10 февраля 1999 г. Президиум Верховного Суда Туркменистана, рассмотрев кассационную жалобу, поданную адвокатом Аймурадова, оставил ранее вынесенный приговор без изменений.

Однако уже 17 февраля Гараев и Аймурадов были неожиданно этапированы в СИЗО КНБ в Ашхабаде – вместе с другими российскими гражданами, собранными в столице Туркменистана в течение одного дня из различных мест лишения свободы. Предполагалось, что Гараев и Аймурадов, возможно, будут освобождены и выданы в Россию. Однако их фамилий не оказалось в списке лиц, подлежащих освобождению. Через 10 дней они были

этапированы назад в Красноводск. По амнистии сроки заключения им также не были сокращены.

По неофициальным данным, в конце февраля 1999 г. посол США поставил перед Ниязовым вопрос о дальнейшей судьбе этих политзаключенных, на что получил ответ, что, по мнению президента, “они еще полностью не осознали свою вину”.

Последние из находившихся в заключении участников антиправительственной демонстрации 1995 г. **Гулгельды Аннаниязов** и **Курбанмурат Маммедназаров** были освобождены в конце января 1999 г.

Накануне их освобождения 26-27 января по программе “Ватан” туркменского телевидения было передано покаянное заявление Г.Аннаниязова – главного организатора демонстрации 1995 г. – который публично попросил у президента Ниязова прощения за свои преступления. Он, в частности, заявил, что в 1995 году по наивности дал себя обмануть таким несерьезным людям как Авды Кульев и Ширали Нурмурадов, выступив против политики Сапармурата Туркменбаши, и впредь не будет делать ничего подобного¹¹.

В 1998 г. за отказ от службы в армии по религиозным мотивам были приговорены по ст.219 ч.1 УК Туркменистана (“уклонение от призыва на воинскую службу”) к различным срокам лишения свободы три 22-летних члена религиозного объединения “Свидетели Иеговы”: **Олег Константинович Воронин**¹², **Роман Халмурадович Каримов**¹³ и **Роман Александрович Сидельников**¹⁴. Первые двое были помилованы указами президента, соответственно, от 17 февраля и 14 января, а последний освобожден по амнистии¹⁵.

Не было, однако, прекращено уголовное дело в отношении баптиста **Шагельды Атакова**, задержанного 18 декабря 1998 г. в г.Туркменбаши и обвиненного по ст.228 ч.2 (мошенничество) УК Туркменистана. 19 марта 1999 г. Копетдагский этрапский суд г.Ашхабада приговорил его к двум годам лишения свободы (подробнее см. ниже).

Амнистия также не была распространена на активиста Русской общины Туркменистана **Вячеслава Мамедова**, обвиненного в январе 1999 г. в мошенничестве и незаконном присвоении денежных средств и освобожденного в начале февраля под подписку о невыезде (подробнее о его деле см. выше).

4 марта 1999 г. в 10 час. 45 мин. сотрудниками КНБ Туркменистана в аэропорту г.Ташауза по обвинению в “хулиганстве” был арестован житель этого города **Шохрат Разметов**, 1959 года рождения, отец двоих детей, бывший строитель, признанный после получения производственной травмы инвалидом III группы.

С 1998 г. он добивался разрешения на эмиграцию в США, для чего посетил американское посольство в Ашхабаде. Позднее ему были присланы необходимые анкеты. Вероятно, именно визит в посольство привлек внимание КНБ, которое установило негласное наблюдение за Разметовым.

По неподтвержденным данным, Разметов был задержан при попытке вылететь в Ашхабад, при этом он имел с собой собственный рукописный текст (на русском языке) с критикой режима Ниязова, который он намеревался

¹¹ Информация туркменской службы Радио “Свобода” от 27.01.99.

¹² Осужден решением Кушкинского этрапского суда от 7.09.98.

¹³ Решением Азатлыкского этрапского суда г.Ашхабада от 16.12.98 приговорен к 1,5 годам лишения свободы.

¹⁴ Решением Копетдагского этрапского суда г.Ашхабада от 25.06.98 приговорен к двум годам лишения свободы.

¹⁵ Список амнистированных был опубликован в газете “Нейтральный Туркменистан” 27 февраля 1999 г.

передать в американское посольство. Агенты КНБ спровоцировали скандал в аэропорту, задержали Разметова, после чего привезли его домой и провели у него обыск, изъяв все бумаги, включая жалобы задержанного в министерство здравоохранения по поводу несправедливого увольнения его матери.

Допросы в КНБ продолжались весь вечер, после чего Разметов был помещен в камеру СИЗО. В последующие дни некоторые его знакомые были допрошены сотрудниками Управления КНБ по Ташаузскому велаяту.

Информация об аресте Разметова стала известна благодаря Николаю Митрохину, которому удалось посетить Ташауз в марте 1999 г.

Преследования религиозных активистов

В феврале 1999 г. пресвитеры общин Совета Церквей евангельских христиан-баптистов Владимир Чернов (Ашхабад) и Петр Кашин (Красноводск) обратились с письмом на имя президента Туркменистана, в котором выражался протест по поводу “повсеместных гонений за веру со стороны КНБ и органов местной власти”. В письме (см. **Приложение №4**) перечислялись многочисленные случаи “произвола и беззакония” и подчеркивалось, что подобные действия властей противоречат ст.11 Конституции Туркменистана, гарантирующей свободу выражения и распространения религиозных убеждений, участия в отправлении религиозных культов и обрядов.

Согласно письму, начиная с июня 1997 г. проживающим в Туркменистане евангельских христианам-баптистам “пытаются запретить распространять свою веру, собираться на молитвенные богослужения, называют их сборищем, агитацией и вредной пропагандой, мотивируя лишь тем, что наши церкви не зарегистрированы... Сотрудники КНБ, изымая литературу, не предоставили ни одной церкви ни письменного, ни устного обоснования неправомерности действий верующих ЕХБ”.

Авторы письма отмечают, что все члены их церкви являются законопослушными гражданами, которые не вмешиваются в политику и не представляют “никакой опасности для общества и государства”. Письмо завершается обращением к президенту с просьбой “возвратить отобранную литературу”, “дать указание не препятствовать верующим ЕХБ проводить богослуженные собрания и распространять свои убеждения” и “содействовать освобождению Шагельды Атакова”.

Неизвестно, был ли получен ответ пресвитерами ЕХБ, но в марте 1999 г. туркменские власти предприняли очередные репрессивные действия, направленные против общин Совета Церквей ЕХБ.

9 марта 1999 г. руководитель Ташаузской городской общины “отделенных” ЕХБ Виталий Терешин был вызван в городской хякимлик, где ему сообщили, что его жена Лидия Ачилова оштрафована за проведение незарегистрированного молитвенного собрания по ст.205 Административного Кодекса Туркменистана и должна заплатить штраф в размере 200 тысяч манатов. Ачилова ранее заявила, что не заплатит штраф, поскольку “не признает себя виновной перед Богом и людьми”. Терешин поддержал позицию жены, сказав, что решение административной комиссии противоречит Конституции Туркменистана. В ответ на это представитель хякимлика угрожал, что власти изымут эти деньги через суд.

Терешин (гражданин России) и его жена (гражданка Узбекистана) переехали в Ташауз в декабре 1998 г. или январе 1999 г. Они купили частный дом, который стал использоваться местной баптистской общиной для проведения молитвенных собраний баптистской общины. Уже в конце января

власти стали оказывать на них давление, требуя, чтобы они либо прекратили свою деятельность, либо покинули город (подробнее см. также письмо В.Чернова и П.Кашина). После вызова Терешнева в хякимлик 9 марта местные баптисты обратились за помощью к своим зарубежным единоверцам.

19 марта 1999 г. был осужден баптистский активист Шагельды Атаков, арестованный сотрудниками полиции вечером 18 декабря 1998 г. в г.Туркменбаши по обвинению в мошенничестве. Обвинение, предположительно, было связано с прошлой коммерческой деятельностью Ш.Атакова, занимавшегося до вступления в церковь продажей автомобилей. Суд приговорил Атакова к двум годам лишения свободы и постановил взыскать с осужденного 12 тыс. долларов.

В сообщении информационной службы Кестоновского института от 21.04.99 цитируется письмо пастора В.Чернова, написанное в конце декабря 1998 г.: “Мы уверены в том, что это – не обычный арест, а заранее спланированная акция, последовавшая за многочисленными угрозами против верующих евангельских баптистов в Туркменистане... Если брат Шагельды Атаков согласился бы прекратить проповедовать..., его бы не арестовали”. Руководители ЕХБ в Туркменистане еще в декабре направили телеграммы протеста на имя президента и министра юстиции. Письма с требованиями освободить Атакова поступили к туркменским властям и от зарубежных баптистов. Однако руководство Туркменистана отказались амнистировать осужденного.

В 1999 г. гонениям подвергались также пятидесятники.

В воскресенье 28 февраля 1999 г. около 10 час. 30 мин. в “Дом молитв” ашхабадской общины пятидесятников, где проходило еженедельное собрание верующих, пришли пять-шесть человек в штатском, которые отказались представиться и потребовали от присутствующих предъявить паспорта. Впоследствии выяснилось, что в эту группу входили младший лейтенант полиции Овезов, участковый Бекджанов, рядовой Овезов и другие.

Пятидесятники уговорили визитеров подождать до конца собрания. После этого присутствующим запретили выходить из помещения, и на них были заполнены бланки протоколов о совершении административного правонарушения. Всего протоколы были составлены на 23 чел., т.е. на всех присутствующих, не считая детей моложе 16 лет. Поскольку бланков протоколов не хватило, часть верующих обязали прийти в полицию к трем часам дня. Был также составлен общий протокол об административном правонарушении.

По словам пятидесятников, их в нарушение закона заставили подписать протоколы, в которых не были указаны статьи обвинения.

1 марта 1999 г. от всех участников собрания потребовали явиться с паспортами в отделение полиции. Там у них обманом изъяли паспорта и на автобусе отвезли в Административную комиссию Копетдагского этрапа г.Ашхабада. Председатель комиссии Н.Аллабердыев заявил, что они в нарушение ст.205 АК организовали незаконное собрание. Кроме того, их община действует в нарушение действующего законодательства, уклоняется от регистрации и т.п. Аллабердыев угрожал оштрафовать всех присутствовавших на 200 тысяч манатов (13,5 долларов), что составляет размер среднемесячной зарплаты. В итоге, однако, была оштрафована на 100 тысяч манатов по ст. 205 АК лишь владелица дома Антонина Мокроусова (пастор общины Виктор Мокроусов в это время находился в Германии). Паспорт Мокроусовой был возвращен ей после уплаты штрафа.

По имеющимся данным, пятидесятники неоднократно обращались по различным вопросам к заместителю председателя Генгеши по делам религий при Президенте Туркменистана, православному священнику отцу Андрею Сапунову, курирующему работу с христианскими церквями. Последний, однако, игнорировал попытки диалога, заявляя, что пятидесятники “являются незарегистрированной организацией”. Во время одной из последних встреч Сапунов сказал: “Надеюсь, что вы не будете молиться за меня за упокой”¹⁶.

В начале 1999 г. получили известность еще несколько случаев, свидетельствующих о нарушении туркменскими властями религиозных свобод.

Так, 16 декабря 1998 г. Азатлыкский районный суд г.Ашхабада вынес приговор по делу члена религиозного объединения “Свидетели Иеговы” Каримова Романа Халмурадовича, родившегося 25 января 1977 г., туркмена, неженатого, имеющего среднее специальное образование, работавшего механиком международного аэропорта, проживавшего в г.Ашхабаде по адресу: 9 микрорайон 1-ый проезд Худойбердыева дом 5 кв.18.

Ранее 6 июля 1995 г. Каримов уже был приговорен Азатлыкским районным судом г.Ашхабада “за уклонение от призыва на военную службу” (по ст.79 ч.1 старого УК Туркменистана) к 1,5 годам лишения свободы, но в январе 1996 г. был освобожден по амнистии. После освобождения власти неоднократно пытались призвать его на военную службу, но он отказывался от службы в армии по религиозным мотивам.

После визита Каримова в городской военкомат 16 октября 1998 г., куда он был вызван по повестке, против него было возбуждено уголовное дело. На суде Каримов отказался признать себя виновным, повторил, что является членом религиозного объединения “Свидетели Иеговы” и не может служить в армии по религиозным мотивам. Мать обвиняемого Т.Каримова, также являющаяся членом объединения “Свидетели Иеговы”, выступая в качестве свидетеля, назвала решение своего сына “правильным”. Подобная позиция вызвала крайнее возмущение со стороны государственного обвинителя, которая в порыве гнева даже назвала Бога Иегову “псевдобогом”.

Адвокатом Каримова выступал гражданин Чешской Республики Любомир Мюллер, прибывший в Ашхабад из Санкт-Петербурга (Россия). В своем выступлении он ссылаясь на то, что право на альтернативную гражданскую службу было закреплено в резолюции № 1993/84 комиссии ООН по правам человека от 10.03.93, а также на то, что согласно нормам международного и национального права Каримов не может быть осужден дважды за одно и то же преступление. По мнению Мюллера, факт уклонения от воинской службы не имел документального подтверждения в материалах следствия, поскольку Каримов всегда являлся по повестке в военкомат, а согласно законодательным нормам Туркменистана “уклонение от воинской службы” призывника имеет место лишь в случае его неявки в призывную комиссию.

Суд не внял доводам адвоката и приговорил Каримова по ст. 219 ч.1 УК к 1,5 годам лишения свободы с отбытием наказания в исправительной колонии общего режима. Осужденный был взят под стражу в зале суда.

На следующий день адвокат Любомир Мюллер подал кассационную жалобу в Ашхабадский городской суд, который назначил рассмотрение дела на 13 января 1999 г.

11 января 1999 г. в 18 час. Мюллер вновь прибыл в Ашхабад из Москвы, но неожиданно был без объяснения причин задержан в Ашхабадском

¹⁶ Противоречащее православному учению распространенное суеверие, согласно которому подобным образом можно довести человека до могилы.

международном аэропорту. Адвокату отказали в возможности связаться с дипломатическим представителем Чешской Республики, женой или туркменскими правоохранительными органами. Начальник погранпоста на все вопросы Мюллера ответил кратко: “Я не хочу с Вами разговаривать”.

По данным Кестоновского института, распространившего 15 января подробную информацию об этом инциденте, Мюллер имел временную прописку в Ашхабаде до 15 января 1999 г. и обратный билет на это число. Он также имел официальное приглашение в Туркменистан, заверенное МИД этой страны, и полномочия от Санкт-Петербургской Международной ассоциации адвокатов представлять интересы Каримова. После 14 часов вынужденного ожидания в аэропорту, адвокат был посажен в самолет и депортирован в Москву. Только в России ему были возвращены паспорт и обратный билет. Российские официальные лица передали Мюллеру копию акта о депортации, составленного на ОКПП “Ашхабад” 12 января, где в разделе “причина отказа во въезде” было указано: “закрит въезд в Туркменистан”.

Позднее стало известно, что суд, назначенный на 13 января, из-за “неявки адвоката” был перенесен на 20 января. Однако уже 17 января 1999 г. было объявлено, что Каримов освобождается по амнистии.

Журналист Николай Митрохин, посетивший Туркменистан в марте 1999 г., сообщил об инциденте с конфискацией Библий.

Согласно полученной информации, в октябре 1998 г. Библейское общество Узбекистана направило в дар ашхабадской церкви Адвентистов Седьмого Дня 1500 экземпляров различных изданий Библии (включая детские). Книги были задекларированы пастором адвентистов на пограничном посту “Фараб” (Лебапский вельяет) и должны были быть “растаможены” в Ашхабаде. Однако в столице груз неожиданно был задержан таможенниками как “контрабанда”.

Председатель Библейского общества Узбекистана Сергей Митин дважды приезжал в Туркменистан для урегулирования возникшего конфликта. Однако заместитель председателя Генгеша по делам религий при Президенте Туркменистана М.О.Каррыев потребовал, чтобы Митин забрал Библии назад в Узбекистан. В письме Каррыева №110 от 03.11.98 заявлялось, что “Библейское общество Узбекистана не может заниматься распространением литературы на территории Туркменистана, так как не имеет юридического статуса в нашей стране. Религиозные общины, имеющие потребность в Вашей продукции, могут получить ее при условии прохождения регистрации в министерстве юстиции...”. Между тем в 1997 г. туркменские власти аннулировали регистрацию всех христианских конфессий, кроме Русской православной церкви, а по уставу Библейского общества для его создания необходимо наличие христианских общин не менее трех конфессий.

Туркменские адвентисты не исключают, что по истечении полугодового срока изъятые Библии по решению суда могут быть сожжены как “невостребованные получателем”.

По сообщениям из Мары, лидер местной общины Международного общества “Сознание Кришны” Алламурад Рахимов в 1998 г. направил письмо на имя президента Туркменистана, в котором выразил протест против постоянных преследований членов общины местными властями и правоохранительными органами¹⁷. Через некоторое время он был приглашен в хякимлик Марыйского вельяета, где работники хякимлика, КНБ и прокуратуры

¹⁷ Подробнее о случаях преследований “кришнаитов” в 1996-1998 гг. см. Митрохин Н., Пономарев В. Туркменистан: государственная политика и права человека 1995-1998. М., 1999, с.90-94.

провели с ним “беседу” по поводу его письма. От Рахимова потребовали дать пофамильный список тех, кого, по его мнению, преследуют или отказывают в трудоустройстве. Ему также заявили, что он должен был обращаться с жалобой не к президенту, а в областной хякимлик.

Во второй половине 1998 г. внимание туркменских властей впервые привлекла ситуация в Русской православной церкви. Ниязов даже сделал публичное заявление о недопустимости вмешательства в политику “некоторых священников” РПЦ. Один из представителей РПЦ, просивший не называть его имени, сообщил, что президент Туркменистана, вероятно, имел в виду критику, с которой ключарь (фактически - первое лицо) Никольского кафедрального собора отец Сергей Панич выступил против Благодчинного (административного руководителя) Туркменистана отца Андрея Сапунова. Благодчинный подвергся критике, в частности, за то, что состоит на государственной службе (в должности заместителя председателя Генгеши по делам религий при Президенте Туркменистана) и получает зарплату от государства, что является нарушением внутрицерковных законов (“Апостольских правил”). Кроме того, о.Сергий публично выступил против намеченных правительством планов строительства в Ашхабаде новой автострады, проходящей через территорию кладбища. Эти заявления о.Сергия были оценены туркменскими властями как недопустимые.

В октябре 1998 г. архиепископ Ташкентский и Среднеазиатский Владимир принял решение освободить о.Сергия от должности ключаря и перевести в Ташкент. Поводом для принятия решения послужила видеопленка, якобы снятая прихожанами, на которой было видно, как о.Сергий посреди литургии (основной службы) долго поправляет хор. Многочисленная и сплоченная община собора была крайне недовольна отставкой о.Сергия. Последний, не согласившись с решением архиепископа, уехал на Украину.

Впрочем, критика Благодчинного со стороны верующих и священнослужителей все же сыграла свою роль. В ноябре 1998 г. решением архиепископа туркменское благочиние было разделено на три – Ашхабадское, Красноводское и Чарджоуское. О.Андрей в январе 1999 г. был переведен на почетный, но далекий от реальных дел пост секретаря епархиального управления по Туркменистану, а новые благочинные получили право прямого обращения к архиепископу минуя о.Андрея.

Характер взаимоотношений между РПЦ и государственными органами Туркменистана может быть наглядно проиллюстрирован словами одного из православных священников, встретившихся в марте 1999 г. с российским журналистом Николаем Митрохиным: “Вы не пишите о нас очень подробно. Тут все может случиться. Придут, и на храм замок повесят. А что архиерей сделает? Протестовать не будет и меня сана лишит”.

Вопрос о регистрации религиозных общин

В конце 1998 г. в туркменской печати впервые за последние два года были обнародованы сведения о числе зарегистрированных религиозных общин. Согласно докладу министра юстиции Т.Халлыева на совещании в министерстве, в ноябре 1998 г. в Туркменистане были зарегистрированы 136 религиозных организаций¹⁸.

Справка: По данным на октябрь 1996 г. в стране действовали 240 зарегистрированных мечетей, около 10 православных общин и около 10

¹⁸ “Нейтральный Туркменистан” 10.11.98.

зарегистрированных общин других конфессий. Еще от 20 до 40 мечетей находились в стадии строительства. В начале 1997 г. была проведена перерегистрация религиозных объединений, вследствие чего число действующих мечетей, по неофициальным данным, сократилось вдвое, а большинству конфессий, кроме православных и мусульман, было отказано в государственной регистрации¹⁹. Вскоре началось преследование активистов незарегистрированных конфессий, что вызвало критику со стороны международных правозащитных организаций.

Опубликованная цифра, по мнению авторов, не только подтверждает полученную ранее неофициальную информацию, но и свидетельствует об отсутствии какого-либо прогресса в этой области.

Объясняя отказы в регистрации религиозных общин других конфессий, Т.Халлыев заявил на том же совещании, что, помимо ислама и православия, “другие религиозные направления не пользуются поддержкой нашего народа”. “Среди представителей этих религиозных организаций *соответствующими ведомствами* ведется определенная работа по разъяснению их прав и обязанностей в соответствии с Законом Туркменистана “О религиозных организациях в Туркменистане”²⁰.

Другие участники совещания высказывались еще более откровенно. Например, председатель Совета ветеранов им.Атамурата Ниязова С.Атаев осудил попытки “некоторых представителей различных религиозных конфессий... навязать людям свои установки”. “Одни - призывают придерживаться вегетарианства /имеются в виду “кришнаиты” – прим ред./, что отрицательно сказывается на здоровье народа; другие - пропагандируют неподчинение конституционным законам государства, как, например, отказ от службы в армии” /“Свидетели Иеговы” - прим. ред./²¹. Публикация высказываний С.Атаева в официальном туркменском издании свидетельствует о том, что государственные органы Туркменистана по прежнему занимают негативную позицию в отношении указанных религиозных течений.

В конце января 1999 г. Радио “Свобода” сообщило об очередном обращении к главе государства граждан Туркменистана армянского происхождения с просьбой вернуть им церковь в г.Туркменбаши, изъятую у верующих в советское время. Хотя предложение об открытии армянской католической церкви было поддержано послом Армении в Туркменистане А.Григоряном, просьба верующих была в очередной раз отклонена.

В октябре 1998 г. помощник заместителя председателя Генгешы по делам религий при Президенте Туркменистана М.Каррыев заявил представителям общины Адвентистов Седьмого Дня, пытавшимся подать документы на регистрацию, что вскоре будет принято положение, согласно которому религиозная организация, дважды получившая отказ в регистрации, теряет право на дальнейшее существование на территории Туркменистана.

Впрочем, к весне 1999 г. ситуация, возможно, стала меняться в лучшую сторону. Согласно неофициальной информации, 2 марта 1999 г. один из официальных чиновников сообщил о подготовке нового закона “О свободе совести и религиозных организациях”, в котором будет понижено минимальное число учредителей религиозной организации, составляющее в настоящее время 500 чел.

¹⁹ Подробнее см. Митрохин Н., Пономарев В. Туркменистан: государственная политика и права человека 1995-1998, с.80-83.

²⁰ “Нейтральный Туркменистан” 10.11.98.

²¹ “Нейтральный Туркменистан” 10.11.98.

На фоне многочисленных сообщений об отказах в регистрации и преследованиях верующих трудно без юмора воспринять сообщение о вручении 11 января российским послом А.Щелкуновым послания патриарха РПЦ президенту Ниязову, в котором содержатся слова благодарности в адрес руководства Туркменистана “за создание в стране атмосферы, когда представители всех религий имеют право и возможность вероисповедания”²².

Власти разгоняют собрания ассоциации журналистов и профсоюза работников предпринимательских структур

23 января 1999 г. в Ашхабаде на одной из частных квартир должно было состояться собрание-презентация туркменского отделения Центрально-Азиатской ассоциации журналистов “Социальное партнерство”. Проведение презентации было приурочено к приезду из Алма-Аты в Ашхабад Шона Робертса, Сью Бенедетти и Дэвида Смита - сотрудников регионального офиса американской организации “Counter Parth Consortium” (CPC), оказывающей помощь неправительственным организациям.

Справка: Центрально-Азиатская ассоциация журналистов “Социальное партнерство” (далее - ЦААЖ) была образована в сентябре 1998 г. на конференции неправительственных организаций по вопросам социального партнерства в г.Чолпон-Ата (Кыргызстан). Позднее было создано туркменское отделение ЦААЖ, в состав которого вошли 13 ашхабадских журналистов (большинство из городской газеты “Ашгабат”, 3 – из редакции газеты “Нейтральный Туркменистан”) и 2 – небитдагских. В декабре 1998 г. отделение получило грант CPC и выпустило первый номер информационного листка “Социальное партнерство”, в котором публиковались материалы об успешном сотрудничестве неправительственных организаций с государственными структурами.

Организацией презентации занималась Галина Щепоткина, инициатор создания туркменского отделения ЦААЖ и один из трех ее сопредседателей²³. В пятницу 22 января около 19 часов ей домой позвонил зав. сектором по работе с СМИ МИД Туркменистана Байгельды Геленов, который, сообщив, что властям известно о создании Щепоткиной “запрещенной организации” и о намеченной презентации, “настоятельно рекомендовал” отменить проведение намеченного на следующий день мероприятия. Щепоткина ответила отказом.

23 января квартиру, где должна была состояться презентация, посетила сотрудница домоуправления, потребовавшая объяснить, “кто здесь живет” и “что происходит”. Щепоткина объяснила, что арендует квартиру как частное лицо. Около 17 часов пришли участковый полицейский и четверо лиц в штатском, как минимум один из которых был сотрудником КНБ. Пришедшие заявили, что они - работники этрапского (районного) отдела полиции, и после короткого разговора с Щепоткиной стали проверять документы и “беседовать” по одному с каждым из присутствующих. Проверка продолжалась около трех часов. Многие журналисты были напуганы (один из них позднее отказался от членства в ассоциации). После завершения “бесед” полицейские потребовали, чтобы собравшиеся разошлись. Они покинули квартиру, получив обещание от директора туркменского офиса CPC Розли Власкес, что все уйдут домой “после чашки чая”.

²² “Нейтральный Туркменистан” 12.01.99.

²³ Щепоткина, в конце 80-х годов работавшая инструктором ЦК Компартии Туркменистана, с 1992 г. возобновила журналистскую деятельность и вскоре была назначена зав. отделом редакции газеты “Нейтральный Туркменистан”.

25 января Мёрл Бейкер, Шон Робертс и Розли Власкес посетили главного редактора газеты “Нейтральный Туркменистан” Балкана Гафурова и рассказали ему о поддержке СРС программ социального партнерства. После их визита Гафуров вызвал Щепоткину и объявил ей об увольнении, заявив, что она ссорит его с международными организациями. 26 января в отделе кадров журналистке зачитали приказ об увольнении, в котором в качестве причины увольнения были названы “нарушение журналистской этики и превышение должностных полномочий”. Поскольку подобная формулировка не соответствует требованиям туркменского трудового законодательства, от Щепоткиной стали требовать, чтобы она написала заявление об уходе “по собственному желанию”, угрожая в случае отказа уволить ее “за несоответствие занимаемой должности”. Гафуров угрожал увольнением и старшей дочери Щепоткиной – Елене Долговой, также работавшей в газете “Нейтральный Туркменистан”. Впрочем, сотрудник МИД Б.Геленов сообщил журналистке, что инициатором ее увольнения был не главный редактор газеты, а руководство КНБ.

По информации, которой располагают авторы бюллетеня, неприятности Щепоткиной в редакции начались в конце сентября 1998 г., когда журналистка, вернувшись с конференции неправительственных организаций в Чолпон-Ате, написала целую страницу об этой конференции под заголовком “Социальное партнерство”. Вице-премьеры Айдогдыев и Абалаков выразили главному редактору недовольство публикацией этого материала, два упомянутых в ней подростковых клуба “Диалог” и “Бегенч” были закрыты, а журналистка была приглашена на беседу с заместителем министра образования А.Дурдыевым, который запретил ей в дальнейшем упоминать в газете термин “образовательные неправительственные организации”.

18 декабря 1998 г. Щепоткина получила строгий выговор и была понижена в должности сроком на три месяца за то, что без разрешения главного редактора подготовила интервью с представителем американского Агентства международного развития в Туркменистане Мёрлом Бейкером. Почти месяц МИД Туркменистана решал, следует ли допускать к печати текст интервью, позднее из уже готовых гранков был вычеркнут абзац, в котором содержалось упоминание о СРС.

Неизвестно, как сложилась бы дальнейшая судьба Щепоткиной, если бы в конце января инцидент с разгоном собрания журналистской ассоциации не получил международную огласку. В частности, Информационный центр по правам человека в Центральной Азии передал сообщение о происшедшем находящейся в Ашхабаде делегации “Human Rights Watch”, члены которой 31 января встретились с Щепоткиной и взяли у нее подробное интервью. 2 февраля сообщение об инциденте передала туркменская служба Радио “Свобода”²⁴.

Вскоре Щепоткину проинформировали, что она не увольняется, а с 1 февраля 1999 г. переводится на работу в журнал “Финансовые вести” (приложение к газете “Нейтральный Туркменистан”). На новом месте работы ей был установлен пониженный оклад (250 тыс. манатов, т.е. около 15 долларов), а публикация ее материалов была запрещена. Правда в феврале в газете “Нейтральный Туркменистан” вышли несколько подписанных псевдонимом статей Щепоткиной, подготовленных к печати до инцидента 23 января.

С марта 1999 г. журналистка стала работать собственным корреспондентом по Туркменистану российского информационного агентства “ИМА-пресс”.

²⁴ Сообщение Радио “Свобода” было составлено на основе полученной авторами бюллетеня из Ашхабада первоначальной информации, в которой дата инцидента и некоторые детали были указаны неточно.

1 февраля Щепоткина попыталась подать заявку о регистрации туркменского отделения ЦААЖ в министерство юстиции Туркменистана, однако у ней отказались даже взять документы, сказав, что “у нас есть Союз журналистов и больше нам ничего не нужно”.

Незарегистрированное отделение ЦААЖ продолжает работу над грантом “Журналист для социального партнерства” (в феврале вышел третий номер информационного листка “Социальное партнерство”), однако активисты ассоциации вынуждены были отказаться от намеченного в проекте проведения социологического опроса.

3 февраля 1999 г. в Ашхабаде произошел очередной инцидент, когда агенты КНБ воспрепятствовали проведению собрания общественной организации.

В этот день в здании Ашхабадской городской организации ветеранов войны и труда (по адресу: ул.Азади, д.35) должно было состояться совещание членов Центрального Совета Профсоюза работников предпринимательских структур Туркменистана.

Профсоюз был создан в 1989 г. как часть Профсоюза кооператоров СССР. После распада СССР профсоюз трансформировался в самостоятельную организацию, но не получил официальной регистрации из-за противодействия властей. С 1996 г. структуры профсоюза фактически не функционировали, хотя организация формально не была распущена. В конце 1998 г. один из ее руководителей, бывший редактор профсоюзной газеты Овлякулы Чарыев попытался возобновить деятельность в профсоюзе. Ему удалось собрать большинство членов Центрального Совета, представляющих все велюаты (области) страны²⁵. Пленум ЦС должен был обсудить вопросы возобновления деятельности профсоюза, его регистрации и избрать новое руководство (председателем должен был стать О.Чарыев). Для участия в работе пленума были приглашены представители официальной Демократической партии, Союза молодежи Туркменистана и председатель Национального профцентра (последний игнорировал приглашение).

По рассказам участников, собрание началось в 14 часов, а спустя примерно 20 минут двое из тридцати присутствующих в зале неожиданно объявили, что они являются сотрудниками КНБ (один из них представился как Ораз). Агенты КНБ запретили участникам “несанкционированного собрания” покидать зал и стали переписывать фамилии присутствующих.

Составив список, они объявили, что собрание не может продолжаться, поскольку профсоюз работников предпринимательских структур не зарегистрирован, не было получено и разрешение на проведение собрания членов его Центрального Совета. Сотрудники КНБ также требовали назвать фамилии организаторов “несанкционированного мероприятия”.

Большинство профсоюзных активистов поспешно покинули зал, оставшиеся еще около полутора часов дискутировали с сотрудниками КНБ, которые, в частности, заявили, что их ведомство не возражало бы против проведения собрания, если бы оно проходило при участии властей или под эгидой Национального профцентра (единственного зарегистрированного в стране профсоюза).

Таким образом, собрание актива Профсоюза работников предпринимательских структур Туркменистана фактически было сорвано КНБ.

²⁵ На собрании присутствовали представители из Ашхабада, областных центров, а также из Красноводска и Безмеина.

Министерство юстиции отказывает в регистрации десяткам общественных организаций

18 февраля 1999 г. после полутора лет ожидания туркменское представительство американской организации “Counter Parth Consortium” (CPC), оказывающей поддержку неправительственным организациям, получило аккредитацию у туркменских властей. Однако, по имеющимся данным, не менее 50 местных организаций, контактирующих с CPC, не могут получить регистрацию в министерстве юстиции Туркменистана.

Некоторые из них сдали документы о регистрации еще три года назад. Хотя туркменским законодательством предусмотрен двухмесячный срок рассмотрения заявок о регистрации, на практике этот срок не соблюдается. Согласно неофициальным сообщениям из Ашхабада, начальник отдела регистрации общественных организаций Министерства юстиции Джумагельды Курбанов нередко просто не рассматривает поданные заявки и хранит их у себя в кабинете, дожидаясь, пока просители сами не откажутся от своих намерений. Впрочем, согласно неподтвержденной информации, одна из женских организаций была зарегистрирована за взятку.

Активисты общественных организаций утверждают, что туркменские власти весьма неблагоприятно относятся к таким терминам как “неправительственная” или “общественная организация”. В общении с чиновниками лучше называть свои организации клубом, а еще предпочтительнее – клубом или объединением при какой-либо государственной организации или общественной организации, созданной государственными органами.

Показательны в этой связи некоторые ответы, полученные общественными организациями из Министерства юстиции Туркменистана в ответ на заявления о регистрации.

Так, в письме №4/439 от 13 мая 1998 г. за подписью главы министерства Т.Халлыева, полученном членами “Экологического клуба “Амударья”, указывается, что министерство, рассмотрев представленные клубом учредительные документы, сообщает, что *“Министерством юстиции Туркменистана от 15.4.1992 г. за №0058 зарегистрирован Экологический фонд Туркменистана. В связи с этим можете войти в состав Экологического фонда Туркменистана как структурное подразделение. На основании вышеизложенного возвращаем Вам документы экологического клуба “Амударья”.*

В письме вице-премьера О.Айдогдыева №7/8925 от 10.11.98 министру юстиции т.Халлыеву по вопросу о регистрации женского клуба “Наргиз” в г.Ташаузе отмечалось: “Нет необходимости регистрации. Есть общественная женская организация им.Гурбансолтан эдже, где создаются все условия для такой деятельности”.

В 1995-1997 гг. неоднократно получала отказы в регистрации Галина Щепоткина, пытавшаяся создать национальное отделение детского фонда “Дети Земли”. В итоге ей в устной форме было заявлено, что такого рода деятельность должна вестись через ранее зарегистрированный Детский фонд. В апреле 1998 г. Щепоткина создала небольшую “Ассоциацию деловых женщин Туркменистана”, которой также было отказано в регистрации из-за того, что, по мнению чиновников, для решения женских вопросов достаточно созданного властями Союза женщин Туркменистана им. Гурбансолтан эдже.

Для отказов в регистрации используются и другие поводы. Например, среди причин отказа в регистрации общественно-образовательного центра “Дельта” в г.Ташаузе, созданного в середине 1998 г., фигурирует и такая: “Нет

подтверждающего документа о предоставлении юридического адреса (помещения под офис)” (письмо Д.Курбанова №4/7 от 13.01.99).

В апреле 1998 г. отказ в регистрации был получен и общественно-образовательным центром “Фламинго” из Красноводска. В письме министерства юстиции были высказаны претензии даже к той части устава, которая была скопирована организаторами центра с устава одной из зарегистрированных организаций.

Следует отметить, что все подобного рода отказы противоречат правовым нормам, сформулированным в действующем Законе Туркменистана “Об общественных организациях”.

Депортация сотрудника “Human Rights Watch” А.Петрова

30 января 1999 г. делегация базирующейся в США международной правозащитной организации “Human Rights Watch” (HRW) прибыла в Ашхабад по приглашению правительства Туркменистана. В составе делегации были Кеннет Рос, исполнительный директор HRW, Холли Картнер, исполнительный директор отделения HRW по Европе и Центральной Азии, Кассандра Кавано, исследователь по Центральной Азии, и Александр Петров, заместитель директора московского представительства HRW.

Начиная с апреля 1998 г. HRW неоднократно обращалась к правительству Туркменистана с просьбой о встречах на высоком уровне и о визах для проведения исследовательской поездки по стране, но эти просьбы неизменно отклонялись, а даты визита переносились на неопределенный срок. Согласившись в январе 1999 г. на приезд делегации HRW туркменские власти рассматривали это как важный шаг в пропагандистской кампании, призванной убедить мировое сообщество в наличии значительного прогресса в области соблюдения этой страной прав человека.

В Ашхабаде членов делегации HRW приняли министр иностранных дел, генеральный прокурор, министр юстиции и заместитель председателя Меджлиса. На подготовительной стадии визита не исключалась возможность встречи членов делегации HRW с президентом Ниязовым, однако, почувствовав критический настрой визитеров, туркменские чиновники отказались от проведения такой встречи.

Вечером 1 февраля Кеннет Рос и Холли Картнер покинули Туркменистан, а К.Кавано и А.Петров должны были, по согласованию с туркменскими властями, начать исследовательскую поездку по стране. Однако намеченный на 3 февраля отъезд в Небитдаг не состоялся.

2 февраля около 23 часов в гостиничный номер к Петрову вошли трое сотрудников КНБ в штатском, старший из которых представился как Кадыров. Они заявили, что в КНБ поступили “заявления граждан” о том, что Петров передал им доклад Правозащитного Центра “Мемориал” о правах человека в Туркменистане, распространение которого, по утверждению сотрудников КНБ, “нарушает законы” и “угрожает подорвать стабильность в стране”. Петрову продемонстрировали два рукописных заявления на туркменском языке, в которых отчетливо были видны фамилии С.Овезбердыева (длинный текст) и Д.Ходжамухаммедова (короткий текст) и список печатных изданий, которые члены делегации HRW передали указанным лицам 1 февраля. В связи с этим сотрудники КНБ потребовали от Петрова “немедленно покинуть территорию Туркменистана”.

Петрову не дали сообщить о случившемся его коллеге г-же Кавано, отдыхавшей в соседнем номере гостиницы, или обратиться за помощью в

консульство России, гражданином которой он является. Он был принудительно доставлен в аэропорт, где провел ночь в компании двух охранников, а в 8 часов утра был посажен в самолет, вылетающий в Москву.

Инцидент получил широкую международную огласку. Руководство HRW незамедлительно проинформировало о происшедшем структуры ОБСЕ, а также распространило информацию о происшедшем на парламентской ассамблее Совета Европы. В письме HRW, направленном 3 февраля министру иностранных дел Норвегии Кнуту Воллабеку, высказывалось мнение, что “события вторника и среды демонстрируют не только то, что правительство /Туркменистана/ не стремится даже начать соблюдать свои обязательства в области прав человека, принятые в рамках ОБСЕ, но также, что его ограниченный диалог с Хьюман Райтс Вотч был неискренним”. В том же письме Холли Картнер констатирует, что “туркменские представители отказались объяснить, почему именно г-н Петров был обвинен в этом, а не г-н Рот или я, хотя мы присутствовали при передаче доклада”. Общая оценка ситуации в Туркменистане, высказанная руководством HRW, была выдержана в крайне пессимистических тонах: *“Правительство Туркменистана является одним из наиболее репрессивных в мире. Здесь нет политической оппозиции, нет свободы собраний, нет возможности для публичных дебатов и – как наглядно иллюстрируют вчерашние события – нет свободы выражения, зато есть секретная полиция советского типа. Трудно представить более неблагоприятный климат для прав человека и для миссии ОБСЕ, стремящейся содействовать защите прав человека и верховенству закона”*.

В тот же день исполнительный директор HRW Кеннет Рот направил следующее письмо министру иностранных дел Туркменистана Борису Шихмурадову:

“Дорогой г-н Шихмурадов.

Благодарю Вас за встречу с нашей делегацией в Ашхабаде в понедельник.

Как Вы без сомнения знаете, представители Комитета национальной безопасности задержали сотрудника Хьюман Райтс Вотч Александра Петрова в его гостиничном номере в 11 часов вечера во вторник и без оснований и без какого-либо разбирательства депортировали его в Москву. Они отказались разрешить ему информировать его коллегу о его депортации или обратиться за помощью в российское консульство.

Обращение правительства Туркменистана с г-ном Петровым является неприемлемым. Хьюман Райтс Вотч не будет продолжать ее миссию в Туркменистане до тех пор, пока правительство не разрешит г-ну Петрову вернуться в страну и не принесет официального извинения за этот инцидент. Более того, поскольку безопасность наших исследователей и тех лиц, с которыми мы хотим встретиться в Туркменистане, очевидно, находится под угрозой, мы допускаем возвращение г-на Петрова только на условиях, что он будет сопровождаться ответственным сотрудником находящейся в Нью-Йорке штаб-квартиры Хьюман Райтс Вотч.

Мы убедительно просим, чтобы правительство Туркменистана направило мне свой ответ по факсу не позднее чем послезавтра в пятницу 5 февраля.

Благодарю Вас за Ваше внимание.

Кеннет Рот, исполнительный директор Хьюман Райтс Вотч”.

Ответ Шихмурадова был датирован 5 февраля 1999 г. (письмо №08/952а). Согласно изложенной им официальной позиции, “туркменская сторона была вынуждена предложить г-ну Петрову покинуть пределы Туркменистана, чтобы предотвратить последствия его провокационных

действий. Они шли в разрез с задачами обеспечения прав людей и противоречили тем целям, о которых мы с Вами говорили в Ашхабаде. У нас есть основания утверждать, что г-н Петров явно решил воспользоваться зонтиком Вашей организации для выполнения определенных политических задач, которыми озабочены определенные круги на его родине”. На то, что А.Петров рассматривался туркменскими спецслужбами как своего рода “агент влияния Москвы” указывает заключительный абзац письма Шихмурадова, в котором отмечается, что “Туркменистан, будучи приверженным общечеловеческим ценностям, идеалам демократии и прав человека... готов к диалогу с США по всем этим вопросам без посредников”.

17 февраля в российской “Независимой газете” была опубликована статья, выражающая точку зрения МИД Туркменистана. В статье утверждалось, что А.Петров был “задержан за распространение незаконно ввезенной в Туркмению литературы” и что “Туркменистан готов сотрудничать со всеми правозащитными организациями, но он против того, чтобы их московские представители навязывали свои подходы и мнения независимому и суверенному государству, чтобы под ширмой этих организаций кто-либо проводил на территории Туркменистана политику определенных российских кругов”.

Откровенно дезинформационный характер имели и комментарии пресс-секретаря посольства Туркменистана в РФ Григория Колодина. 11 февраля в телефонном разговоре с корреспондентом “Радио России” Татьяной Касаткиной он, в частности, заявил, что депортированный агентами КНБ Петров был переводчиком делегации HRW, который самовольно остался в Ашхабаде после завершения официальной программы визита и был задержан за распространение “журнала” (?), который не задекларировал при въезде.

Имеются достаточные основания полагать, что депортация А.Петрова была проведена КНБ без согласования с МИД Туркменистана и без учета возможных международных последствий этой акции. В последующие дни председатель КНБ М.Назаров попытался улучшить имидж своего ведомства, встретившись 3 и 4 февраля с оставшимся в Туркменистане исследователем HRW Кассандрой Кавано²⁶ и организовав ей 5 февраля “неофициальную встречу” со срочно освобожденным из тюрьмы активистом “Русской общины” Вячеславом Мамедовым.

Поскольку туркменские власти отказались принести извинения А.Петрову и разрешить его возвращение в Туркменистан, 6 февраля К.Кавано вынуждена была покинуть страну. 10 февраля Кеннет Рос направил письмо Б.Шихмурадову, в котором отвергал все обвинения, выдвинутые в адрес А.Петрова, и заявлял, что происшедший инцидент “представляет собой очевидную попытку отвлечь внимание от факта нетерпимого отношения Вашего правительства к независимому контролю за правами человека в стране” (полный текст письма см. **Приложение 5**). 27 февраля письмо аналогичного содержания за подписью Холли Картнер было опубликовано в российской “Независимой газете”.

Инцидент с А.Петровым получил широкую огласку и внутри Туркменистана – главным образом, благодаря передачам туркменской службы Радио “Свобода”. Последняя передала в эфир как подробное интервью с самим Петровым, так и полные тесты писем, которыми обменялись HRW и МИД Туркменистана.

Ашхабадский корреспондент туркменской службы РС Сапармурад Овезбердыев и туркменский диссидент Дурдымурад Ходжамухаммедов

²⁶ До этого просьбы о встрече с делегацией HRW неизменно отклонялись - якобы из-за чрезмерной загруженности Назарова.

сообщили, что они не обращались в КНБ с какими-либо заявлениями, однако признали, что после встречи с делегацией HRW их дома посетили агенты КНБ, и они вынуждены были сдать полученные печатные издания и написать объяснительные с перечислением указанных печатных материалов. При этом Д.Ходжамухаммедов заявил, что объяснительная была написана им примерно через полторы-две недели после встречи с HRW²⁷. По словам А.Петрова, во время встречи делегации HRW с Д.Ходжамухаммедовым в квартире последнего находился человек, представившийся как родственник диссидента, но, предположительно, являвшийся агентом КНБ. Не исключено, что одна из бумаг, которая была продемонстрирована Петрову при задержании, была написана этим человеком.

Примерно через 10 дней после депортации Петрова сотрудники КНБ посетили квартиру журналиста Аширкули Байриева и изъяли печатные материалы, оставленные ему делегацией HRW.

21 апреля, выступая в Национальном институте демократии и прав человека, президент Туркменистана высказал несколько критических реплик в адрес HRW, хотя сама эта организация им названа не была: *“Сама Америка не могла 10 лет принять Конституцию после независимости. А нас просят на второй год. И все на ущемление прав человека указывают. Большие чиновники из Америки приезжали, под видом своей озабоченности по этому поводу искали оппозицию Ниязову, власти. Нашли нескольких наркобизнесменов, но мы-то тоже ситуацию знали, контролировали”*²⁸. Для неискушенного в туркменском политическом лексиконе читателя следует пояснить, что под “наркобизнесменами” Ниязов имел в виду участников демонстрации 1995 г., с которыми встречались члены делегации HRW, а последние слова президента содержат признание того, что секретная полиция контролировала все встречи делегации HRW.

Депортация российских журналистов В.Пономарева и Н.Митрохина

7 марта 1999 г. в 17 час. 20 мин. местного времени двое российских журналистов и правозащитников – Виталий Пономарев и Николай Митрохин – были задержаны туркменскими пограничниками при попытке въехать в Туркменистан на частном автомобиле через КПП “Бекдаш” (севернее Красноводска).

Паспорта журналистов были изъяты сотрудниками погранпоста. По словам одного из туркменских пограничников, просившего не называть его имени, подобные действия были предприняты в соответствии с секретным приказом, отданным в феврале этого года командующим погранвойсками Туркменистана генералом Кабуловым. Согласно этому приказу 25 журналистов из стран СНГ в случае их попыток въехать в страну должны быть поставлены под “особый контроль” (точнее задержаны до получения дальнейших указаний из Ашхабада). В списке, имеющемся на всех погранпостах Туркменистана, были указаны фамилии, имена, года рождения журналистов и их принадлежность к конкретному печатному органу (в частности, В.Пономарев значился как корреспондент “Независимой газеты”, на страницах которой он неоднократно публиковал критические заметки о Туркменистане). Все журналисты, занесенные в “черный список”, предположительно являлись авторами критических статей о политике туркменского руководства.

²⁷ Сообщение редактора журнала “Туркмен или” Д.Киясова после телефонного разговора с Д.Ходжамухаммедовым 20.02.99.

²⁸ “Нейтральный Туркменистан” 28.04.99.

После двухчасового задержания на КПП, в течение которых проходили интенсивные консультации по телефону, заместитель начальника погранпоста старший лейтенант Баллыев заявил, что Пономарев и Митрохин будут передвигаться по стране только в сопровождении военнослужащего погранвойск.

Однако когда машина с журналистами и пограничниками углубилась на несколько километров на территорию Туркменистана, она была задержана на посту ГАИ и в сопровождении трех машин неизвестной ведомственной принадлежности вынуждена была проследовать к отделению полиции, где на протяжении 1,5 часов продолжалась межведомственная разборка между туркменскими силовыми структурами.

Итогом разборки стало то, что журналистов вновь доставили на КПП “Бекдаш”, где им было заявлено, что они депортируются из страны в соответствии с приказом, поступившим из Ашхабада. Начальник погранпоста и другие офицеры отказались составить акт о депортации и объяснить правовые основания своих действий, заявив, что последние составляют “государственную тайну”.

Журналисты незаконно содержались под стражей на протяжении примерно 10 часов, после чего были посажены в проходящий автотранспорт. Утром 8 марта их заявление об инциденте было официально зарегистрировано сотрудниками КПП “Темирбаба” казахстанского таможенного поста “Жана Узень”.

10 марта Митрохину все же удалось въехать в Туркменистан на поезде Москва-Душанбе и официально пройти пограничный контроль на железнодорожной станции Ташауз.

Пономарев планировал вылететь в Ашхабад из Алма-Аты 12 марта. Однако 10-12 марта он получил по факсу три письма от зав. Консульским отделом Посольства РФ в Туркменистане Сергея Степанова, в которых тот настоятельно “рекомендовал” “не предпринимать попыток посещения Туркменистана”, поскольку “по информации, полученной от туркменских властей, Вы являетесь *“персоной, нежелательной на территории Туркменистана”* (письмо №106/КО от 10.03.99). В следующем письме (№107/КО от 11.03.99) Степанов заявил, что “вся ответственность за возможные последствия ложится на Вас”. А 12 марта (письмо №108/КО) высказал следующую официальную позицию по поводу инцидента: “Любое суверенное государство, объявляя то или иное лицо нежелательным на своей территории, не обязано давать какие-либо разъяснения по этому поводу. Туркменские власти считают, что Вы получили исчерпывающую мотивацию Вашей депортации еще 18 апреля 1998 года²⁹. Более они не намерены дискутировать по данному вопросу”.

Учитывая позицию, занятую российским консулом, а также то, что информация о его готовящемся приезде, вероятно, стала известна туркменским властям, В.Пономарев вынужден был отказаться от поездки и сдать билет.

²⁹ Имеется в виду инцидент в Ашхабадском международном аэропорту, когда Пономарев был незаконно депортирован в Москву за то, что сопровождал лидера туркменской оппозиции Авды Кулиева, попытавшегося вернуться на Родину из эмиграции. Подробное описание инцидента см. в статье: Пономарев В. История одной поездки, или как меня выслали из Ашхабада – INDEX/Досье на цензуру, 1998, №2, с.270-278.

Туркменистан заявляет о выходе из соглашения государств СНГ о безвизовом передвижении граждан по территориям его участников

9 марта 1999 г. туркменские власти приняли решение о выходе из бишкекского соглашения, подписанного 9 октября 1992 г. всеми государствами СНГ, о безвизовом передвижении граждан по территориям его участников. Согласно сообщениям информационных агентств, визовый режим с государствами СНГ начнет действовать с 9 июня 1999 г. Исключение будет сделано для граждан соседних Узбекистана и Казахстана, которые сохранят возможность поездок в Туркменистан на безвизовой основе³⁰.

Сообщения о введении визового режима были опубликованы агентством “Интерфакс” и российской “Независимой газетой” 17 марта. Согласно публикации “НГ”, автор которой ссылается на беседы с анонимным чиновником из МИД Туркменистана, сообщение о выходе Туркменистана из бишкекского соглашения было сделано на последнем заседании Совета министров иностранных дел СНГ. В качестве обоснования этого решения Ашхабад сослался на то, что возможностями, предоставляемыми соглашением, пользуются криминальные элементы и что “миграционные процессы в СНГ, в основном, завершены”³¹. Позднее посол Туркменистана в РФ Нуры Оразмухамедов назвал еще одну причину введения визового режима: “Туркменистан сделал осознанный и во многом вынужденный шаг еще и потому, что не желает далее рисковать своим спокойствием и благополучной обстановкой в плане обеспечения безопасности граждан и защиты общественного порядка”³².

Последнее утверждение содержит в себе слабо завуалированный намек на то, что борьба с криминальными элементами не является главной причиной введения визового режима. Трудно сказать, в какой степени на решение туркменских властей повлияли взрывы 16 февраля 1999 г. в Ташкенте или прошлогоднее заявление проживающего в эмиграции лидера оппозиции А.Кулиева о намерении участвовать в парламентских выборах, намеченных на декабрь 1999 г. Неофициальные источники в Ашхабаде указывают также на прямую связь между введением визового режима и описанными выше случаями депортации А.Петрова, В.Пономарева и Н.Митрохина, действия которых были неадекватно восприняты туркменскими властями.

В связи с этим обращают на себя внимание некоторые высказывания президента Туркменистана, сделанные в феврале-апреле 1999 г. Так, 5 февраля в выступлении, транслировавшемся по национальному ТВ, Ниязов заявил, что приехавший недавно в Ашхабад “журналист из Москвы” “посетил дома трех лиц” и призывал их к созданию оппозиционной партии. По словам Ниязова, “этот человек из Москвы имел специальные инструкции, обещал финансовую и другую поддержку и призывал пытаться собирать людей вместе”. Президент Туркменистана назвал действия журналиста “вмешательством в наши дела” и сказал, что “такие вещи будут предотвращаться”³³.

30 апреля, выступая в Меджлисе, Ниязов заявил: “Приезжали из России трое-четверо специальных людей, которые призывали собраться, объединиться, выступить против правительства, показать себя на выборах. Есть и такие, кто распространяет грязную информацию. Такие вещи противоречат закону, закон должен дать этому оценку”³⁴.

³⁰ “Известия” 19.03.99; “Интерфакс” 17.03.99.

³¹ “Общая газета” 15-21.04.99.

³² “Известия” 2.04.99.

³³ Цитируется по мониторингу Би-Би-Си.

³⁴ Информация туркменской службы Радио “Свобода”.

Как видно из этих высказываний, а также цитированного выше заявления МИД Туркменистана по поводу депортации А.Петрова, поездки в Туркменистан ряда журналистов и правозащитников из России были ложно интерпретированы туркменскими властями как элементы некоего плана “определенных сил в России” по дестабилизации внутривластной ситуации в стране. В этой связи необходимо отметить, что изложенная Ниязовым фактическая сторона дела полностью не соответствует действительности. Трудно сказать, является ли вышеизложенное сознательной ложью со стороны туркменского президента или следствием дезинформации, подброшенной ему руководством КНБ.

Обращает на себя внимание и крайняя обеспокоенность Ниязова возможностью возвращения в страну туркменских политэмигрантов. По сообщениям последних, начиная с конца 1998 г. Ниязов в своих публичных выступлениях неоднократно говорил о том, что проживающие за рубежом оппозиционеры не будут допущены к участию в парламентских выборах, проведение которых намечено на декабрь 1999 г. В выступлении 5 февраля Ниязов прямо назвал эмигрантов “предателями” и заявил, что хотя в Туркменистане “разрешено создание любых типов партий”, партии “не могут и не будут основываться аутсайдерами”, которые “не имеют права учить нас свободе”. В речи, произнесенной 21 апреля, президент Туркменистана подчеркнул, что не собирается добровольно отдавать власть и угрожал своим противникам применением армии, полиции, правоохранительных органов и специальных войск³⁵.

Все эти высказывания отчетливо демонстрируют страх, который руководство Туркменистана испытывает перед возможным участием оппозиции в парламентских выборах.

На этом фоне весьма убедительной выглядит версия о том, что главной целью введения визового режима для граждан государств СНГ было ограничить возможности неконтролируемого въезда в Туркменистан лиц, общественная деятельность которых является нежелательной для туркменских властей.

Открытие офиса ОБСЕ в Ашхабаде

В феврале 1999 г. в Ашхабаде начал работу координационный центр ОБСЕ. Решение об открытии центра было принято в сентябре 1998 г. Постоянным Советом ОБСЕ и закреплено соглашением, подписанным 2 декабря в Осло. Главой миссии ОБСЕ стал Пауль Ульман – австрийский дипломат с 30-летним стажем, ранее занимавший пост посла в КНР. Ульман прибыл в Ашхабад в середине января 1999 г. и 25 января был принят президентом Туркменистана, который, согласно официальному сообщению, выразил полную поддержку его миссии.

29 марта Ульман дал интервью туркменской службе Радио “Свобода”, в котором заявил, что его представительство будет стремиться “помочь строительству демократии в стране”. “Нашей основной целью будет укрепление прав человека... Это связано с вопросом выборов, и предстоящие выборы в Меджлис будут одним из направлений нашего сотрудничества с туркменскими властями”.

Эксперт ОБСЕ Петр Ивашкевич заявил корреспонденту туркменской службы Радио “Свобода”: “Мы намерены советовать, помогать и, конечно, наблюдать... Мы /также/ намерены помогать отдельным людям. Люди могут обращаться в наш офис. Люди могут приходить к нам и говорить нам о своих

³⁵ “Нейтральный Туркменистан” 28.04.99.

проблемах”. Ивашкевич отметил, что свобода средств массовой информации также является сферой, в которой ОБСЕ намерен помочь Туркменистану.

Не исключено, что деятельность офиса ОБСЕ уже в ближайшие месяцы может вызвать недовольство туркменских властей. Так, 28 апреля к Ульману от имени группы политэмигрантов обратился бывший министр иностранных дел Туркменистана Авды Кулиев, попросив “выступить посредником в деле обеспечения наших конституционных прав на участие в парламентских выборах в Туркменистане, если не в качестве кандидатов в депутаты, то хотя бы в качестве организаторов участия оппозиционных сил в выборах”. В телефонном разговоре с Кулиевым Ульман пообещал поставить соответствующий вопрос перед правительством Туркменистана.

Отмена смертной казни

2 декабря 1998 г. министр иностранных дел Туркменистана Борис Шихмурадов, выступая на заседании Совета министров иностранных дел государств ОБСЕ в Осло, заявил, что уполномочен президентом “уведомить ОБСЕ, конференцию министров о том, что Туркменистан объявляет мораторий на смертную казнь” и что главой государства принято решение “провести усовершенствование национального законодательства с целью радикального сокращения статей, предусматривающих высшую меру наказания”³⁶. Одновременно Шихмурадов заявил о необходимости поддержки Западом экономических реформ в Туркменистане и проектов строительства экспортных газопроводов как условия дальнейшей демократизации туркменского общества.

Поспешное объявление о введении моратория, не подкрепленное в то время какими-либо законодательными шагами, предположительно, было вызвано сообщениями зарубежных информационных агентств о готовящемся вынесении смертного приговора политическим заключенным Аймурадову и Гараеву и распространением соответствующих материалов в структурах ОБСЕ.

28 декабря на заседании Кабинета Министров была образована комиссия во главе с председателем КНБ М.Назаровым, которой президент поручил до 10 января подготовить предложения об отсрочке применения расстрела и по указу об амнистии³⁷.

К началу января 1999 г. президентом Туркменистана было принято решение о полной отмене смертной казни. 6 января был подписан указ о введении с 1 января 1999 г. моратория на применение смертной казни. Лицам, ранее осужденным к высшей мере наказания, смертная казнь заменялась на длительные сроки лишения свободы в исправительной колонии особого режима. В тот же день главой государства был подписан закон, предписывающий судам с 1 января 1999 г. не назначать смертную казнь в качестве меры наказания. Было объявлено, что соответствующие поправки в Конституцию и законодательство будут внесены на заседании Халк Маслахаты (Народного Совета) в декабре 1999 г.³⁸

11 января 1999 г. российская “Независимая газета” опубликовала статью журналистов В.Михайлова и Г.Смольникова “Смертная казнь отменена”, в которой впервые со ссылкой на туркменские официальные источники было сообщено о 700 смертных приговорах, вынесенных в 1998 г. и не приведенных в исполнение (ранее статистика смертных приговоров считалась секретной и не подлежала оглашению в средствах массовой информации). Согласно тому же

³⁶ “Независимая газета” 4.12.98.

³⁷ “Нейтральный Туркменистан” 29.12.98.

³⁸ “Нейтральный Туркменистан” 7.01.99.

источнику 90% приговоренных к высшей мере наказания совершили преступления, связанные с распространением наркотиков. 12 января статья В.Михайлова и Г.Смольникова была перепечатана в правительственной газете “Нейтральный Туркменистан”, однако цензура изъяла упоминание о числе вынесенных смертных приговоров.

Впрочем, уже 12 января “Нейтральный Туркменистан” сообщил о наличии в Марыйском СИЗО 215 лиц, приговоренных к высшей мере наказания, 170 из которых были осуждены по ст.292 ч.3 УК (хранение и перевозка наркотических веществ с целью сбыта в особо крупных размерах или в составе организованной группы). Большинство из них совершили преступление впервые³⁹.

14 января президент Туркменистана публично объявил об отмене смертной казни “всем 674 заключенным, приговоренным к высшей мере наказания в прошлом году”⁴⁰.

Эта цифра подтверждает выводы правозащитных организаций, сделанные на основе неофициальных сообщений, о том, что до начала 1999 г. Туркменистан занимал одно из первых мест в мире по абсолютному и относительному (на душу населения) числу ежегодно выносимых смертных приговоров⁴¹. Кроме того, заявление президента свидетельствует о резком увеличении в 1998 г. количества выносимых смертных приговоров (в 1997 г. их число оценивалось в 400) и о том, что почти все “смертники”, осужденные в 1992-1997 гг., были расстреляны⁴².

После введения моратория на смертную казнь “смертники”, содержащиеся в спецблоках Ашхабадского и Марыйского СИЗО, были переведены в исправительно-трудовые колонии (большинство в колонию особого режима в Теджене, а женщины – в женскую ИТК в Ташаузе). Согласно неофициальному сообщению, в Ташауз были переведены около 70 женщин, ранее приговоренных к высшей мере наказания.

14 января 1999 г. газета “Нейтральный Туркменистан” сообщила о рассмотрении в Лебапском велаятском суде обвинения в отношении Курбангельды Курбанова, Алыма Керимова и Аллаберды Муминова, задержанных при попытке реализации героина в особо крупных размерах /т.е. более 60 грамм – прим. авт./. В статье отмечалось, что “до введения моратория эти люди... были бы неминуемо приговорены к высшей мере наказания. Теперь все трое приговорены к 20 годам заключения в исправительно-трудовых учреждениях строгого режима. Причем первые 5 лет они проведут в тюрьме”.

Президент Туркменистана помиловал большинство заключенных

В январе-марте 1999 г. президент Туркменистана подписал серию указов, в соответствии с которыми большая часть заключенных, отбывающих наказания в местах лишения свободы, была освобождена, а многим из оставшихся в заключении наказание было снижено. По официальным данным, помилования и амнистия затронули около 30 тыс. заключенных (для сравнения: в 1991-1998 гг. были помилованы и амнистированы более 60 тыс. чел.)⁴³. Выходящие на

³⁹ “Нейтральный Туркменистан” 14.01.99.

⁴⁰ “Нейтральный Туркменистан” 11.02.99.

⁴¹ Подробнее см. Митрохин Н., Пономарев В. Туркменистан: государственная политика и права человека 1995-1998, с.118-119.

⁴² Не считая 222 чел., которым в июне 1997 г. смертная казнь была заменена на длительные сроки лишения свободы.

⁴³ Рассчитано авторами на основе заявления Ниязова от 5.02.99 о том, что начиная с 1991 г. “были освобождены” около 80 тыс. чел. (“Нейтральный Туркменистан” 15.02.99 и др.). О более

свободу должны были дать “клятву Президенту и народу на священном Коране, хлебе-соли, что впредь будут соблюдать требования закона”⁴⁴. Президент Туркменистана потребовал, чтобы все помилованные им были освобождены в течение 1-2 дней после подписания соответствующих указов, а дикторы государственного радио и телевидения Туркменистана на протяжении нескольких часов зачитывали поименные списки тысяч людей, освобождаемых из заключения, чего никогда не было в прошлом.

В туркменской печати были опубликованы различные статистические данные, отражающие процесс освобождения.

Так, 14 января президент С.Ниязов заявил, что подписывает указы о помиловании около 3 тыс. чел., а еще примерно тысяче чел. “срок наказания будет сокращен вдвое”. Одновременно было объявлено об отмене смертной казни 674 осужденным и о том, что 742 чел. “отказано в пересмотре дела”⁴⁵.

По подсчетам составителей бюллетеня, в указах о помиловании, опубликованных в газете “Нейтральный Туркменистан” 15 и 19 января 1999 г., было перечислено, соответственно, 2538 и 800 фамилий лиц, подлежащих освобождению, и 730 и 364 фамилии лиц, неотбытая часть срока заключения которых была сокращена вдвое. Следует отметить, что первые указы об освобождении составлялись небрежно и в крайней спешке, поэтому фамилии освобождаемых приводились без какой-либо алфавитной систематизации, в общие списки попали несколько человек, которым высшая мера наказания была заменена 15-летним заключением и др.

26 января по первому каналу туркменского телевидения было сообщено о подписании нового президентского указа о помиловании, предусматривающего освобождение 1517 заключенных и сокращение срока наказания 562 лицам.

По сообщению агентства “Туркмен-пресс”, всего в период между 14 и 26 января 1999 г. были подписаны три указа о помиловании, в соответствии с которыми были досрочно освобождены 4838 чел., а 1666 чел. был сокращен срок заключения. Все освобождаемые прошли медицинское обследование, некоторым было назначено лечение. В сообщении подчеркивалось, что в случае совершения ими новых преступлений неотбытый срок наказания может полностью или частично добавляться к новому сроку⁴⁶.

Приведенные общие цифры лишь незначительно отличаются от рассчитанных авторами. Однако они никак не согласуются со сделанным 5 февраля 1999 г. заявлением Ниязова, переданным по туркменскому ТВ, о том, что “за последние три недели мы освободили примерно 7800 заключенных”⁴⁷. Возможно, последняя цифра отражает не число освобожденных, а общее число рассмотренных дел, включая дела, в пересмотре которых было отказано.

В том же выступлении в ходе встречи с работниками крестьянского объединения “Туркменистан” Гяурского этрапа Ниязов объявил об освобождении 3000 заключенных. Он также пообещал освободить к 19 февраля

60 тыс. амнистированных к началу 1999 г. сообщал “Интерфакс”. Согласно тому же источнику в 1997 г. были проведены две амнистии, которые затронули 19 тыс. чел. (Интерфакс 5.02.99).

⁴⁴ “Нейтральный Туркменистан” 6.02.99.

⁴⁵ “Нейтральный Туркменистан” 11.02.99.

⁴⁶ “Новости Туркменистана”, 1999, №7.

⁴⁷ В газетном варианте выступления С.Ниязова 5 февраля приведена точная цифра “освобожденных от уголовной ответственности” - 7821 чел. (“Нейтральный Туркменистан” 15.02.99)

еще 7300 чел., заявив, что, “таким образом, начиная с 14 января на свободу выйдут примерно 17500 чел.”⁴⁸.

По расчетам авторов бюллетеня, опубликованный 6 февраля президентский указ о помиловании включал 2380 фамилий лиц, подлежащих освобождению, и 756 фамилий заключенных, неотбытая часть наказания которым сокращалась наполовину. Согласно указу от 17 февраля (опубликован 18 февраля) 1999 г., освобождению подлежал еще 2501 заключенный, а 1029 неотбытый срок наказания сокращался наполовину (подсчитано авторами)⁴⁹. Кроме того, 5 февраля был подписан указ об амнистии, предусматривающий в течение двух месяцев освобождение или сокращение сроков заключения различным категориям заключенных и подследственных и полную амнистию лицам, наказание которых не связано с лишением свободы. По сообщению агентства “Туркмен-пресс”, указ затронул более 9000 чел.⁵⁰ Однако опубликованный 27 февраля список лиц, в отношении которых применен Указ Президента Туркменистана № 2762 “Об амнистии”, включал фамилии лишь 1995 лиц, подлежащих освобождению, и 123 чел., неотбытые сроки заключения которым сокращались вдвое.

24 марта был опубликован новый указ о помиловании, предусматривающий освобождение 3697 чел., и сокращение наполовину сроков заключения 1271 чел. (подсчитано авторами).

Таким образом, общее число помилованных и освобожденных из заключения в январе-марте 1999 г. граждан Туркменистана составило более 15400 чел., а около 4850 чел. были сокращены сроки заключения, что заметно меньше объявленной Ниязовом цифры в 30 тыс. чел.

Процесс освобождения затронул и находящихся в заключении или под следствием в Туркменистане иностранных граждан. Так, 16 февраля был подписан указ о помиловании 129 граждан Афганистана, 40 - Ирана и 85 - России. Согласно официальному сообщению, граждане Ирана в течение суток будут переданы на границе представителям сопредельной страны⁵¹. В августе 1998 г. Туркменистан уже передавал иранским властям 38 граждан этой страны, осужденных за различные преступления⁵². Аналогичная практика с 1996 г. существует в Туркменистане в отношении задержанных или осужденных афганцев⁵³. Что касается российских граждан, то Генеральные прокуратуры двух стран начали согласовывать вопрос об их дальнейшей судьбе, поскольку было неясно, будут ли они отбывать в России оставшиеся сроки наказания, или будут освобождены непосредственно в Ашхабаде⁵⁴. К середине апреля эти переговоры еще не были завершены.

По данным посольства РФ в Туркменистане, 20 российских граждан отказались от этапирования в Россию⁵⁵. Предпочли продолжить отбытие срока

⁴⁸ В газетном варианте выступления Ниязова указывается, что на свободу выйдут более 17 тыс. чел. (“Нейтральный Туркменистан” 15.02.99).

⁴⁹ Эти цифры хорошо согласуются с сообщением агентства Интерфакс от 5 февраля 1999 г., согласно которому из примерно 7000 заключенных, подлежащих освобождению до 19 февраля, на свободу выйдут примерно 5000 чел., а 1700 наказание будет снижено наполовину.

⁵⁰ “Новости Туркменистана”, 1999, №7.

⁵¹ “Нейтральный Туркменистан” 17.02.99.

⁵² Передача осужденных была произведена на границе в 38 км от Ашхабада - в местечке Баджгиран. Большинство из 38 – женщины, осужденные за контрабанду наркотиков. Некоторые из них были приговорены к высшей мере наказания (“Независимая газета” 21.08.98).

⁵³ Подробнее см. Митрохин Н., Пономарев В. Туркменистан: государственная политика и права человека 1995-1998, с.125-126.

⁵⁴ “Независимая газета” 3.03.99.

⁵⁵ Информация Д.Киясова от 14.04.99.

наказания в Туркменистане и некоторые иранцы, опасавшиеся, что на родине их наказание будет ужесточено⁵⁶.

1 марта был подписан новый указ о передаче на родину 379 граждан из четырнадцати государств, отбывающих наказание в Туркменистане. Согласно официальному сообщению, в это число вошли граждане Узбекистана, Таджикистана, Казахстана, Азербайджана, ряда других государств СНГ, Пакистана, Турции, Латвии и Сирии⁵⁷.

По неофициальным сообщениям, всего около 400 граждан государств СНГ должны были быть этапированы в Россию, на Украину, в Белоруссию и Молдову, однако до апреля 1999 г. вопрос об их этапировании так и не был решен из-за отсутствия железнодорожного сообщения между Туркменистаном и европейскими государствами СНГ.

Влияние амнистии на динамику преступности

Выступая 21 апреля 1999 г. в Национальном институте демократии и прав человека президент Туркменистана Ниязов заявил, что массовое помилование “не вызвало ухудшения криминогенной ситуации в республике”, более того, привело к сокращению уровня преступности. По данным МВД Туркменистана, за первые 3 месяца 1999 г. число правонарушений снизилось на 20% по сравнению с тем же периодом прошлого года. Только 3% помилованных и освобожденных в этом году совершили новые преступления⁵⁸.

Неофициальные источники, однако, сообщают о резком увеличении числа насильственных преступлений в Ашхабаде и ряде областных центров. В Ашхабаде, например, заметно возросло число грабежей, разбойных нападений и убийств. В середине марта столичная полиция проводила расследование в связи с серией убийств женщин (не менее трех эпизодов), совершенных одним из преступников. В вечернее время городские улицы быстро пустеют, жители боятся выходить из домов. Многие в частных беседах высказывают резкое недовольство тем, что среди освобожденных оказалось большое число наркоманов и рецидивистов. Один из жителей Ашхабада заявил: “если раньше мы боялись людей в форме /т.е. милиционеров - прим. авт./, то теперь мы стали бояться также и бандитов”. О резком ухудшении криминогенной ситуации сообщают и из Небитдага. Здесь некоторые из помилованных оказались задержанными за серьезные преступления всего через несколько дней после выхода на свободу.

С целью профилактики преступлений среди молодежи начиная с января по указанию президента Туркменистана⁵⁹ были организованы массовые “экскурсии” школьников и студентов в исправительно-трудовые колонии и следственные изоляторы. По сообщениям из Ашхабада и Ташауза, первоначально подобные “экскурсии” проводили только для молодых людей, склонных к правонарушениям. Позднее, однако, места лишения свободы стали посещать целыми классами и учебными группами. По мнению родителей школьников, тяжелые условия заключения (переполненные камеры, отвратительные запахи, слабый свет и др.) произвели на их детей сильное впечатление.

⁵⁶ “Независимая газета” 17.02.99.

⁵⁷ “Нейтральный Туркменистан” 2.03.99, “Независимая газета” 3.03.99.

⁵⁸ Сообщение агентства “Интерфакс” от 21.04.99. По данным “Интерфакса”, о сокращении уровня преступности на 20% Ниязов заявлял и 2 марта 1999 г.

⁵⁹ Соответствующее указание было отдано Ниязовым 14 января (см. “Нейтральный Туркменистан” 11.02.99).

Ситуация в местах лишения свободы

В январе 1999 г. ситуация в местах лишения свободы привлекла внимание высшего руководства Туркменистана.

Примечательно, что в своем выступлении 14 января 1999 г. президент страны подробно изложил содержание адресованного ему письма женщины из с.Кеши (на окраине Ашхабада), два сына которой попали в тюрьму и с которой требуют взятку за передачу продуктовой посылки. По требованию главы государства с ней встретился министр внутренних дел.

“К сожалению, это распространенное явление во многих исправительных учреждениях, - заявил далее Ниязов. - Известны случаи, когда осужденного отпускают за деньги погостить в кругу семьи. В письмах приводятся примеры издевательств над осужденными в колониях, где их избивают, унижают, отказывают в элементарных правах”⁶⁰. “Нельзя допустить, чтобы тюрьмы превращались в инструмент дополнительного наказания”⁶¹.

Подобные резкие оценки подтверждаются информацией, полученной из неофициальных источников. Вот что рассказал авторам бюллетеня житель Ашхабада, содержавшийся осенью 1998 г. в городском СИЗО:

“Вся тюремная охрана живет за счет передач. Тюремная пища настолько плоха и ее так мало, что питаться заключенные могут только тем, что им приносят родственники или дают сокамерники. Официально разрешена одна передача в месяц (ее вес, как правило, не ограничивают). Однако на месяц ее обычно не хватает и родственники (особенно состоятельные) стараются передать через охрану дополнительные посылки. На них существует стандартный тариф – 50 000 манатов (\$3,5) за передачу. Но эти посылки чаще всего доходят до камеры опустошенными наполовину, если не больше. При этом охрана ворует все наиболее ценное из посылок. Отбирают половину принесенного даже у адвокатов (из двух пачек сигарет одну и т.д.)... Поэтому наиболее состоятельные и влиятельные родственники стараются для передачи продуктов и медикаментов заручиться поддержкой старших офицеров тюремной охраны или следователей, услуги которых стоят значительно дороже, но более эффективны... По-прежнему существует неофициальная практика продажи мест в камерах. Одноместная камера стоит 100 долларов в месяц (при задержке в оплате заключенного немедленно переводят в одну из переполненных общих камер). Час личного свидания для подследственного стоит 50 долларов (по закону свидания предоставляют только по особому разрешению следователя)”

Бывший заключенный рассказал и о т.н. “пресс-хате” - камере в СИЗО, где специально подобранные уголовники терроризировали других заключенных с целью склонить их к даче необходимых следствию показаний. Хотя сам рассказчик не подвергался избиениям благодаря тому, что его родители нашли влиятельных заступников среди сотрудников правоохранительных органов, он отмечает, что из 16 человек, содержавшихся в “пресс-хате”, избиениям подвергались более 10. При этом сама камера была рассчитана на 5-6 человек. В середине октября 1998 г. один из уголовников переусердствовал, избив подследственного до полусмерти (ему были сломаны ребра). После этого в камеру ворвались сотрудники тюремного ОМОНа и избивали всех находящихся в камере. В связи с происшедшим инцидентом “пресс-хата” была временно расформирована.

⁶⁰ “Нейтральный Туркменистан” 11.02.99.

⁶¹ “Нейтральный Туркменистан” 15.01.99.

По сообщениям из женской ИТК в Ташаузе, где в начале марта 1999 г. содержалось около 500 заключенных, в последние месяцы питание заключенных заметно улучшилось. В рационе появились мясо, ячменная крупа, макароны, овощи и др. Между тем, по сообщению местных источников, в прошлом году был период, когда на протяжении 2-3 месяцев почти единственным продуктом питания была мороженая рыба.

В настоящее время авторы бюллетеня не располагают достоверной информацией о том, является ли улучшение питания заключенных в Ташаузе частным случаем или отражает общую тенденцию в местах лишения свободы в Туркменистане, ставшую следствием определенного политического решения высшего руководства страны.

По оценкам ашхабадских юристов, вследствие проведения в начале 1999 г. массовой амнистии число заключенных в ИТК и СИЗО стало ближе к норме, на которую были рассчитаны имеющиеся в Туркменистане пенитенциарные учреждения (до этого имело место в среднем четырехкратное переполнение мест лишения свободы)⁶². В Марыйском велаяте из пяти имеющихся исправительно-трудовых учреждений, включая центральную больницу департамента исполнения наказания МВД Туркменистана, только за январь-февраль 1999 г. было освобождено около 3 тыс. чел.⁶³ (т.е. примерно половина заключенных). В одной из камер Красноводской тюрьмы число заключенных с декабря 1998 г. по начало марта 1999 г. сократилось с 17 до 10 чел.

5 февраля Ниязов заявил, что впредь “мы не намерены наполнять тюрьмы”⁶⁴, подчеркнув, что “переполненные тюрьмы указывают на слабость государственной системы, вызывают озлобленность и неуверенность людей в завтрашнем дне”⁶⁵. 14 января президент подчеркнул, что “число арестованных, заключенных под стражу” не должно быть “основным показателем” работы правоохранительных органов⁶⁶. Как видно из этих слов, “разгрузка” мест лишения свободы стала следствием сознательного решения главы государства, инициированного, как полагают неофициальные источники, его ознакомлением с докладом о правах человека в Туркменистане, изданного в Москве Правозащитным центром “Мемориал”.

21 апреля 1999 г. Ниязов сообщил, что “в тюрьмах фактически осталось около 6 тыс. чел. – с учетом новых лиц, совершивших преступления”⁶⁷. По мнению авторов, есть основания считать эту цифру заниженной. Если сложить число лиц, которым смертная казнь была заменена лишением свободы (674 чел.), лиц, которым было отказано в пересмотре дела (к середине января их было 742 чел., позднее это число увеличилось) и примерно 4850 чел., которым в январе-марте по указам о помиловании были сокращены сроки заключения, получится цифра не менее 6250 заключенных., не считая нескольких тысяч человек из числа тех, кто был осужден⁶⁸ или задержан за совершение новых преступлений в 1999 г. и тех, кому сроки заключения были сокращены согласно указу об амнистии.

⁶² Подробнее см. Митрохин Н., Пономарев В. Туркменистан: государственная политика и права человека 1995-1998, с.137-126.

⁶³ “Нейтральный Туркменистан” 4.03.99.

⁶⁴ “Нейтральный Туркменистан” 6.02.99.

⁶⁵ “Нейтральный Туркменистан” 15.02.99.

⁶⁶ “Нейтральный Туркменистан” 11.02.99.

⁶⁷ “Нейтральный Туркменистан” 21.04.99.

⁶⁸ Имеются сообщения о том, что судьи, зная, что лица, осужденные по большей части статей УК на сроки менее 5 лет, освобождаются по амнистии, при вынесении приговоров назначали более суровое наказание, чтобы осужденный не вышел на свободу.

Весьма неточными являются и некоторые другие цифры, оглашенные Ниязовым и некритически воспроизведенные зарубежными информационными агентствами. Так, 5 февраля 1999 г. Ниязов в телевывступлении заявил о наличии (на середину января) 23000 заключенных, из которых 5-6 тыс. останутся в заключении после завершения амнистии. Однако уже 21 апреля Ниязов заявил, что было “амнистировано около 30 тысяч заключенных, в тюрьмах фактически осталось около 6 тысяч”⁶⁹. В действительности, цифра 30 тысяч отражает общее число рассмотренных дел (включая дела тех, кто не был полностью освобожден от отбытия наказания), а прочие цифры, названные в этих сообщениях, вероятно, являются заниженными.

Одновременно с “разгрузкой” пенитенциарных учреждений туркменские власти заявили о намерении “жестко контролировать исполнение вынесенного приговора в отношении лиц, совершивших особо опасные преступления”. Для осуществления такого контроля предполагалось в ближайшее время создать специальные департаменты в Верховном суде и Генеральной прокуратуре⁷⁰.

Многочисленные слухи (в том числе самые фантастические) породило сделанное 5 февраля в общем-то тривиальное высказывание президента Туркменистана о том, что в прошлом у туркмен вообще не было тюрем и заключенных. На фоне этих слухов не вполне ясной представляется достоверность сообщений о закрытии части пенитенциарных учреждений. Относительно достоверной является информация лишь о закрытии ИТК особого режима в Теджене, заключенные из которой были переведены в г.Красноводск (Туркменбаши)⁷¹.

Туркменские правоохранительные органы допускают серьезные нарушения прав граждан

В подготовленном летом 1998 г. докладе Правозащитного Центра “Мемориал” о государственной политике в области прав человека в Туркменистане констатировалось, что туркменские правоохранительные органы широко практикуют фабрикацию уголовных дел, пытки, вымогательство и необоснованные задержания граждан; следствие, как правило, ведется с обвинительным уклоном, судебные приговоры отличаются чрезмерной жестокостью, в то же время суды почти не выносят оправдательных решений.

Хотя правительство Туркменистана частично признавало наличие перечисленных проблем, до начала 1999 г. отсутствовали какие-либо изменения в правовой практике.

Вот как описывает методы ведения следствия житель Ашхабада, сфабрикованное дело в отношении которого осенью 1998 г. было закрыто по амнистии:

“Меня задержали в сентябре 1998 г. Трое суток без санкции прокурора держали в районном отделении милиции, где меня избивали как сотрудники уголовного розыска, так и исполняющий обязанности районного прокурора. Они требовали, чтобы я признал свою вину. Избиениям подвергались и другие содержащиеся в райотделе милиции задержанные, а пойманных наркоманов милиционеры там же насиловали. Через три дня прокуратура дала санкцию на

⁶⁹ “Нейтральный Туркменистан” 28.04.99.

⁷⁰ “Нейтральный Туркменистан” 11.02.99.

⁷¹ Планы расформирования этой ИТК существовали еще в 1995 г. Тогда планировалось перевести заключенных в новую ИТК, строящуюся в центральных Каракумах. Однако по последним сообщениям, строительство “большой зоны” в районе пос.Дарваза (в пустыне к северу от Ашхабада) к весне 1999 г. не было завершено.

мой арест, и меня перевели в городской ИВС (изолятор временного содержания). Там я провел две недели. Те же следователи продолжали избивать меня, требуя, чтобы я признал свою вину, а также чтобы под их диктовку писал письма о помощи, которые затем надзиратель ИВС относил к моим родителям и требовал за каждое письмо по 50 долларов. Все это имело единственную цель – получить побольше денег с моих родителей...”

Новые данные о фабрикации уголовных дел были получены российским журналистом и правозащитником Николаем Митрохиным, посетившим Туркменистан в середине марта 1999 г. Согласно сообщению Н.Митрохина, на посту ГАИ в поселке Дарваза (примерно на полдороге между Ташаузом и Ашхабадом) зимой 1998/99 гг. полиция широко практиковала подбрасывание наркотиков проезжавшим шоферам. Пост в Дарвазе - фактически единственный стационарный пост ГАИ на 540-километровой трассе, идущей через пустыню. По рассказам шоферов, провокация осуществлялась следующим образом. На расстоянии до 100 км. от Дарвазы на дорогу выходил специально подготовленный человек, который просил подвезти его. Когда машину останавливали на посту ГАИ для проверки документов, шофер выходил для разговора с автоинспектором. В этот момент пассажир подкидывал в салон небольшое количество наркотиков. Милиционер обыскивал машину, находил наркотики и начинал шантажировать водителя. Все это стало широко известно, и шоферы перестали подсаживать “случайных” попутчиков на расстоянии примерно двести километров от Дарвазы.

Один из водителей рассказал, что в январе 1999 г. он был задержан вместе с родственниками на посту ГАИ в Дарвазе. Подозрение милиции вызвало то, что у водителя (больного гриппом) были потрескавшиеся губы, что было ошибочно квалифицировано как признак регулярного потребления опия. В ходе обыска наркотики обнаружены не были, в отделении милиции задержанных принять отказались, в больнице из-за отсутствия персонала провести экспертизу не удалось. Тем не менее за освобождение пришлось заплатить на посту ГАИ взятку в 200 тыс. манатов (размер среднемесячной зарплаты).

В декабре 1998 г. туркменские власти объявили о готовящемся “открытом разговоре” президента страны с населением через радио и ТВ, намеченном на середину января. В ответ на обращение властей принять участие в подготовке этого мероприятия на имя главы государства хлынул поток писем. Уже 28 декабря на заседании Кабинета Министров Ниязов вынужден был отметить, что “большая часть писем касается работы правоохранительных органов. В них приводятся примеры следственных и судебных ошибок, несправедливых приговоров”⁷².

6 января 1999 г. Ниязов провел специальную встречу с судьями Верховного суда, на которой отметил, что, “к сожалению, нередко случаи, когда судебные инстанции выносят неправомерные решения”, и что “бывают случаи, когда безвинные люди подвергаются уголовному наказанию”. Глава государства потребовал от судей “строго следовать законам Туркменистана при расследовании преступлений и вынесении приговора, исходя из принципа презумпции невиновности”⁷³. Подобное требование со стороны президента фактически содержит косвенное признание того, что до недавнего времени принцип презумпции невиновности фактически игнорировался в туркменской правовой практике, на что неоднократно указывали представители правозащитных организаций.

⁷² “Нейтральный Туркменистан” 29.12.98.

⁷³ “Нейтральный Туркменистан” 7.01.99.

Президент выразил недовольство и качеством судейского корпуса, в котором имеют место “кумовство и протекционизм”. В 1998 г. 47 судей были привлечены к дисциплинарной ответственности, 11 - досрочно отозваны⁷⁴. Председатель Верховного Суда Туркменистана Ата Рахманов в тот же день был отправлен в отставку как не справившийся со своими обязанностями. По словам одного из ашхабадских юристов, Рахманов, занимавший пост председателя Верховного Суда Туркменистана с 1996 г., лично требовал от судей не выносить оправдательных приговоров (в 1998 г. Верховный Суд не вынес ни одного такого приговора).

Было объявлено о создании Комиссии по правам человека во главе с президентом Туркменистана⁷⁵ и о том, что при Кабинете Министров будет создан специальный отдел по разработке предложений, связанных с “дальнейшим развитием реформы в правоохранительных и военных органах”.

14 января на расширенном совещании с участием министров, руководителей правоохранительных органов, хякимов веляатов и представителей СМИ Ниязов объявил, что “самое большое число жалоб приходится на правоохранительные органы”⁷⁶. Из рассмотренных 9,5 тыс. писем, поступивших на имя президента, 5143 затрагивают работу правоохранительных и военных органов. “К сожалению, приходится констатировать, большинство фактов подтверждается”. Ниязов рассказал историю женщины из села Кеши, чьи два сына-близнеца “повздорили между собой и их за это посадили в тюрьму. Какая в этом была необходимость?”⁷⁷

5 февраля 1999 г. президент призвал сократить масштабы уголовных репрессий и заявил: “За драку без увечий, за скандал с соседом сажать больше не будем”⁷⁸.

Указания главы государства, вероятно, возымели определенный эффект. Согласно одному из источников в Ташаузе, в 1999 г. практика фабрикации уголовных дел путем подбрасывания наркотиков сократилась в сравнении с 1998 г. Однако говорить о серьезных изменениях пока рано. В апреле 1999 г. сам Ниязов вынужден был констатировать: “Безобразия, связанные с незаконным обвинением или задержанием граждан в правоохранительных органах по-прежнему имеют место”⁷⁹.

Новый порядок работы с обращениями и письмами граждан

Начиная с декабря 1998 г., после объявления о том, что в январе президент Туркменистана ответит в прямом телерадиоэфире на вопросы населения, на имя Ниязова начали поступать тысячи писем от рядовых граждан. Изучение почты показало, что доклады официальных структур не вполне адекватно отражают ситуацию в стране, что вызвало серьезную обеспокоенность главы государства.

14 января 1999 г. президент провел специальное расширенное совещание по вопросам работы с письмами граждан с участием руководителей ведущих отраслей, правоохранительных органов, хякимов веляатов и представителей СМИ. К моменту проведения совещания в аппарат президента поступило 13612

⁷⁴ “Нейтральный Туркменистан” 11.01.99.

⁷⁵ Согласно официальной информации, комиссия будет функционировать на базе Верховного суда и Национального института демократии и прав человека при Президенте Туркменистана. В нее войдут также представители КНБ, МВД и Генеральной прокуратуры.

⁷⁶ “Нейтральный Туркменистан” 15.01.99.

⁷⁷ “Нейтральный Туркменистан” 11.02.99.

⁷⁸ “Нейтральный Туркменистан” 15.02.99.

⁷⁹ “Интерфакс” 21.04.99.

писем. Большинство обращений затрагивали работу правоохранительных органов, что было оценено Ниязовым “как повод для серьезнейшего беспокойства”.

Ниязов заявил, что руководители ведомств и местных органов власти “отмахивались от жалоб и заявлений граждан, не принимали всерьез их проблем и трудностей”, “вершили произвол”, между тем “практически все содержащиеся в письмах жалобы на этих “горе-начальников” подтверждаются”⁸⁰. Президент привел пример, когда ответственные чиновники пытались скомпрометировать авторов писем, сообщавших о перебоях в снабжении мукой. “Я вчера по этому поводу /перебоев в снабжении/ выговаривал руководителям. А уже сегодня утром мне положили на стол заключение о трех авторах таких жалоб: один, мол, умственно неполноценен, у двух других еще какие-то изъяны имеются”.

Чтобы покончить с “порочной практикой” Ниязов 14 января подписал Закон “Об обращениях граждан и порядке их рассмотрения”, предусматривающий обязательную регистрацию писем и заявлений и вынесение по ним решений в срок, не превышающий 45 дней. К рассмотрению должны приниматься все письма граждан, за исключением анонимных. Ниязов заявил, что руководители региональных органов власти должны “создать механизмы обратной связи с населением”, обязав их регулярно анализировать поступающие письма и предложения.

Следует отметить, что в новый закон была включена статья 14 “Ответственность граждан за подачу обращений противоправного характера”, гласящая, что “подача гражданином обращения клеветнического характера, обращения, содержащего призывы к разжиганию национальной или религиозной вражды, либо к совершению других противоправных действий, влечет ответственность, предусмотренную законодательством Туркменистана”⁸¹. Не исключено, что принятие этой статьи прямо связано с высказанным Ниязовым мнением о наличии в президентской почте “недобросовестных писем”, авторы которых “намеренно отворачиваются от всего хорошего, от наших бесспорных достижений”, и его требованием о необходимости “государственных усилий по пресечению клеветнических слухов”⁸².

В тот же день был подписан президентский указ “О работе с обращениями граждан, адресованными Президенту Туркменистана”. Указ предусматривает создание специального отдела по рассмотрению обращений граждан в аппарате президента, который будет еженедельно информировать о поступающей почте главу государства, и аналогичных отделов в хякимликах велаятов и г.Ашхабада; установление специальных урн для письменных обращений президенту в зданиях Аппарата Президента, Кабинета Министров, хякимликов велаятов и г.Ашхабада, выемка корреспонденции из которых осуществляется подразделениями фельдгерской связи министерства связи Туркменистана. Кроме того, в зданиях хякимликов этрапов и городов предусматривается установка урн, предназначенных для обращений к хякимам велаятов.

⁸⁰ “Нейтральный Туркменистан” 11.02.99.

⁸¹ “Нейтральный ркменистан” 15.01.99.

⁸² “Нейтральный Туркменистан” 11.02.99.

Приложение №1

Заявление пресс-службы МИД Туркменистана

Конституция Туркменистана, национальное законодательство, президент Туркменистана гарантируют надежное обеспечение и защиту прав всех граждан страны вне зависимости от их национальной или религиозной принадлежности. Это реальность, отражающая прочность независимого туркменского государства – общего дома и для туркмен, и для представителей других национальностей. Любые попытки посеять межнациональную рознь, нарушить общественный порядок, поставить себя над обществом пресекаются правоохранительной системой Туркменистана на основании законов страны. Вот почему поведение господ Фомина и Мамедова, присвоивших себе право выступать от имени всех русскоязычных граждан Туркменистана, получило адекватную реакцию. Они оказались не только злонамеренными лгунами, но и людьми, озабоченными прежде всего личными амбициями и проблемами. Ну никто их не понимает на территории Туркменистана: ни власти, ни российское посольство, ни общество, ну не хотят признавать за ними право говорить от имени многотысячной русскоязычной диаспоры... Однако, несмотря на эту обидную для них реальность, как рядовые граждане, имеющие и равные со всеми права, и равные обязанности, они должны соблюдать нормы закона, связанные с недопущением любым попыток посеять в нашем обществе семена межнациональной и межконфессиональной розни. В этом свете действия сотрудников органов правопорядка строго соответствовали закону и вытекающим из него служебным обязанностям и полномочиям.

Что же касается открытия Культурного центра РФ, то еще четыре года назад российской стороне было предоставлено право на его создание, однако в силу каких-то причин этот вопрос не решался не по вине туркменской стороны. В настоящее время посольство РФ в Туркменистане активно взялось за эту работу. После прибытия посла Анатолия Щелкунова предпринимаются конкретные действия по созданию в нашей стране Российского культурного центра. Туркменская сторона надеется также получить право на открытие Культурного центра Туркменистана в Москве...

К сожалению, есть веские основания считать, что те, кто так настойчиво проталкивает идею о так называемой “русской общине”, на самом деле преследуют цели, далекие от интересов русскоязычного населения Туркменистана. И данный вывод подтверждает то обстоятельство, что сам Вячеслав Мамедов, которого решили взять под защиту некоторые господа в России, имеет собственную точку зрения на имевший место эпизод. В присланной им в посольство Туркменистана в РФ телеграмме говорится: *“Уважаемый посол! Я, Мамедов В.Г., вынужден обратиться к вам за помощью защитить мое имя от всяких грязных инсинуаций, которые усиленно разыгрываются в последнее время в российских средствах массовой информации. Разыскались всякие неизвестные мне доселе мои адвокаты, записавшие мне роль мученика-борца за справедливость русской общины в Туркменистане, гонимого оппозиционера. Я – гражданин Туркменистана и из добрых побуждений высказался за укрепление дружественных отношений между народами и глубоко сожалею, что доверился Фомину А.П., дал ему повод использовать свое имя для своих гнусных целей.*

Посылаю телеграмму с надеждой, что вы распространите мое заявление в прессе.

С уважением, В.Мамедов”.

Приложение №2

Приговор по делу Гараева, Аймурадова и др.

Хокум-Приговор № 2-21

Именем Туркменистана
10 декабря 1998 г.

Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда Туркменистана в составе: председательствующего Худайкулиева Н. народных заседателей Аширова В. и Курбанклычева Н. с участием прокурора: Реджепова Б. при переводчике Байджанова И. и защиты в лице адвокатов Ниязовой О., Базарова О., Физуллаева С., Сапаровой А., Бердыева А., Мисриханова Т., Шосток С. при секретаре Амановой А.

рассмотрела в открытом судебном заседании в клубе учреждения БЛ-Т/5 гор.Туркменбаши, Балканского веляята уголовное дело в отношении:

1) Широва Салыха Абдышериповича, 28 марта 1969 года рождения, уроженца села Бедиркент Дашховузского веляята, гражданина Туркменистана, туркмена, беспартийного, семейного, имеющего двоих детей, ранее не судимого, военнообязанного, работавшего в учреждении БЛ-Т/5 контролером, проживавшего по адресу: гор.Туркменбаши, ул.Некрасова, дом 3, кв.39,

- преданного суду по ст.ст. 181 ч.2, 13, 184 ч.2 п.п. “а”, “д”, 33 ч. 2, 3, 207 ч.2 п.п. “б”, “в”, “г”, 196, 33 ч. 2, 3, 213 ч.2, 33 ч. 2, 3, 108 ч.2 п.п. “в”, “г”, “д”, “з”, 287 ч.1 УК Туркменистана.

2) Гараева Хошалы Жораевича, 20 июня 1962 года рождения, уроженца села Бешир Ходжамбасского этрапа, гражданина Туркменистана и Российской Федерации, туркмена, беспартийного, ранее судимого судебной коллегией по уголовным делам Верховного Суда Туркменистана от 21 июня 1995 года по ст.ст. 15, 17, 64 ч.1, 159 ч.2, 17, 230, 40 УК Туркменистана к 12 годам лишения свободы, содержался в учреждении БЛ-Т/5 гор.Туркменбаши,

- преданного суду по ст.ст. 13, 185 ч.2, 33 ч. 2, 3, 207 ч.2 п.п. “б”, “в”, “г”, 213 ч.2, 108 ч.2 п.п. “в”, “г”, “д”, “з” УК Туркменистана.

3) Аймурадова Мухаммедгулы, 11 января 1946 года рождения, уроженца села Херрикгала Ашгабатского этрапа, гражданина Туркменистана, туркмена, семейного, ранее судимого приговором судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда Туркменистана от 21 июня 1995 года по ст.ст. 15, 17, 64 ч.1, 209 ч.2, 40 УК Туркменистана к 15 годам лишения свободы, содержался в учреждении БЛ-Т/5 гор.Туркменбаши,

- преданного суду по ст.ст. 14, 207 ч.2 п.п. “б”, “в”, “г”, 213 ч.2, 108 ч.2 п.п. “в”, “г”, “д”, “з” УК Туркменистана.

4) Шаймерданова Хезреткулы Хасановича, 9 октября 1959 года рождения, уроженца села Киштуван Чарджевского этрапа, гражданина Туркменистана, туркмена, семейного, образование среднее, ранее судимого приговором судебной коллегии по уголовным делам Лебапского веляятского

суда от 4 февраля 1998 года по ст.ст. 297 ч.3, 292 ч.3, 63 ч.3, 67 ч.2 УК Туркменистана к 20 годам лишения свободы, содержался в учреждении БЛ-Т/5 гор.Туркменбаши,

- преданного суду по ст.ст. 14, 207 ч.2 п.п. “б”, “в”, “г”, 213 ч.2, 108 ч.2 п.п. “в”, “г”, “д”, “з”, 116 УК Туркменистана.

5) Хадыева Ата Насыровича, 15 сентября 1971 года рождения, уроженца села Эрдем Тахтабазарского этрапа, гражданина Туркменистана, туркмена, семейного, образование среднее, ранее судимого приговором судебной коллегии по уголовным делам Марыйского веляятского суда от 20 декабря 1996 года по ст. 257 ч.2 УК Туркменистана к 20 годам лишения свободы, содержался в учреждении БЛ-Т/5 гор.Туркменбаши,

- преданного суду по ст.ст. 13, 185 ч.1, 14, 207 ч.2 п.п. “б”, “в”, “г”, 213 ч.2, 108 ч.2 п.п. “в”, “г”, “д”, “з” УК Туркменистана.

6) Рагимова Руслана Сарыбала оглы, 17 июня 1976 года рождения, уроженца села гор.Туркменбаши, гражданина Туркменистана, азербайджанца, с восьмиклассным образованием, холостого, ранее судимого: 1) приговором Красноводского шахерского суда от 12 октября 1992 года по ст. 155 ч.3 УК Туркменистана к 4 годам лишения свободы, 2) приговором суда гор.Туркменбаши от 15 декабря 1994 года по ст. 155 ч.3, 41 УК Туркменистана к 6 годам 6 месяцам лишения свободы, содержался в учреждении БЛ-Т/5 гор.Туркменбаши,

- преданного суду по ст.ст. 14, 207 ч.2 п.п. “б”, “в”, “г”, 108 ч.2 п.п. “в”, “г”, “д”, “з”, 213 ч.2 УК Туркменистана.

7) Мехтиева Рашида Аскеровича, 8 августа 1964 года рождения, уроженца г.Ашгабата, гражданина Туркменистана, азербайджанца, с восьмиклассным образованием, холостого, ранее судимого: 1) приговором Ленинского райнарсуда ш.Ашгабата от 27 января 1981 года по ст.ст. 133 ч.1, 249 ч.2, 40, 45-1 УК Туркменистана к 1 году лишения свободы с отсрочкой исполнения приговора на 1 год, 2) приговором Пролетарского райнарсуда ш.Ашгабата от 9 ноября 1982 года по ст.ст. 236 ч.2, 122 ч.3, 209 ч.1 УК Туркменистана к 8 годам лишения свободы, 3) приговором Ленинского райнарсуда ш.Ашгабата от 29 декабря 1990 года по ст. 226-1 ч.1 УК Туркменистана к 1 году ИР с удержанием 15% зарплаты в доход государства, 4) приговором судебной коллегии по уголовным делам Ашгабатского шахерского суда от 9 февраля 1993 года по ст.ст. 155 ч.2, 159 ч.3, 222 ч.3, 43, 40 УК Туркменистана к 9 годам лишения свободы, содержался в учреждении БЛ-Т/5 гор.Туркменбаши,

- преданного суду по ст.ст. 14, 207 ч.2 п.п. “б”, “в”, “г”, 213 ч.2, 108 ч.2 п.п. “в”, “г”, “д”, “з” УК Туркменистана.

8) Махтумова Клыча Курбановича, 24 января 1963 года рождения, уроженца ш.Небитдага, гражданина Туркменистана, туркмена, с неполным средним образованием, холостого, ранее судимого: 1) приговором суда ш.Небитдага от 23 января 1980 года по ст. 155 ч.2 УК Туркменистана к 3 годам лишения свободы, 2) приговором суда ш.Теджена от 20 ноября 1985 года по ст. 211 УК Туркменистана к 1 году лишения свободы, 3) приговором суда ш.Небитдага от 18 декабря 1989 года по ст. 114 ч.1 УК Туркменистана к 2 годам ИР с удержанием зарплаты 20% в доход государства, 4) приговором суда ш.Небитдага от 14 декабря 1990 года по ст.ст. 117 ч.1, 46 ч.3 УК Туркменистана к 1 году 7 месяцам 7 дням лишения свободы, 5) приговором суда ш.Небитдага от 1 декабря 1993 года по ст.ст. 95 ч.2,3, 155 ч.2,3, 191 ч.1, 40 УК Туркменистана к 6 годам лишения свободы, 6) приговором суда ш.Небитдага от 22 апреля 1994

года по ст.ст. 155 ч.2, 90 ч.3, 40, 40 ч.3 УК Туркменистана к 7 годам лишения свободы, содержался в учреждении БЛ-Т/5 гор.Туркменбаши,

- преданного суду по ст.ст. 14, 207 ч.2 п.п. “б”, “в”, “г”, 213 ч.2, 108 ч.2 п.п. “в”, “г”, “д”, “з” УК Туркменистана.

9) Мозговенко Владимира Ивановича, 7 сентября 1953 года рождения, уроженца Донецкой области Украины, гражданина Туркменистана, украинца, образование 8 классов, холостого, ранее судимого: 1) приговором суда Советского района ш.Ашгабата от 3 февраля 1984 года по ст.ст. 122 ч.1, 118 ч.2, 257-1 ч.1, 259-1 УК Туркменистана к 5 годам лишения свободы, 2) приговором судебной коллегии по уголовным делам Ашгабатского шахерского суда от 12 декабря 1994 года по ст. 106 п.6 УК Туркменистана к 15 годам лишения свободы, содержался в учреждении БЛ-Т/5 гор.Туркменбаши.

- преданного суду по ст.ст. 14, 207 ч.2 п.п. “б”, “в”, “г”, 213 ч.2, 108 ч.2 п.п. “в”, “г”, “д”, “з” УК Туркменистана.

Проверив материалы дела в полном объеме, выслушав показания подсудимых, потерпевшего, свидетелей, выступление государственного обвинителя, адвокатов и последние слова подсудимых, судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда Туркменистана

УСТАНОВИЛА:

Широв С.А., работая в учреждении БЛ-Т/5 контролером, находясь на дежурстве по корпусу №2 поста №4, и осужденный Гараев Х. сговорились о подготовке побега из этого учреждения, за что Гараев Х. при успешном побеге обещал взятку в виде денежного вознаграждения (квартиры, машины и крупной суммы денег), на что Широв С.А. согласился и вместе с остальными осужденными для осуществления своих целей приступил к активным действиям. Широв С.А., будучи должностным лицом, примерно в 02 часа ночи 11 октября 1998 года, злоупотребляя своими служебными полномочиями и с целью получения взятки, которую предлагал Гараев Х. в виде крупного вознаграждения, открыл металлической проволокой камеры, откуда вышли осужденные Гараев Х., Шаймерданов Х., Хадыев А., Рагимов Р., Мехтиев Р., Махтумов К., Мозговенко В., Гуллыев М. и Атабаллыев Г., которые с целью дезорганизации работы учреждения и побега создали организованную группу.

Далее они распределили между собой обязанности по нейтрализации дежурного по учреждению БЛ-Т/5 Сабирова К., у которого находились ключи от камер, где содержались осужденные. При этом Широв С.А. вызвал по телефону внутренней связи второго этажа дежурного Сабирова К. под предлогом оказания медицинской помощи осужденному больному из камеры №58.

После прибытия Сабирова К. в корпус №2 на лестничной площадке между первым и вторым этажами на него было совершено нападение указанными осужденными с двух сторон, где Гараев Х. держал в руках палку, ударил ее концом в область затылка Сабирова К., Гуллыев М. ударил последнего металлической проволокой в область шеи, а остальные участники, свалив Сабирова К. на лестничной клетке, начали его избивать, нанося удары руками и ногами по различным частям тела, затем связали его руки и ноги. Когда Сабиров начал звать на помощь сотрудников учреждения, Шаймерданов Х., вытащив имевшийся у него нож, приставил в горлу Сабирова, пригрозив ему убийством, и потребовал замолчать. Затем, забрав ключи, Рагимов Р. открыл камеру №69, откуда вышел осужденный Аймурадов М., который, подключившись к действиям других осужденных, указал Махтумову К.

открыть лампочку в коридоре, где было слишком светло, так как это могло помешать их дальнейшим действиям. Далее Гараев Х., согласовав эти действия с Аймурадовым М., с целью завладения ключами от камер, где находились осужденные, и их освобождения из камер, а также с целью дезорганизации работы учреждения потребовал от Широга С. вызвать помощника дежурного учреждения, после чего последний, поднявшись на второй этаж, по телефону внутренней связи под предлогом оказания медицинской помощи больному из камеры №58 вызвал помощника дежурного Насырова А.

В это время Сабилов К., развязавшись, у входа в кабинет начальника отряда имевшимся в руках ремнем ударил в область лица осужденного Хадыева А., затем дотянулся до кабеля тревоги, включил сигнал "тревога" и с помощью телефона внутренней связи подтвердил указанный сигнал. Увидев это, осужденный Аймурадов М. и Гараев Х., Рагимов Р., Мехтиев Р., Мозговенко В., Шаймерданов Х., Хадыев А., Махтумов К., Атабаллыев Г., Гуллыев М. вновь начали избивать его руками и ногами по различным частям тела, причинив ему телесные повреждения средней тяжести. Далее, связав ему руки и ноги, перенесли в туалет, находящийся на первом этаже.

После этого, услышав сигнал тревоги и увидев приближающихся сотрудников учреждения, разбежались по камерам и по независящим от них обстоятельствам не смогли довести до конца свои преступные действия. Аймурадов М. был обнаружен за дверью перехода из коридора в прогулочный двор, где впоследствии были обнаружены ключи, отобранные у Сабирова К.

11 октября 1998 года в ходе обыска в квартире у Широга С. был обнаружен и изъят незаконно приобретенный им патрон, который согласно заключению судебно-баллистической экспертизы является боевым патроном к пистолету "Макарова" калибра 9 мм и пригоден для стрельбы из пистолета конструкции Макарова.

Допрошенный в судебном заседании подсудимый Широга С. вину признал частично и показал, что в ночь с 10 на 11 октября 1998 года около 24 часов во время дежурства контролером на 4, 5 посту учреждения БЛ-Т/5 по просьбе заключенного Гараева Х. содержащегося в камере №61, открыл куском проволоки камеру, откуда вышли Гараев Х. и Шаймерданов Х. Потом по просьбе Гараева Х., согласившись с его предложением, обещавший за услуги деньги, автомашину и квартиры, открыл камеры №58, 66, откуда вышли нужные Гараеву Х. люди. После чего по требованию Гараева Х. позвонил на вахту и вызвал дежурного по тюрьме Сабирова К. якобы для оказания помощи больному из камеры №58 и сам остался на втором этаже, с первого этажа услышал шум и крики избивания Сабирова К. Потом он по требованию Гараева Х. опять позвонил на вахту Халлыевой О. и под тем же предлогом попросил вызвать помощника дежурного Насырова А., у которого имелись ключи от разных помещений тюрьмы. Примерно через 5 минут все заключенные, увидев идущую группу сотрудников тюрьмы, разбежались по камерам. Гараев Х. повел его в камеру № 61, где завязали ему руки, что имитировали взятие его в заложники. Когда осужденных вывели из камеры № 69, видел, как Аймурадов М. переговаривался с Гараевым Х.

Патрон от пистолета Макарова, обнаруженный у него в квартире, нашел весной 1998 года, принес домой и забыл.

Допрошенный в судебном заседании подсудимый Гараев Х. вину признал частично и показал, что 11 октября 1998 года примерно в 02 часа к нему в камеру пришел контролер учреждения Широга С., которому /он/ передал кусок металлической проволоки и попросил открыть дверь камеры, что было и сделано Широга С. Из камеры вышел он и Шаймерданов Х. Потом вместе с

Шировым С. открыли камеры № 58, 66 и еще одну камеру, какую, он не помнит. После собрались все осужденные, вышедшие из трех камер, и он предложил совершить побег. Широв С. позвонил дежурному и, когда пришел дежурный Сабиров К., они стали его избивать. Кто именно избил и отобрал у дежурного часы, он не помнит. После чего Широв С. позвонил и вызвал старшего по корпусу. В это время из осужденных кто-то крикнул “идут”, и все разбежались по камерам. Широв С. забежал в их камеру и попросил его взять в заложники, но они отказались. Широву С. взятки он не предлагал ни в каком виде.

Допрошенный в судебном заседании подсудимый Аймурадов М. показал, что 11 октября 1998 года поздно ночью его разбудили двое заключенных, но как они открыли дверь камеры, он не знает. Один из них спросил: “кто Мухаммед ага”, и когда он отозвался, тот сказал: “быстро одевайся и выходи”. Он подумал, что его ведут на разборку, и, испугавшись, подчинился. Когда он вышел из камеры, они закрыли за ним и сказали ему: “стой здесь”. Через несколько минут кто-то из осужденных крикнул “идет корпусной”, все стали разбегаться, он тоже спрятался. Он очень плохо видит, потому видел только силуэты.

Допрошенный в судебном заседании подсудимый Шаймерданов Х. вину признал частично и показал, что в ночь с /10 на/ 11 октября 1998 года примерно в 02 часа контролер тюрьмы Широв С. вывел его из камеры №61, где он содержался. После Широв С. по телефону вызвал дежурного, якобы в камере №58 есть больной. После чего он поднялся с 4-5 осужденными на второй этаж и, когда пришел дежурный Сабиров К., между первым и вторым этажами на лестничной площадке с двух сторон они напали и начали избивать Сабирова К., но он сам в избиении Сабирова К. не участвовал. Когда Сабиров начал кричать, он вытащил нож и приставил ему к горлу, чтобы он не кричал. После чего, завязав руки и ноги, с остальными осужденными затащили Сабирова К. в кабинет начальника отряда. В это время кто-то крикнул, что “идут сотрудники учреждения”, после чего осужденные разбежались по камерам.

Допрошенный в судебном заседании подсудимый Хадыев А.Н. вину признал частично и показал, что примерно в 02 часа 11 октября 1998 года в камеру №66, где он находился, вошел осужденный Гараев Х. и предложил совершить побег, а Широв С. в это время находился возле двери. Вместе с ним из камеры вышли Атабаллыев, Гуллыев, и они все по указанию Гараева Х. вошли в кабинет начальника отряда, где Гараев Х. разделил всех на две группы для нападения на дежурного, которого по телефону вызвал Широв С. Услышав шум, вышли в коридор и увидели, что осужденные со второго этажа избивают дежурного Сабирова К. Он подошел и, сняв ремень с Сабирова К., завязал ему ноги, потом, вытащив ключи из его кармана, передал Гуллыеву и сам два раза ударил в живот Сабирова. В избиении Сабирова К. участвовали и другие заключенные, в том числе и Шаймерданов. Гараев Х., сняв с головы Гуллыева шапку, запихал ее в рот Сабирова К., чтобы тот не кричал. Потом перетащили Сабирова К. в кабинет начальника отряда, где Гараев Х. завязал Сабирову проволокой руки. Через некоторое время из кабинета выскочил Сабиров К., развязав себе руки и ноги, и, размахнувшись имеющимся в руках ремнем, ударил его в лицо. Увидев это, осужденные догнали его возле туалета и снова завязали его руки и ноги, второй раз Гараев Х. ударил его палкой по голове. Рагимов взял Сабирова К. за ноги и с Шаймердановым Х. перетащили его в туалет. В это время кто-то из заключенных крикнул, что “идут сотрудники учреждения”, и, услышав это, заключенные разбежались по камерам.

Допрошенный в судебном заседании подсудимый Рагимов Р.С. вину признал частично и показал, что примерно в 02 часа 11 октября 1998 года кто-то

открыл камеру №58, у двери он увидел контролера Широва С. и осужденного Гараева Х., и по предложению последнего из камеры вышли и спустились на первый этаж в комнату начальника отряда Мехтиев, Махтумов, Мозговенко и он, где увидели еще четверых заключенных. Там Гараев Х. предложил организовать побег, с чем все они согласились. Когда поднимался на второй этаж, увидел, что 5-6 осужденных, которые были из камеры №66, избивают Сабирова К., а Аймурадов М. в это время стоял возле выхода. После, услышав, что идут сотрудники учреждения, все разбежались по камерам. Он в избиении Сабирова К. не участвовал.

Аналогичные показания в судебном заседании дали подсудимые Мехтиев Р.А, Махтумов К.К., Мозговенко В.И.

Мозговенко В.И. также показал, что у него ранее было намерение совершить побег из мест лишения свободы.

Выслушав показания подсудимых Широва С., Хадыева А., Мехтиева Р., Махтумова К., Рагимова Р., Гараева Х., Мозговенко В., Шаймерданова Х. и Аймурадова М. судебная коллегия считает, что их виновность в совершении указанных выше преступлений подтверждается совокупностью следующих доказательств.

Так, потерпевший Сабиров К. показал, что примерно в 02 часа 11 октября 1998 года поступил телефонный звонок от контролера поста №4 Широва С., который сказал, что необходима помощь больному из камеры №58. Когда он поднимался с поста №5 на пост №4, который находился на втором этаже, на него напали вышеназванные заключенные, которые стали его избивать. Он стал сопротивляться, звать на помощь, однако они его два раза ударили головой о бетонный пол, связали ноги ремнем и занесли в кабинет начальника отряда, где связали руки проволокой, а затем ушли. После нескольких попыток ему удалось развязать руки и ноги, оказать сопротивление осужденному Хадыеву А., ударив его два раза по голове, и, воспользовавшись замешательством осужденных дотянулся до кабеля тревоги и включил сигнал "тревога". Услышав сигнал, осужденные набросились на него, свалили на пол и связали руки и ноги.

Свидетель Насыров А. суду показал, что он в ночь с 10 на 11 октября 1998 года заступил на дежурство в 23 часа и примерно в 02 часа, когда он находился в помещении дежурной части, поступил от контролера 4, 5 поста Широва С. телефонный звонок о необходимости оказать помощь больному из камеры №58, куда направился Сабиров К.

Через некоторое время он, услышав звук тревоги, с остальными сотрудниками учреждения побежал к рабочему корпусу, и там за дверью обнаружили Аймурадова М. Хадыева А. обнаружили в камере №61, дежурного Сабирова К. нашли в туалете в избитом состоянии. Через некоторое время обнаружили ключи дежурного Сабирова К. возле двора, которыми осужденные открыли камеры.

Допрошенный в судебном заседании свидетель Халлыева О. суду показала, что в ночь с 10 на 11 октября 1998 года в 23 часа заступила на дежурство БЛ-Т/5, и примерно в 2 часа позвонил по внутренней связи с 5 поста Широва С. и сообщил, что в 58 камере имеется больной в тяжелом состоянии, о чем она сообщила дежурному Сабирову К., куда он и пошел. Через некоторое время сработала сигнализация тревоги с 5 поста, о чем она сообщила ответственному дежурному Овезову. Овезов собрал сотрудников учреждения и направился к рабочему корпусу. После этого с 5 поста Сабиров К. позвонил и просил включить общую тревогу, что было сделано.

Допрошенные в судебном заседании свидетели Реджепов А., Аллабердыев А., Гусейнов Г. и Стефанский суду показали, что с 10 на 11

октября 1998 года после полуночи к ним в камеру зашел осужденный Гараев Х. и, разбудив их, сказал, что сегодня совершится побег из тюрьмы и тем, кто хочет быть на свободе, предложил пойти с ним, а контролер Широ́в С. в это время стоял за дверью. Некоторые из осужденных пошли с ними, а он и несколько осужденных остались в камере.

Допрошенный в судебном заседании свидетель Сульжен А.Г. показал, что ночью с 10 на 11 октября 1998 года примерно в 02 часа проснулся от шума, т.к. в камеру зашел Рагимов Р. и позвал Аймурадова М.

Свидетель Кочеков С. на предварительном следствии показал, что с 10 на 11 октября 1998 года примерно в 02 часа с остальными сотрудниками по тревоге пришли в рабочий корпус №2 и там за дверью обнаружили спрятавшегося Аймурадова М., а в ходе осмотра в туалете в избитом состоянии был обнаружен дежурный Сабиров К. (л.д.71).

Свидетель Аллабердыев на предварительном следствии показал, что Гараев Х. заявлял, что он подкупил двух контролеров и надо вызвать по телефону дежурного, чтобы они открыли камеры, где содержались заключенные, ворваться на вахту, дезорганизовать работу учреждения и совершить побег (л.д.127).

Согласно заключению судебно-медицинской экспертизы за №464 от 11 октября 1998 года обнаруженные у Сабирова К. повреждения в виде сотрясения головного мозга, раны в области переносицы, открытый перелом спинки носа, кровоподтека вокруг правого глаза, множественных ушибов и ссадин лица и грудной клетки относятся к причинению вреда здоровью средней тяжести как повлекшие за собой длительное расстройство здоровья (л.д. 157-167 т.1).

Из заключения судебно-баллистической экспертизы за №108 от 14 октября 1998 года следует, что обнаруженный патрон из квартиры Широ́ва С. является боевым патроном к пистолету Макарова калибра 9 мм и пригоден для стрельбы из пистолета конструкции Макарова (л.д. 168 т.1).

Согласно протокола обыска от 11 октября 1998 года из квартиры Широ́ва С. по адресу ул.Некрасова дом 3, кв.39 обнаружен и изъят патрон к пистолету Макарова калибра 9 мм (л.д. 94 т.1).

Согласно заключения судебно-медицинской экспертизы за №201 от 13 октября 1998 года на изъятой с места происшествия деревянной палке обнаружена кровь человека (л.д.174-176).

Проанализировав вышеуказанные доказательства, судебная коллегия считает, что виновность всех подсудимых в совершении преступлений полностью подтверждается вышеизложенным.

Доводы подсудимого Аймурадова М. о том, что он не был осведомлен о намерениях заключенных совершить побег и дезорганизовать работу учреждения, опровергаются показаниями Широ́ва С., данными им на предварительном следствии, о том, что Аймурадов М., выйдя из камеры, о чем-то переговаривался с Гараевым Х., и показаниями подсудимого Махтумова К. о том, что он по указанию Аймурадова М. открутил лампочку освещения, т.к. в коридоре было очень светло и это обстоятельство могло помешать запланированному плану побега и дезорганизации работы учреждения. Эти показания соответствуют действительности, поскольку их Широ́в С. подтвердил при очной ставке с Аймурадовым М. на предварительном следствии. Кроме того, эти обстоятельства в своих показаниях подтвердил и Мозговенко В.

Доводы подсудимого Гараева Х. о том, что он взятку Широ́ву С. не предлагал, опровергаются последовательными показаниями подсудимого Широ́ва С. о том, что за оказание помощи в побеге заключенных из мест

лишения свободы Гараев Х. обещал ему крупное вознаграждение в виде денег, квартиры, автомашины и других ценностей.

Оценивая собранные по делу доказательства, судебная коллегия считает, что вина подсудимых в совершении преступлений доказана.

Действия подсудимого Широва С. по ст.ст. 181 ч.2, 33 ч.2, 3, 213 ч.2, 287 ч.1 УК Туркменистана квалифицированы правильно. Вместе с тем коллегия считает необходимым исключить из обвинения в отношении Широва С. ст. 13, 184 ч.2 п.п. “а”, “д” УК Туркменистана по признаку повторности как излишне предъявленную, его же действия по ст. 33 ч. 2, 3, 207 ч.2 п.п. “б”, “в”, “г” УК Туркменистана и по ст.196 УК Туркменистана следует квалифицировать по ст. 14 УК Туркменистана как покушение на это преступление. Также судебная коллегия находит подлежащим исключению п. “з” ч.2 ст.108 УК Туркменистана в отношении Широва С., т.к. в его действиях нет повторности, и в этой части правильно будет квалифицировать его действия по ст. 108 ч.2 п.п. “в”, “г”, “д” УК Туркменистана.

Действия Гараева Х. по ст. 213 ч.2 УК Туркменистана квалифицированы правильно. Его же действия по ст.ст. 33 ч.2, 3, 207 ч.2 п.п. “б”, “в”, “г” следует квалифицировать как покушение на побег по ст.14 УК Туркменистана. Его же действия по ст. 13, 185 ч.2 подлежат переквалификации по ст.13, 185 ч.1 УК Туркменистана, так как в его действиях нет повторности дачи взятки. Также суд находит подлежащим исключению п. “з” ч.2 ст.108 УК Туркменистана в связи с тем, что в его действиях нет повторности, и в этой части правильно будет квалифицировать по п.п. “в”, “г”, “д” ч.2 ст.108 УК Туркменистана.

Действия Шаймерданова Х.Х. по ст.ст. 14, 207 ч.2 п.п. б”, “в”, “г”, 213 ч.2 УК Туркменистана квалифицированы правильно. Вместе с тем подлежит исключению п. “з” ч.2 ст.108 УК Туркменистана, т.к. в его действиях нет повторности, и в этой части правильно будет квалифицировать его действия по п.п. “в”, “г”, “д” ч.2 ст.108 УК Туркменистана. Также подлежит исключению ст.116 УК Туркменистана, т.к. эти действия полностью охватываются диспозицией ст.213 ч.2 УК Туркменистана и дополнительной квалификации не требуется.

Действия Хадыева А.Н. по ст. ст. 13, 185 ч.1, 14, 207 ч.2 п.п. “б”, “в”, “г”, 213 ч.2 УК Туркменистана и действия Рагимова Р.С., Мехтиева Р.А, Махтумова К.К., Мозговенко В.И., Аймурадова М. по ст.ст. 14, 207 ч.2 п.п. “б”, “в”, “г”, 213 ч.2 УК Туркменистана квалифицированы правильно, однако судебная коллегия находит в отношении их подлежащий исключению п. “з” ч.2 ст.108 УК Туркменистана, т.к. в их действиях нет повторности, и в этой части правильно будет квалифицировать их по п.п. “в”, “г”, “д” ч.2 ст.108 УК Туркменистана..

Судебная коллегия при назначении меры наказания всем подсудимым наряду со степенью общественной опасности совершенных преступлений учитывает и их частичное признание. Гражданский иск в сумме 2300000 манатов судебная коллегия находит подлежащим удовлетворению.

На основании вышеуказанного и руководствуясь ст.ст. 308, 309, 312, 317-319 УПК Туркменистана судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда Туркменистана

ПРИГОВОРИЛА:

Широва Салыха Абдышериповича признать виновным в совершении преступлений, предусмотренных ст.ст. 181 ч.2, 13, 184 ч.2 п. “д”, 33 ч. 2, 3, 14, 207 ч.2 п.п. “б”, “в”, “г”, 14, 196, 33 ч. 2, 3, 213 ч.2, 108 ч.2 п.п. “в”, “г”, “д”, 287 ч.1 УК Туркменистана.

Широву С.А. назначить по ст. 181 ч.2 УК Туркменистана 7 (семь) лет лишения свободы, по ст. 13, 184 ч.2 п. “д” УК Туркменистана 6 (шесть) лет лишения свободы, по ст. 33 ч. 2, 3, 14, 207 ч.2 п.п. “б”, “в”, “г” УК Туркменистана 4 (четыре) года лишения свободы, по ст. 14, 196 УК Туркменистана 2 (два) года лишения свободы, по ст. 33 ч. 2, 3, 213 ч.2 УК Туркменистана 15 (пятнадцать) лет лишения свободы, по ст. 108 ч.2 п.п. “в”, “г”, “д” УК Туркменистана 5 (пять) лет лишения свободы, по ст. 287 ч.1 УК Туркменистана 3 (три) года лишения свободы.

В соответствии со ст. 63 ч.3 УК Туркменистана путем частичного сложения наказаний по совокупности преступлений окончательно назначить Широву С.А. 16 (шестнадцать) лет лишения свободы без конфискации имущества с содержанием в ИК строгого режима.

Гараева Хошалы Жораевича признать виновным в совершении преступлений, предусмотренных ст.ст. 13, 185 ч.1, 33 ч. 2, 3, 14, 207 ч.2 п.п. “б”, “в”, “г”, 213 ч.2, 108 ч.2 п.п. “в”, “г”, “д” УК Туркменистана.

Гараеву Х.Ж. назначить по ст. 13, 185 ч.1 УК Туркменистана 2 (два) года лишения свободы, по ст. 33 ч. 2, 3, 14, 207 ч.2 п.п. “б”, “в”, “г” УК Туркменистана 4 (четыре) года лишения свободы, по ст. 213 ч.2 УК Туркменистана 11 (одиннадцать) лет лишения свободы, по ст. 108 ч.2 п.п. “в”, “г”, “д” УК Туркменистана 5 (пять) лет лишения свободы.

В соответствии со ст. 63 ч.3 УК Туркменистана путем частичного сложения наказаний по совокупности преступлений назначить Гараеву Х.Ж. 12 (двенадцать) лет лишения свободы.

В соответствии со ст. 64 УК Туркменистана путем частичного присоединения неотбытого наказания по приговору судебной коллегией по уголовным делам Верховного Суда Туркменистана от 21 июня 1995 года и по совокупности приговоров окончательно определить Гараеву Х.Ж. 18 (восемнадцать) лет лишения свободы с содержанием в ИК особого режима, из которых 5 (пять) лет в тюрьме.

Аймурадова Мухаммедгулы признать виновным в совершении преступлений, предусмотренных ст.ст. 14, 207 ч.2 п.п. “б”, “в”, “г”, 213 ч.2, 108 ч.2 п.п. “в”, “г”, “д” УК Туркменистана.

Аймурадову М. назначить по ст. 14, 207 ч.2 п.п. “б”, “в”, “г” УК Туркменистана 4 (четыре) года лишения свободы, по ст. 213 ч.2 УК Туркменистана 11 (одиннадцать) лет лишения свободы, по ст. 108 ч.2 п.п. “в”, “г”, “д” УК Туркменистана 3 (три) года лишения свободы.

В соответствии со ст. 63 ч.3 УК Туркменистана путем частичного сложения наказаний по совокупности преступлений назначить Аймурадову М. 12 (двенадцать) лет лишения свободы.

В соответствии со ст. 64 УК Туркменистана путем частичного присоединения неотбытого наказания по приговору судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда Туркменистана от 21 июня 1995 года и по совокупности приговоров окончательно определить Аймурадову М. 18 (восемнадцать) лет лишения свободы с содержанием в ИК особого режима, из которых 5 (пять) лет в тюрьме.

Шаймерданова Хезреткулы Хасановича признать виновным в совершении преступлений, предусмотренных ст.ст. 14, 207 ч.2 п.п. “б”, “в”, “г”, 213 ч.2, 108 ч.2 п.п. “в”, “г”, “д” УК Туркменистана.

Шаймерданову Х.Х. назначить по ст. 14, 207 ч.2 п.п. “б”, “в”, “г” УК Туркменистана 4 (четыре) года лишения свободы, по ст. 213 ч.2 УК Туркменистана 11 (одиннадцать) лет лишения свободы, по ст. 108 ч.2 п.п. “в”, “г”, “д” УК Туркменистана 5 (пять) лет лишения свободы.

В соответствии со ст. 63 ч.3 УК Туркменистана путем частичного сложения наказаний по совокупности преступлений назначить Шаймерданову Х.Х. 12 (двенадцать) лет лишения свободы.

В соответствии со ст. 64 УК Туркменистана путем частичного присоединения неотбытого наказания по приговору судебной коллегии по уголовным делам Лебапского велятского суда от 4 февраля 1998 года по совокупности приговоров Шаймерданову Х.Х. окончательно определить 20 (двадцать) лет лишения свободы с содержанием в ИК особого режима, из которых 5 (пять) лет в тюрьме.

Хадыева Ата Насыровича признать виновным в совершении преступлений, предусмотренных ст.ст. 13, 185 ч.1, 14, 207 ч.2 п.п. “б”, “в”, “г”, 213 ч.2, 108 ч.2 п.п. “в”, “г”, “д” УК Туркменистана.

Хадыеву А.Н. назначить по ст. 13, 185 ч.1 УК Туркменистана 2 (два) года лишения свободы, по ст. 14, 207 ч.2 п.п. “б”, “в”, “г” УК Туркменистана 4 (четыре) года лишения свободы, по ст. 213 ч.2 УК Туркменистана 11 (одиннадцать) лет лишения свободы, по ст. 108 ч.2 п.п. “в”, “г”, “д” УК Туркменистана 5 (пять) лет лишения свободы.

В соответствии со ст. 63 ч.3 УК Туркменистана путем частичного сложения наказаний по совокупности преступлений назначить Хадыеву А.Н. 12 (двенадцать) лет лишения свободы.

В соответствии со ст. 64 УК Туркменистана путем частичного присоединения неотбытого наказания по приговору судебной коллегии по уголовным делам Марыйского велятского суда от 20 декабря 1996 года по совокупности приговоров Хадыеву А.Н. окончательно определить 20 (двадцать) лет лишения свободы с содержанием в ИК особого режима, из которых 5 (пять) лет в тюрьме.

Рагимова Руслана Сарыбала оглы признать виновным в совершении преступлений, предусмотренных ст.ст. 14, 207 ч.2 п.п. “б”, “в”, “г”, 213 ч.2, 108 ч.2 п.п. “в”, “г”, “д” УК Туркменистана.

Рагимову Р.С. назначить по ст. 14, 207 ч.2 п.п. “б”, “в”, “г” УК Туркменистана 3 (три) года лишения свободы, по ст. 213 ч.2 УК Туркменистана 13 (тринадцать) лет лишения свободы, по ст. 108 ч.2 п.п. “в”, “г”, “д” УК Туркменистана 4 (четыре) года лишения свободы.

В соответствии со ст. 63 ч.3 УК Туркменистана путем частичного сложения наказаний по совокупности преступлений назначить Рагимову Р.С. 16 (шестнадцать) лет лишения свободы.

В соответствии со ст. 64 УК Туркменистана путем частичного присоединения неотбытого наказания по приговору Туркменбашинского этрапского суда от 15 декабря 1994 года по совокупности приговоров Рагимову Р.С. окончательно определить 18 (восемнадцать) лет лишения свободы с содержанием в ИК строгого режима, из которых 5 (пять) лет в тюрьме.

Мехтиева Рашида Аскеровича признать виновным в совершении преступлений, предусмотренных ст.ст. 14, 207 ч.2 п.п. “б”, “в”, “г”, 213 ч.2, 108 ч.2 п.п. “в”, “г”, “д” УК Туркменистана.

Мехтиеву Р.А. назначить по ст. 14, 207 ч.2 п.п. “б”, “в”, “г” УК Туркменистана 3 (три) года лишения свободы, по ст. 213 ч.2 УК Туркменистана 15 (пятнадцать) лет лишения свободы, по ст. 108 ч.2 п.п. “в”, “г”, “д” УК Туркменистана 4 (четыре) года лишения свободы.

В соответствии со ст. 63 ч.3 УК Туркменистана путем частичного сложения наказаний по совокупности преступлений назначить Мехтиеву Р.А. 16 (шестнадцать) лет лишения свободы.

В соответствии со ст. 64 УК Туркменистана путем частичного присоединения неотбытого наказания по приговору судебной коллегии по уголовным Ашгабатского шахерского суда от 9 февраля 1993 года по совокупности приговоров Мехтиеву Р.А. окончательно определить 20 (двадцать) лет лишения свободы с содержанием в ИК строгого режима, из которых 5 (пять) лет в тюрьме.

Махтумова Клыча Курбановича признать виновным в совершении преступлений, предусмотренных ст.ст. 14, 207 ч.2 п.п. “б”, “в”, “г”, 213 ч.2, 108 ч.2 п.п. “в”, “г”, “д” УК Туркменистана.

Махтумову К.К. назначить по ст. 14, 207 ч.2 п.п. “б”, “в”, “г” УК Туркменистана 3 (три) года лишения свободы, по ст. 213 ч.2 УК Туркменистана 15 (пятнадцать) лет лишения свободы, по ст. 108 ч.2 п.п. “в”, “г”, “д” УК Туркменистана 4 (четыре) года лишения свободы.

В соответствии со ст. 63 ч.3 УК Туркменистана путем частичного сложения наказаний по совокупности преступлений назначить Махтумову К.К. 16 (шестнадцать) лет лишения свободы.

В соответствии со ст. 64 УК Туркменистана путем частичного присоединения неотбытого наказания по приговору суда ш.Небитдага от 22 апреля 1994 года по совокупности приговоров Махтумову К.К. окончательно определить 19 (девятнадцать) лет лишения свободы с содержанием в ИК строгого режима, из которых 5 (пять) лет в тюрьме.

Мозговенко Владимира Ивановича признать виновным в совершении преступлений, предусмотренных ст.ст. 14, 207 ч.2 п.п. “б”, “в”, “г”, 213 ч.2, 108 ч.2 п.п. “в”, “г”, “д” УК Туркменистана.

Мозговенко В.И. назначить по ст. 14, 207 ч.2 п.п. “б”, “в”, “г” УК Туркменистана 3 (три) года лишения свободы, по ст. 213 ч.2 УК Туркменистана 11 (одиннадцать) лет лишения свободы, по ст. 108 ч.2 п.п. “в”, “г”, “д” УК Туркменистана 4 (четыре) года лишения свободы.

В соответствии со ст. 63 ч.3 УК Туркменистана путем частичного сложения наказаний по совокупности преступлений назначить Мозговенко В.И. 12 (двенадцать) лет лишения свободы.

В соответствии со ст. 64 УК Туркменистана путем частичного присоединения неотбытого наказания по приговору судебной коллегии по уголовным делам Ашгабатского шахерского суда от 12 декабря 1994 года по совокупности приговоров Мозговенко В.И. окончательно определить 20 (двадцать) лет лишения свободы с содержанием в ИК особого режима, из которых 5 (пять) лет в тюрьме.

Меру пресечения Широу С.А., Гараеву Х.Ж., Аймурадову М., Шаймерданову Х.Х., Хадыеву А.Н., Рагимову Р.С., Мехтиеву Р.А., Махтумову К.К. и Мозговенко В.И. содержание под стражей оставить без изменения.

Срок наказания Широу С.А., Гараеву Х.Ж. исчислять с 11 октября 1998 года, Аймурадову М., Шаймерданову Х.Х., Хадыеву А.Н., Рагимову Р.С., Мехтиеву Р.А., Махтумову К.К. и Мозговенко В.И. - с 10 ноября 1998 г.

В соответствии со ст.66 ч.3 УК Туркменистана время содержания под стражей в период предварительного следствия и судебного разбирательства один день содержания под стражей засчитать за два дня лишения свободы.

Взыскать с Широу С.А., Гараева Х.Ж., Аймурадова М., Шаймерданова Х.Х., Хадыева А.Н., Рагимова Р.С., Мехтиева Р.А., Махтумова К.К. и Мозговенко В.И. солидарно в пользу государства 2300000 (два миллиона триста тысяч) манатов.

Вещественные доказательства - нож и деревянную палку - уничтожить после вступления приговора в законную силу.

Приговор может быть обжалован или опротестован в Президиум Верховного Суда Туркменистана через судебную коллегия по уголовным делам Верховного Суда Туркменистана в течение 10 суток.

Копия верна. Худайкулиев Н.

Приложение №3

ПОСТАНОВЛЕНИЕ

об изменении обвинения при утверждении обвинительного заключения

26.11.1998 г.

г.Небитдаг

Прокурор Балканского велаята государственный советник юстиции 3-го класса Атаев Ч.Т., рассмотрев материалы уголовного дела №70993,

УСТАНОВИЛ:

25.11.1998 года поступило оконченное следствием уголовное дело по обвинению Широва С.А. в совершении пр.пр. ст.ст. 174 ч.2, 175 ч.2, 177 ч.3, 181 ч.2, 13, 184 ч.2, пп. "а", "д", 33 ч.ч.2, 3, 207 ч.2, п.п. "б", "в", "г", 196, 33, ч.ч. 2, 3, 213 ч.2, 33, ч.ч. 2, 3, 108 ч.2 п.п. "в", "г", "д", "з", 287 ч.1 УК Туркменистана;

Гараева Х.Ж. в совершении пр.пр. ст.ст. 174 ч.2, 175 ч.2, 177 ч.3, 13, 185 ч.2, 33, ч.ч. 2, 3, 207 ч.2, п.п. "б", "в", "г", 213 ч.2, 108 ч.2 п.п. "в", "г", "д", "з" УК Туркменистана;

Аймурадова М. в совершении пр.пр. ст.ст. 174 ч.2, 175 ч.2, 177 ч.3, 14, 207 ч.2, п.п. "б", "в", "г", 213 ч.2, 108 ч.2 п.п. "в", "г", "д", "з" УК Туркменистана;

Шаймерданова Х.Х. в совершении пр.пр. ст.ст. 174 ч.2, 175 ч.2, 177 ч.3, 14, 207 ч.2, п.п. "б", "в", "г", 213 ч.2, 108 ч.2 п.п. "в", "г", "д", "з", 116 УК Туркменистана;

Хадыева А.Х. в совершении пр.пр. ст.ст. 13, 185 ч.1, 174 ч.2, 175 ч.2, 177 ч.3, 14, 207 ч.2, п.п. "б", "в", "г", 213 ч.2, 108 ч.2 п.п. "в", "г", "д", "з" УК Туркменистана;

Гуллыева М.С. в совершении пр.пр. ст.ст. 174 ч.2, 175 ч.2, 177 ч.3, 14, 207 ч.2, п.п. "б", "в", "г", 213 ч.2, 108 ч.2 п.п. "в", "г", "д", "з" УК Туркменистана;

Рагимова Р.С. в совершении пр.пр. ст.ст. 174 ч.2, 175 ч.2, 177 ч.3, 14, 207 ч.2, п.п. "б", "в", "г", 213 ч.2, 108 ч.2 п.п. "в", "г", "д", "з" УК Туркменистана;

Мехтиева Р.А. в совершении пр.пр. ст.ст. 174 ч.2, 175 ч.2, 177 ч.3, 14, 207 ч.2, п.п. "б", "в", "г", 213 ч.2, 108 ч.2 п.п. "в", "г", "д", "з" УК Туркменистана;

Махтумова К.К. в совершении пр.пр. ст.ст. 174 ч.2, 175 ч.2, 177 ч.3, 14, 207 ч.2, п.п. "б", "в", "г", 213 ч.2, 108 ч.2 п.п. "в", "г", "д", "з" УК Туркменистана;

Мозговенко В.И. в совершении пр.пр. ст.ст. 174 ч.2, 175 ч.2, 177 ч.3, 14, 207 ч.2, п.п. "б", "в", "г", 213 ч.2, 108 ч.2 п.п. "в", "г", "д", "з" УК Туркменистана;

Проведенным по делу расследованием установлено, что Широу С.А., выражая недовольство существующей государственной властью и конституционным строем в Туркменистане, примерно в конце сентября 1998

года, с осужденным Гараевым Х.А., содержащимся в камере №61 учреждения БЛ-Т/5, создали организованную устойчивую группу лиц, объединившихся с целью насильственного захвата власти и насильственного изменения конституционного строя в Туркменистане и совершения ряда других преступлений против государства, за активное участие в деятельности которой Гараев Х. пообещал Широу С.А. деньги в крупном размере, автомобиль, дачу, квартиру, соответствующую должность в будущем правительстве Туркменистана и другие материальные блага в виде взятки, после чего совместно разработали план активных действий.

Осуществляя разработанный план, Широу С.А., находясь на дежурстве по корпусу №2 поста №4 учреждения БЛ-Т/5 в ночь с 10 на 11 октября 1998 года примерно в 02.00 часов, злоупотребляя своими служебными полномочиями, с помощью металлической проволоки открыл камеру №66 и вывел оттуда осужденного Хадыева А., который за это пообещал ему денежное вознаграждение, и водворил его в камеру №61, где содержались заключенные Гараев Х., Шаймерданов Х., Реджепов А. Спустя некоторое время в камеру пришел Широу С.А., сказав им, что наступил удобный момент, и потребовал ускорить реализацию намеченного плана, ссылаясь на ограниченное время.

Из камеры вышли Гараев Х., Шаймерданов Х., Хадыев А., после чего Широу С.А. и Гараев Х. открыли камеру №58 и, войдя в нее, начали призывать к насильственным действиям против иностранцев турецкой национальности, работающих в Туркменистане, под предлогом того, что они вступают в интимные отношения с женщинами-туркменками, тем самым возбуждая национальную вражду и рознь, для прекращения которой якобы и необходимо дезорганизовать работу учреждения, совершить побег, с помощью поджидающих за пределами тюрьмы сообщников с необходимыми для этого средствами доехать до г.Ашхабада, куда должны прибыть остальные участники заговора с целью свержения существующей власти, совершить государственный переворот.

Услышав призывы Широу С.А. и Гараева Х. из камеры №58 вышли осужденные Рагимов Р.С., Мехтиев Р.А., Мозговенко В.И., Махтумов К., которые своими действиями поддержали их призывы.

Продолжая свои преступные действия, Широу С.А. и Гараев Х. с помощью металлической проволоки открыли камеру №66, откуда на их призывы вышли осужденные Гуллыев М. и Атабаллыев Г., которые также активно поддержали призывы Широу С.А. и Гараева Х.

После чего Широу С.А. и Гараев Х. собрали вышедших из камер осужденных в кабинете начальника отряда, расположенного на первом этаже на посту №5, продолжая призывать их к дезорганизации работы учреждения, совершению побега из тюрьмы, насильственному захвату власти, возбуждая национальную вражду и рознь, распределили между собой обязанности по нейтрализации дежурного по учреждению БЛ-Т/5 Сабирова К., у которого имелись ключи от камер, где содержались осужденные.

Для этого Широу С.А. вызвал по телефону внутренней связи второго этажа дежурного Сабирова К. под предлогом оказания медицинской помощи осужденному больному из камеры №58, осужденные Атабаллыев, Гараев, Хадыев и Шаймерданов поднялись на второй этаж, осужденные Рагимов, Мозговенко, Мехтиев и Махтумов остались на первом этаже.

После прибытия Сабирова К. в корпус №2 на лестничной площадке между первым и вторым этажами на него было совершено нападение указанными осужденными с двух сторон, где Гараев Х., держа в руках палку, ударил ее концом в область затылка Сабирова К., Гуллыев ударил последнего

металлической проволокой в область шеи, а остальные участники, свалив Сабирова на лестничной площадке, начали его избивать, нанося удары руками и ногами по различным частям тела, затем связали его руки и ноги. Когда Сабиров не выдержал боли, начал звать на помощь сотрудников учреждения, Шаймерданов Х., вытащив имевшийся у себя нож, приставив его к горлу Сабирова, пригрозив ему убийством, потребовал замолчать.

Одновременно Гараев Х. снял с головы Гуллыева М. спортивную шапку и как кляп вложил ее в рот Сабирова К., после этого Хадыев А. вытащил ключи от камер из кармана Сабирова и передал Рагимову Р., которому Гараев Х. указал открыть камеру №69 и вывести оттуда осужденного Аймурадова М., что Рагимовым и Мехтиевым было выполнено. Остальные осужденные затащили Сабирова К. в кабинет начальника отряда поста №5 на 1 этаже, а Аймурадов М., выйдя из камеры, активно подключившись к действиям данной организованной преступной группы, указал Махтумову К. открутить лампочку в коридоре, где было слишком светло, что могло помешать их дальнейшим действиям. После этого он, выражая недовольство существующей государственной властью и конституционным строем Туркменистана, с целью насильственного захвата власти, начал призывать всех осужденных, находящихся в коридоре, дезорганизовать работу учреждения, совершить побег из тюрьмы, доехать до г.Ашхабада, куда должны были прибыть остальные участники заговора.

Далее Гараев Х., согласовав свои действия с Аймурадовым М., с целью завладения ключами от камер лиц, приговоренных к исключительной мере наказания, и их освобождения с целью дезорганизации работы учреждения и использования их при побеге потребовал от Широга С.А. вызвать помощника дежурного учреждения, после чего последний, поднявшись на второй этаж, по телефону внутренней связи под предлогом оказания медицинской помощи больному из камеры №58 вызвал помощника дежурного Насырова А.

В это время Сабиров К., развязавшись, у входа в кабинет начальника отряда имевшимся в руке ремнем ударил в область лица осужденного Хадыева А., затем дотянулся до кабеля тревоги, включил сигнал “тревога” и с помощью телефона внутренней связи подтвердил указанный сигнал. Увидев это, Шаймерданов Х.Х. и осужденные Аймурадов М., Гараев Х., Рагимов Р., Мехтиев Р., Мозговенко В., Хадыев А., Махтумов К., Атабаллыев Г. вновь начали избивать Сабирова К. руками и ногами по различным частям тела, связав ему руки и ноги, перенесли в туалет, находящийся на первом этаже.

После этого они, услышав сигнал тревоги и увидев приближающихся сотрудников учреждения, разбежались по камерам и по не зависящим от них обстоятельствам не смогли довести до конца свои преступные действия. Сотрудниками учреждения Аймурадов М. был обнаружен за дверью перехода из коридора в прогулочный двор на первом этаже, где впоследствии были обнаружены ключи, отобранные у Сабирова К., Хадыев обнаружен в камере №61 вместе с Шировым С.А., где последний попросил у Гараева Х. имитировать взятие его в заложники.

Согласно заключению судебно-медицинской экспертизы у Сабирова К. имеются телесные повреждения средней тяжести, вызвавшие длительное расстройство здоровья.

11.10.1998 года в ходе обыска в квартире Широга С.А. был обнаружен и изъят патрон, который согласно заключению судебно-баллистической экспертизы является боевым патроном к пистолету Макарова калибра 9 мм и пригоден для стрельбы из пистолета конструкции Макарова.

Изучение настоящего уголовного дела показало, что вышеуказанным лицам обвинение по ст.ст. 174 ч.2, 175 ч.2, 177 ч.3 УК Туркменистана вменено

без достаточных на то оснований, поскольку обвинение в данной части предъявлено лишь с учетом показаний обвиняемых Гуллыева, Рагимова и свидетеля Аллабердыева.

Так, обвиняемый Гуллыев М.С. показал, что когда Гараев Х. агитировал осужденных совершить побег, он говорил: “Если вы мужчины, выйдите из камер, на воле турки унижают достоинство наших женщин, неужели мы хуже чеченцев, на улице ждут автобусы, оружие приготовлено. Абды Кулиев приедет в Ашгабат и будет переворот”. Однако он воспринял эти слова не как призыв к насильственному изменению конституционного строя, участие в котором не желал принимать, а вышел из камеры только с целью совершения побега.

Кроме того, его показания в этой части не подтверждаются никем из осужденных, находившихся с ним рядом, а также сотрудниками учреждения, которые были непосредственными очевидцами и были допрошены в качестве свидетелей

(л.д. 59-60, 184-186 т.1, 71-72 т.2)

Свидетель Аллабердыев показал, что Гараев заявил, что он купил двух контролеров, надо вызвать по телефону дежурного, открыть камеры, где содержатся осужденные, приговоренные к исключительной мере наказания, ворваться на вахту, захватить оружие, на свободе поддержат свои люди, что 17 октября будет бунт, побег надо начинать обязательно в эту ночь.

Далее из показаний осужденного Аллабердыева следует, что Гараев Х. и раньше говорил об этом бунте, уверял осужденных, что все будет хорошо, на его стороне людей много, раньше он был арестован за попытку переворота, что у многих осужденных большие сроки и им не на что надеяться. Также Гараев Х. обещал каждому автоматы, говорил, что все туркмены слепые, живут как попало, в других странах были митинги и революции, только в Туркменистане их не было, если осужденные совершат бунт, то все они станут национальными героями, в будущем правительстве он займет соответствующую должность.

(л.д. 127-128 т.1)

Как следует из данных показаний какие-либо призывы к насильственному изменению конституционного строя и возбуждению социальной, национальной либо религиозной вражды отсутствовали, имели место призывы к совершению бунта с целью организации побега.

Допрошенный в качестве обвиняемого Рагимов показал, что в комнате начальника отряда, в присутствии Мехтиева Р., Махтумова К., Мозговенко В. Гараев начал их призывать к участию в правительственном перевороте, для чего предложил организовать побег. Согласно предложенному Гараевым плану им необходимо было обезвредить охрану, выйти на свободу и доехать до г.Ашгабада.

(л.д. 85 т.2)

Как следует из данных показаний, призывы к насильственному изменению конституционного строя и возбуждению социальной, национальной или религиозной вражды также не имели места, присутствовало предложение о принятии участия в правительственном перевороте, который якобы должен был быть осуществлен другими лицами.

Каких-либо других показаний со стороны обвиняемых и свидетелей, указывающих на организацию заговора с целью захвата власти или призывов к насильственному изменению конституционного строя или возбуждению социальной, национальной или религиозной вражды, в деле не имеется.

Кроме того материалами уголовного дела и проведенными оперативно-розыскными мероприятиями установлено, что каких-либо сообщников обвиняемых Гараева и Широва, поджидающих их за пределами тюрьмы с необходимыми для этого средствами, своего подтверждения не нашли. Данный факт дает основание полагать, что вышеуказанные утверждения обвиняемых являлись вымышленными и служили средством для вывода как можно большего количества осужденных из камер с целью облегчения побега.

Материалами уголовного дела также установлено, что осужденные обвиняемые, находясь в тюрьме, содержались в разных камерах и для совершения заговора с целью насильственного захвата власти и насильственного изменения конституционного строя реальных возможностей не имели.

Также обвиняемые Аймурадов М., Шаймерданов Х.Х., Хадыев А., Гуллыев М.С., Рагимов Р.С., Мехтиев Р.А., Махтумов К.К., Мозговенко В.И. совершили указанные действия только с целью совершения дезорганизации работы учреждения БЛ-Т/5 и дальнейшего совершения побега.

Кроме того, для наличия состава преступления, предусмотренного ст.174 ч.2 УК Туркменистана, необходимы: заговор с целью насильственного захвата власти и насильственного изменения конституционного строя, повлекший тяжкие последствия, по ст.175 ч.2 УК Туркменистана – публичные призывы к насильственному захвату власти и насильственному изменению конституционного строя, совершенные повторно и организованной группой; по ст.177 ч.3 УК Туркменистана – умышленные действия, направленные на возбуждение национальной вражды и розни, совершенные с угрозой применения физического насилия, организованной группой, которых в действиях обвиняемых не имеется.

В остальной части предъявленных следствием обвинений вышеуказанным лицам считаю доказанными по нижеследующим основаниям.

Допрошенный в качестве обвиняемого Широ С.А. вину свою признал частично и показал, что контролером в учреждении БЛ-Т/5 он работает с ноября 1995 г. В ночь с 10 на 11.10.1998 года в 23-00 часов заступил на дежурство, контролером на 4 и 5 посты. Примерно в 24-00 часов осужденные из камеры №61 постучали в дверь. Когда он подошел к двери и открыл форточку для подачи пищи осужденным, то содержащийся в камере осужденный Гараев Х. сказал, что в эту ночь он и еще несколько осужденных должны выйти из камер. №61 камеру он открыл куском проволоки, поданной ему осужденным Гараевым Х., который просил у него оказать ему помощь в побеге, то есть он должен был открыть камеры №№58, 61, 66 и выпустить оттуда нужных для Гараева осужденных. За эти услуги последний обещал ему деньги, автомашину, квартиру, дачу, должность и все, что он желает, на что Широ С.А. ответил согласием. После этого он куском проволоки открыл камеру №61. Откуда вышли осужденные Гараев Х. и Шаймерданов Х., третий осужденный из камеры не вышел. Потом он открыл камеру №58, в камеру вошел Гараев Х., он с Шаймердановым Х. остался в коридоре. Какой разговор Гараев вел в камере он не слышал, но из нее вышли все осужденные вместе с Гараевым. Затем они вместе спустились на первый этаж и Широ по требованию Гараева открыл камеру №66, откуда вышли несколько осужденных и остались в камере 1-2 осужденных. После Гараев потребовал от него подняться на 2-ой этаж и по

телефону вызвать дежурного по тюрьме Сабилова К., у которого имелись ключи от камер, где содержатся осужденные. Он позвонил на вахту, где сидела сотрудница Халлыева О., которую попросил вызвать дежурного для оказания помощи больному из камеры №58.

Гараев потребовал от него, чтобы он не спускался на 1-ый этаж. Позже после прихода на 1-ый этаж Сабилова К. услышал шум и крик и понял, что осужденные избивают Сабилова К., но он к ним не подошел. Через некоторое время к нему на 2-ой этаж поднялся Гараев Х. и потребовал вызвать помощника дежурного, так как у него имелись ключи от разных помещений тюрьмы. И он снова позвонил на вахту Халлыевой О. и под предлогом оказания помощи больному осужденному из камеры №58 попросил вызвать помощника дежурного Насырова А. и направить его на пост №4. Все это время Гараев Х. находился рядом с ним. Через 5-6 минут осужденные сказали, что на пост №4 идет группа сотрудников тюрьмы, и разбежались по камерам. Его Гараев повел в свою камеру, то есть в камеру №61, и сказал, что его будут держать под видом заложника в камере, где и завязали ему руки. В это время к камере подошли зам. начальника тюрьмы Овезов К., помощник дежурного Насыров А. и др. сотрудники тюрьмы и потребовали выйти из камеры.

Патрон от пистолета Макарова, обнаруженный у него в квартире, нашел весной 1998 года по пути на базар города Туркменбаши, принес домой, положил в сосуд под видом чайника и забыл про него.

Когда осужденные вывели из камеры №69 Аймурадова М., он видел, как Аймурадов переговаривался с Гараевым Х.

(л.д. 102-103, 255-256 т.1)

Допрошенный в качестве обвиняемого Гараев Х. вину свою признал частично и показал, что 11.10.1998 года примерно в 02-00 часов к нему в камеру пришел контролер учреждения БЛ-Т/5 Широу С.А., которому он сказал, что его скоро могут выпустить из тюрьмы. Широу С.А. подтолкнул его к мысли о побеге, сказал, что сегодня дежурный выпивший и момент удобный. Он сорвал печать, открыл дверь. Из камеры он вышел вместе с Шаймердановым Х., потом открыли камеру №58. После этого он сказал Широу С., что если побег не получится, то ему будет плохо, так как ему осталось всего два месяца до условного освобождения⁸³. Далее Широу открыл камеру №66 и еще одну камеру, какую он не помнит. После собрались все осужденные, вышедшие из трех камер, Широу С.А. позвонил дежурному. Когда пришел дежурный, осужденные начали его избивать, кто именно отобрал у дежурного ключи, он не знает. Во время избивания дежурный кричал: “Идите скажите Хошали, что избивают Кемала”. После Широу еще раз позвонил и вызвал старшего по корпусу. В коридоре был хаос, осужденные ходили по всему коридору, в это время кто-то из них крикнул “идут” и все разбежались по камерам. Широу С.А. забежал в их камеру и попросил его взять его в заложники, но они отказались и связали ему руки. После пришел Насыров Али и забрал подвесной замок от двери, и все осужденные из его камеры легли спать.

В избивании Сабилова К. он участия не принимал, никакого умысла на дезорганизацию работы тюрьмы не было. Как все случилось, он не знает, все произошло спонтанно, хаотично, просто он послушался слов Широу С. Он не собирался организовывать заговор с целью захвата власти, к насильственному

⁸³ В действительности, через два месяца Гараева должны были перевести из тюрьмы в исправительную колонию.

изменению конституционного строя не призывал, национальной розни не возбуждал, никому взятку давать не собирался.

(л.д. 109-111 т.1, 19 т.2)

Допрошенный в качестве обвиняемого Аймурадов М., частично признав свою вину, показал, что в ночь с 10 на 11 октября 1998 года он проснулся, так как его разбудили двое заключенных, имен и фамилий которых он не знал. Один из них стоял в камере, а другой возле двери у входа в камеру. Тот, который был в камере, спросил: “Кто Мухаммет ага”, когда он отозвался, то вошедший в камеру осужденный сказал: “Быстро одевайся и выходи” и повторил приказ два раза, так как он не хотел выходить. Он думал, что его ведут на разборку и, испугавшись последствий неподчинения, решил выйти, ибо осужденные не останавливаются ни перед чем. Когда он вышел, они закрыли за ним камеру, и когда он спросил, что им нужно, они ответили: “Стой здесь”, и он подчинился. Без очков он почти ничего не видит и сонный не смог понять в чем дело, смутно видел силуэты осужденных и думал, что идет разборка. Через несколько минут кто-то крикнул: “идет корпусной”, все стали разбегаться, он тоже спрятался от осужденных, так как думал, что они хотят что-либо от него. Он поддерживает и одобряет политику Туркменистана, согласен с существующей Государственной властью и конституционным строем в Туркменистане и никогда не пойдет против Президента Туркменистана.

О том, что на месте, где он был обнаружен сотрудниками тюрьмы, позже были обнаружены ключи, отобранные осужденными у дежурного Сабирова, он ничего не знает.

(л.д. 27-28 т.2)

Допрошенный в качестве обвиняемого Шаймерданов Х.Х., признав свою вину частично, показал, что в ночь с 10 октября на 11 октября 1998 года примерно в 02-00 часов контролер учреждения БЛ-Т/5 Широу С.А. водворил в камеру №61, где он содержался, осужденного Хадыева А., который находился в камере примерно 20-25 минут. После чего пришел Широу С.А. и сказал, что позвонил дежурному, он придет. Он и Хадыев А. спустились на первый этаж и зашли в комнату начальника отряда, где находились осужденные Мозговенко В., Махтумов К., Мехтиев Р., Рагимов Р., Гуллыев М., Атабаллыев Г. После Широу С.А. пояснил, что он по телефону сообщил дежурному, /что/ якобы в камере №58 есть больной и Широу С.А. вместе с Гараевым Х. начали рассказывать о том, что настало время, но он не понял, что за время настало. На второй этаж поднялись контролер Широу С.А., осужденные Гараев Х., Хадыев А., Гуллыев М., Атабаллыев Г., когда пришел дежурный Сабиров К. и поднимался на второй этаж, на лестничной площадке между первым и вторым этажом осужденные, находящиеся на втором этаже, напали на него, в руках Гараева Х. была палка, с первого этажа напали остальные осужденные и совместно начали избивать Сабирова К. Сам он находился у подъезда, в избивании Сабирова К. не участвовал. Сабиров К. начал кричать: “Хошали, это я Кемал”. Жалостный крик Сабирова К. действовал на его нервы, он поднялся к остальным осужденным и, приставив нож к горлу Сабирова К., сказал “молчи”. В это время Сабирову К. в рот как кляп вложили спортивную шапку. После этого кто-то из осужденных взял ключи у Сабирова К., передал другому, кому именно сказать не может, так как в коридоре было много осужденных. Избитого Сабирова К. затащили в кабинет начальника отряда на первом этаже со

связанными руками и ногами. Спустя 10-15 минут Сабилов К., развязавшись у входа в кабинет начальника отряда, ремнем ударил Хадыева А. Осужденные вновь начали избивать Сабирова К. руками и ногами по различным частям тела, связали руки и ноги, перенесли в туалет, сам он все это время находился у подъезда. В это время со стороны первого корпуса шел старший корпуса Насыров А. Увидев последнего, он сказал, что идет старший корпуса Али. Осужденные некоторые поднялись на второй этаж, некоторые зашли в кабинет начальника отряда. Старший корпуса подошел к кабинету начальника отряда, где он находился с несколькими осужденными. Старший корпуса сделал попытку открыть кабинет, но он не дал возможность открыть кабинет, тогда Насыров А. второй раз дернул ручку двери, но не смог ее открыть. Тогда Насыров спросил: “Салых, все нормально?”, он ответил вместо Салыха “да”, после чего Насыров ушел в сторону первого корпуса. После этого он пошел в свою камеру, так как был против избиения и применения физических сил в отношении сотрудников тюрьмы. Позже в камеру пришел Широков С.А. и просил завязать ему руки, за ним захлопнулась дверь камеры, через некоторое время сотрудники тюрьмы из камеры забрали Хадыева А. и Широкова С.А.

(л.д. 43-44 т.2)

Допрошенный в качестве обвиняемого Хадыев А.Н., частично признав свою вину, показал, что в ночь с 10 на 11 октября 1998 года примерно в 02.30 часов в камеру №66 вошли контролер Широков С.А. и осужденный Гараев Х.Ж. которые предложили им осуществить побег. Из камеры вышли он, Атабаллыев, Гуллыев М. и Хадыев А., все вместе вошли в кабинет начальника отряда. В камере находились осужденные из камеры №58. Всех осужденных Гараев Х. разделил на две группы и распределил обязанности, после чего он со своими сокамерниками и осужденными из камеры №58 остались на первом этаже. В частности Гараев сказал, что Широков С.А. вызовет по телефону дежурного тюрьмы, после чего они должны были напасть на дежурного со второго этажа, а остальные – с первого этажа. Они находились в кабинете дежурного, услышав шум, выскочили в коридор, где заметили, что осужденные со второго этажа на лестничной площадке избивают дежурного, который лежал на полу. Они пришли на помощь к осужденным со второго этажа, где он, сняв ремень с Сабирова К., завязал ему ноги, потом, вытащив ключи из кармана, передал Гуллыеву М., два раза ударил рукой в живот, Гараев Х., сняв с головы Гуллыева М. спортивную шапку, вложил ее в рот Сабирова как кляп. После перетащили его в кабинет отрядного, где Гараев Х. связал проволокой его руки. Через некоторое время из кабинета начальника отряда выскочил Сабилов К., размахнувшись имевшимся в руке ремнем, ударил его в лицо и отбежал в сторону туалета. Они, догнав его возле туалета, снова связали ему руки и ноги, второй раз Сабилов К. сопротивления не оказал, Гараев Х. ударил его палкой по голове, осужденный Рагимов Р. взял его за ноги и вместе перетащили его в туалет. После кто-то из осужденных крикнул, что идут сотрудники тюрьмы, услышав это, осужденные разбежались по камерам, он вместе с Гараевым Х., Шаймердановым Х., Широковым С. вошел в камеру №61, где Широков С.А. просил Гараева Х. связать ему руки, что Гараев и сделал. После чего из камеры его вывели сотрудники тюрьмы.

(л.д. 58-59 т.2)

Допрошенный в качестве обвиняемого Гуллыев М.С., частично признав вину, показал, что с 10 на 11 октября 1998 года ночью в камеру №66, где он содержался, вошли контролер тюрьмы Широу С.А. и осужденный Гараев Х., при этом стали агитировать совершить побег из тюрьмы под предлогом того, что наших жен унижают турки, неужели мы хуже чеченцев, если совершим побег, то нас ждут автобусы, приехал Абды Кулиев и хочет совершить переворот в г.Ашгабаде. На их призывы он вышел из камеры вместе с Атабаллыевым Г. и Хадыевым А. и вошли в кабинет отрядного, расположенного на первом этаже, где Широу С.А. сказал, что он по телефону вызвал дежурного по тюрьме, которого необходимо нейтрализовать, для чего их разделили на две группы. Он поднялся на второй этаж, позже он заметил, что на лестничной площадке между первым и вторым этажами осужденные избивают дежурного по тюрьме. В руках Гараева Х. он заметил палку, а ему последний передал длинную проволоку. Гараев Х. ударил палкой Сабилова К., забрав у него проволоку, завязал руки Сабилову К., сняв с его головы спортивную шапку, как кляп вложил в рот Сабилова К. Он два раза ногой ударил дежурного. После вместе с Рагимовым Р. открыли камеру №69 и вывели осужденного Аймурадова М. Как только Аймурадов М. вышел из камеры, он дал указание выкрутить лампочку в коридоре, лампочку выкрутил осужденный Махтумов К. В это время дежурный, освободившись, выскочил из кабинета отрядного, и осужденные, снова избив дежурного, завязали ему руки и ноги. После чего Гараев Х. сказал Широу С.А., чтобы тот вызвал корпусного Али, связав которого, Гараев Х. хотел освободить осужденных, приговоренных к исключительной мере наказания. После необходимо было добраться до вахты и спокойно уйти из тюрьмы, так как вся смена была куплена Гараевым Х. После этого он с Атабаллыевым вошел в камеру.

(л.д. 71-72 т.2)

Допрошенный в качестве обвиняемого Рагимов Р.С., частично признав свою вину, показал, что с 10 на 11 октября 1998 года ночью открыли камеру №58, где он содержался вместе с 5 осужденными, на шум проснулись он, Мехтиев Р., Махтумов К., Мозговенко В. У двери стояли контролер Широу С.А. и осужденный Гараев Х., которые потребовали от них выйти из камер и спуститься на первый этаж. Они вчетвером спустились на первый этаж в комнату начальника отряда. Кроме них в комнате находился Гараев Х., который начал агитировать их участвовать в правительственном перевороте, для чего Гараев предложил организовать побег. Согласно плану им необходимо обезвредить охрану, выйти на свободу и доехать до г.Ашгабада. Услышав это, он вместе со своими сокамерниками решили вернуться в камеру. Тогда Гараев Х. вышел первым из комнаты и пошел в сторону лестницы, а когда он сам поднимался по лестнице, то заметил, что 5-6 осужденных избивают какого-то сотрудника тюрьмы, позже он узнал, что это был дежурный Сабилов К. Его избивали Гараев Х., Шаймерданов Х. и еще 3 осужденных из камеры №66. Аймурадов М. стоял возле выхода. Они вчетвером пошли в камеру №58, где их закрыл контролер.

(л.д. 85 т.2)

Допрошенный в качестве обвиняемого Мехтиев Р.А. частично признал свою вину и показал, что в ночь с 10 на 11 октября 1998 года ночью к ним в камеру №58 вошел осужденный Гараев Х., которому дверь открыл контролер

Широв С.А., на шум он проснулся, и Гараев Х. стал говорить, что к побегу все готово, смена тюрьмы вся куплена, на свободе ждут, и стал поторавливать. После чего он вышел из камеры вместе с осужденными Рагимовым Р., Мозговенко В., Махтумовым К. и спустились в комнату начальника отряда. Контролер Широв С.А. вызвал по телефону дежурного Сабирова К., а когда последний пришел со второго этажа, на него напали Хадыев А., Гуллыев М., Атабаллыев Г., Шаймерданов Х., Гараев Х., а он со своими сокамерниками выскочил с первого этажа, где он остановился в коридоре, Рагимов оказался к Сабирову К. ближе всех, поэтому последний ударил Рагимова ногой.

Далее обвиняемый Мехтиев Р. показал, что данные им ранее показания он полностью подтверждает.

(л.д. 120-121 т.2)

Допрошенный в качестве обвиняемого Махтумов К.К., признав свою вину частично, показал, что в ночь с 10 на 11 октября 1998 года примерно в 02.00 часов к ним в камеру №58 зашли контролер Широв С.А. и осужденный Гараев Х., которые сказали, чтобы он оделся и вышел. Вместе с ним из камеры вышли осужденные Рагимов Р., Мехтиев Р., Мозговенко В.

Далее Махтумов К. показал, что он полностью подтверждает данные им показания в качестве свидетеля и на очных ставках. Однако у него не было умысла на изменение конституционного строя.

(л.д. 136 т.2)

Допрошенный в качестве обвиняемого Мозговенко В.И., частично признав свою вину, показал, что в ночь с 10 на 11 октября 1998 года в камеру №58 вошел осужденный Гараев Х. и сказал, что если кто хочет на свободу, пошли, препятствий нет, ворота открыты. Вместе с ним из камеры вышли осужденные Рагимов Р., Мехтиев Р., Махтумов К. и спустились в кабинет начальника отряда на первом этаже. Сам Гараев Х., сказав, чтобы его подождали, куда-то вышел, через некоторое время с ним пришли еще 3 осужденных из камеры №66. Еще Гараев Х. потребовал от них, чтобы все мы находились на месте, когда будет необходимость, он нас позовет. Услышав шум на втором этаже, он вместе с остальными вышел из кабинета начальника отряда, и увидел, что на лестничной площадке лежит дежурный, осужденные его связывают, Гараев Х. несколько раз ударил его. Свяжав дежурного, осужденные отнесли его в кабинет начальника отряда, сам он участия в этом не принимал. Через некоторое время дежурный развязался и выскочил из кабинета, у него в руке был ремень. Этим ремнем он ударил кого-то из осужденных по голове, и его опять связали и куда-то унесли. После кто-то из осужденных сказал, что идет корпусный, и все осужденные разбежались по камерам. Он считает, что в его действиях имеются признаки преступления, предусмотренного ст.14, 207 УК Туркменистана.

(л.д. 151-152 т.2)

Несмотря на то, что обвиняемые с целью уйти от наказания частично признали свою вину, их вина в совершении указанных преступлений полностью доказана показаниями свидетелей, протоколами очных ставок, осмотра места происшествия, вещественных доказательств, проверки показаний на месте происшествия, заключениями экспертиз, свидетельскими показаниями и

показаниями самих обвиняемых, данными ими в ходе расследования дела и другими материалами уголовного дела.

(л.д. 3-6, 7-8, 63-65, 84, 85-91, 93-94, 140-147, 150-152, 156-176 т.1)

Допрошенный в качестве свидетеля потерпевший Сабиров К. показал, что 10 октября 1998 года в 23.00 часов он заступил на дежурство по учреждению БЛ-Т/5 в качестве дежурного помощника начальника учреждения. С ним в одной смене заступили на дежурство Халлыева О. – оператор, Одаев Г. – КПП, Аманов Ж. – контролер поста №1, Алтыев У. – контролер поста №2, Оразов К. – контролер поста №3, Широков С.А. в связи с недостатком кадров был назначен контролером на посты №№4, 5, Насыров А. – старший помощник корпусного, Овезов Г. – ответственный по учреждению БЛ-Т/5, Кочеков О. и Халлыев А. – помощники ответственного по учреждению.

Примерно в 02.00 часов, когда он находился в помещении дежурной части, поступил телефонный звонок от контролера поста №4 Широкова С.А., который сказал, что необходимо оказать помощь больному из камеры №58. В этот момент к нему подошли Халлыева О. и Одаев Г., которым он сказал, что идет на пост №4 для оказания помощи больному из камеры №58. Когда он с поста №5 поднимался на пост №4, на лестничной площадке между первым и вторым этажами со второго этажа на него напали 4 осужденных, в руках одного из них, т.е. осужденного Гараева Х., /была/ палка длиной примерно 60-70 см, у другого была проволока. Увидев это, он попытался спуститься на первый этаж, однако заметил, что с первого этажа на него шли 5 осужденных, двух из них ударил ногой. В этот момент кто-то сзади ударил его палкой по голове, остальные осужденные начали избивать его руками и ногами, он пытался защищаться, звал на помощь. Потасовка длилась примерно 5-6 минут. После чего его свалили на пол, два раза голову ударили о бетонный пол, сняв ремень, связав ноги, перетащили в кабинет начальника отряда. Когда несли, кто-то из осужденных руками закрыл ему глаза, в кабинете проволокой связали ему руки и там оставили.

Он узнал всех осужденных, напавших на него, так как со всеми сталкивался по долгу службы. Нападавшими были осужденные Гараев Х., Аймурадов М., Гуллыев М., Рагимов Р., Мехтиев Р., Мозговенко В., Шаймерданов Х., Хадыев А., Атабаллыев Г., Махтумов К. Фамилии и имена осужденных он вспомнил, лежа в больнице. Все без исключения осужденные принимали активное участие при нападении на него.

Лежа в кабинете начальника отряда, он отчетливо слышал, что осужденные переговариваются между собой, ходят по коридору. После нескольких попыток освободиться ему удалось освободить руки и развязать ноги, после чего обмотал ремнем правую руку, в ожидании кого-нибудь из осужденных он спрятался за дверь. В этот момент в кабинет заглянул осужденный Хадыев А., которому он два раза нанес удар ремнем в область головы, воспользовавшись замешательством осужденных, дотянулся до кабеля тревоги, включил сигнал “тревоги”, сразу зазвонил телефон внутренней связи, он дотянулся до трубки, но, не удержав в руке, уронил, однако в последний момент успел прокричать в трубку “тревога”. Услышав это, 5-6, возможно, больше осужденных набросились на него, свалили на пол, связали руки и ноги, на голову надели его же куртку и куда-то затащили. Через некоторое время он услышал сирену тревоги и понял, что осужденные разбежались по камерам.

У него с собой были ключи от проходной, камер, форточек для подачи пищи осужденным, сейфов с документами и ключами от всех помещений

тюрьмы. После того, как он освободился в первый раз, ключей у себя в кармане не обнаружил.

Когда его избивали, он стал звать на помощь, тогда осужденный Шаймерданов Х. приставил к его горлу нож и сказал: “Замолчи, а то зарежу”, другой осужденный вложил в рот кляп. Когда его связали второй раз, кто-то из осужденных сказал: “Спросите Хошали, что дальше делать”.

(л.д. 150-152 т.1)

Свои показания потерпевший Сабиров К. подтвердил на очных ставках с обвиняемыми Хадыевым А., Гараевым Х., Шаймердановым Х., Аймурадовым М.

(л.д. 236-244 т.1)

Допрошенный в качестве свидетеля осужденный Режепов А. показал, что он содержится в камере № 61 с осужденными Гараевым Х. и Шаймердановым Х. 10-11.10.1998 года примерно в 01.00 часов его разбудили Гараев Х. и Шаймерданов Х. и предложили совершить побег из тюрьмы, при этом предупредили, что это дело добровольное. Согласно их плану двери камер должен был открыть контролер по имени Салых. Далее освободившиеся из камер осужденные должны были захватить вахту, оружие, освободить осужденных к исключительной мере наказания, захватить хякимлик и аэропорт. Он от этих планов отказался и остался в камере. Примерно в 02.00 часов дверь камеры открыл контролер Салых и Гараев с Шаймердановым вышли из камеры. Каким образом Салых открыл дверь, он не знает. Примерно через час они вернулись в камеру и сообщили, что план не удался. С ними был контролер Салых и осужденный по имени Ата, на лице последнего он заметил повреждение с левой стороны под глазом.

Салых попросил Гараева взять его в заложники и завязать ему руку, что Гараев и сделал. В это время в камеру вошли сотрудники тюрьмы и забрали Салыха.

(л.д. 61-62 т.1)

Свои показания свидетель Режепов А. подтвердил на очной ставке с обвиняемым Гараевым Х.

(л.д. 88-89 т.1)

Будучи допрошенным в качестве свидетеля обвиняемый Махтумов К. показал, что в ночь с 10 на 11 октября 1998 года он со своими сокамерниками смотрел телевизор. Примерно в 02.00 часов дверь в камеру открылась и в камеру вошел осужденный Гараев Х., а возле двери стоял контролер Широков С.А. Гараев Х., войдя в камеру, обнял его сокамерников и начал говорить, что всем надо выйти из камер, контролер Широков С.А. повторил его слова. Далее Гараев Х. продолжил, что пришло время, все сегодня будут на свободе. После его слов из камеры вышли Рагимов Р., Мозговенко В., Мехтиев Р. Гараев сказал, чтобы все ждали возле камеры №61, а сам вошел в камеру №60, но из камеры №60 никто не вышел. Они спустились на первый этаж в комнату начальника отряда, где Гараев Х. сказал, чтобы никто не делал никаких движений, пока он сам не скажет. Через некоторое время в комнату вошли осужденные из камеры

№66 Гуллыев М., Хадыев А., Атабаллыев Г., Гараев Х. и Широу С.А. После этого Гараев Х. разделил осужденных на две группы. Гуллыев М., Атабаллыев Г., Шаймерданов Х. поднялись на второй этаж, он со своими сокамерниками остался в комнате начальника отряда. Позже они услышали шум и крик, выглянув в коридор, заметили, что осужденные избивают дежурного, в руках Гуллыева М. он видел проволоку, Гараева Х. – палку с обмотанным концом. Сабиров К. лежал на полу, на нем сидел Шаймерданов Х., который вытащил нож и приставил к горлу, Гараев Х. сидел на коленях возле головы Сабирова К. и несколько раз ударил его по голове. После Атабаллыев Г. и Хадыев А. связали его руки, Гараев Х. связал ему ноги. Гуллыев М. взял из кармана дежурного ключи и с Атабаллыевым спустился на первый этаж. Гараев Х., Шаймерданов Х. и Хадыев А. потащили Сабирова К. в кабинет отрядного. После он увидел, как из камеры №69 вышел осужденный Аймурадов М. и начал переговариваться с Гараевым Х., подойдя к нему, Аймурадов М. сказал открутить лампу, что он и сделал. Гараев Х. сказал Аймурадову М., что Гараева Х. и Шаймерданова Х. контролер Широу С.А. должен вести на вахту под видом нарушителей, где Гараев Х. с помощью Широу С.А. должен захватить автоматы, после чего они выпустят лиц, приговоренных к исключительной мере наказания, и выйдут за территорию тюрьмы, за пределами которой ждут люди с автобусами, двумя вертолетами. После чего необходимо было освободить осужденных, содержащихся в поселке Акдаш, доехать до г.Ашгабада. Гараев Х. и Аймурадов М. несколько раз повторили, что настало время и надо действовать. В этот момент из кабинета отрядного выбежал Сабиров К. и ударил Хадыева А. После этого он со своими сокамерниками вернулся в свою камеру.

(л.д. 113-115, 181-183 т.1)

Свои показания Махтумов К. подтвердил на очной ставке с обвиняемыми Аймурадовым М., Гараевым Х.

(л.д. 202-203, 224-225 т.1)

Допрошенный в качестве свидетеля осужденный Аллабердиев А.М. показал, что он содержится в камере №58 и после просмотра ночных телепередач открылась дверь камеры, у двери стоял Широу С.А., который позвал осужденного Рагимов Р. Через 10 минут Рагимов Р. вернулся в камеру с осужденным Гараевым Х., и вместе начали готовиться к захвату дежурного. При этом Рагимов Р. сказал, что желающие могут остаться. Когда он заявил, что никуда не пойдет, Гараев Х. предупредил, чтобы он молчал, если разболтается, то оторвет ему голову. Когда они готовились, то Гараев Х. заявил, что он купил двух контролеров, надо вызвать по телефону дежурного, открыть камеры, где содержатся осужденные, приговоренные к исключительной мере наказания, ворваться на вахту, захватить оружие, на свободе поддержат свои люди, что 17 октября будет бунт, побег надо начинать обязательно в эту ночь.

Осужденный Гараев Х. и раньше говорил об этом бунте, уверял осужденных, что все будет хорошо, на его стороне людей много, раньше он был арестован за попытку переворота, что у многих осужденных большие сроки и им не на что надеяться. Также Гараев Х. обещал каждому автоматы, /говорил, что/ все туркмены слепые, живут как попало, в других странах были митинги и революции, только в Туркменистане не было, если осужденные совершат бунт, то все они станут национальными героями, в будущем правительстве он займет соответствующую должность.

(л.д. 127-128 т.1)

Кроме того вина обвиняемых доказана:

показаниями свидетелей Ибадуллаева М., Халлыевой О., Овезова Г., Коченова О., Одаева Ч., Сульжиц А., Стефанского В., Гусейнова Г.

(л.д. 63-65, 66-67, 68-70, 71-72, 75-76, 120, 121 т.1)

протоколами осмотра места происшествия, проверки показаний на месте свершения преступления, осмотра вещественных доказательств, обыска на квартире Широва С.А., очных ставок между Шировым С.А. и Гараевым Х., Реджеповым А. и Гараевым Х., Рагимовым Р. и Гараевым Х., Рагимовым Р. и Хадыевым А., Мехтиевым и Аймурадовым М., Махтумовым и Аймурадовым М., Мозговенко В. и Аймурадовым М., Гуллыевым и Хадыевым А., Шаймердановым Х. и Хадыевым А., Рагимовым Р. и Аймурадовым М., Хадыевым А. и Гараевым Х., Махтумовым К. и Гараевым Х., Мозговенко В. и Гараевым Х., Мехтиевым Р. и Гараевым Х., Гуллыевым М. и Гараевым Х., Шаймердановым Х. и Гараевым Х.

(л.д. 3-6, 84, 85-87, 88-89, 90-91, 93-94, 140-148, 200-203, 204-215 т.1)

Актами об обнаружении палки и ножа, составленными сотрудниками учреждения БЛ-Т/5;

(л.д. 7, 8 т.1)

Заключениями судебно-медицинской, судебно-баллистической, судебно-биологической экспертиз.

(л.д. 156-176 т.1)

Обстоятельств, смягчающих ответственность обвиняемых, не установлено.

При изучении личностей обвиняемых установлено, что обвиняемые характеризуются отрицательно, все кроме Широва С.А. являются ранее судимыми.

На основании изложенного и руководствуясь ст.223 УПК Туркменистана,

ПОСТАНОВИЛ:

1. Исключить из обвинительного заключения обвинение в отношении Широва Салыха Абдышериповича, Гараева Хошали Жораевича, Аймурадова Мухаммедгулы, Гуллыева Мурада Сахатовича, Рагимова Руслана Сарыбала оглы, Мехтиева Рашида Аскеровича, Мозговенко Владимира Ивановича, Шаймерданова Хезреткули Хасановича, Хадыева Ата Насыровича, Махтумова Клыча Курбановича в совершении преступлений, предусмотренных ст.ст. 174 ч.2, 177 ч.3 УК Туркменистана.

2. Обвинительное заключение в остальной части утвердить, считать утвержденным обвинение в отношении:

- Широ́ва Салыха Абдышериповича в совершении преступлений, предусмотренных ст.ст. 181 ч.2, 13, 184 ч.2 п.п. “а”, “д”, 33 ч.ч. 2, 3, 207 ч.2 п.п. “б”, “в”, “г”, 196, 33 ч.ч. 2, 3, 213 ч.2, 33 ч.ч. 2, 3, 108 ч.2 п.п. “в”, “г”, “д”, “з”, 287 ч.1 УК Туркменистана;

- Гараева Хошали Жораевича в совершении преступлений, предусмотренных ст.ст. 13, 185 ч.2, 33 ч.ч. 2, 3, 207 ч.2 п.п. “б”, “в”, “г”, 213 ч.2, 108 ч.2 п.п. “в”, “г”, “д”, “з” УК Туркменистана;

- Аймурадова Мухаммедгулы в совершении преступлений, предусмотренных ст.ст. 14, 207 ч.2 п.п. “б”, “в”, “г”, 213 ч.2, 108 ч.2 п.п. “в”, “г”, “д”, “з” УК Туркменистана;

- Шаймерданова Хезреткули Хасановича в совершении преступлений, предусмотренных ст.ст. 14, 207 ч.2 п.п. “б”, “в”, “г”, 213 ч.2, 108 ч.2 п.п. “в”, “г”, “д”, “з” УК Туркменистана;

- Хадыева Ата Насыровича в совершении преступлений, предусмотренных ст.ст. 13, 185 ч.1, 14, 207 ч.2 п.п. “б”, “в”, “г”, 213 ч.2, 108 ч.2 п.п. “в”, “г”, “д”, “з” УК Туркменистана;

- Гуллыева Мурада Сахатовича в совершении преступлений, предусмотренных ст.ст. 14, 207 ч.2 п.п. “б”, “в”, “г”, 213 ч.2, 108 ч.2 п.п. “в”, “г”, “д”, “з” УК Туркменистана;

- Рагимова Руслана Сарыбала оглы в совершении преступлений, предусмотренных ст.ст. 14, 207 ч.2 п.п. “б”, “в”, “г”, 213 ч.2, 108 ч.2 п.п. “в”, “г”, “д”, “з” УК Туркменистана;

- Мехтиева Рашида Аскеровича в совершении преступлений, предусмотренных ст.ст. 14, 207 ч.2 п.п. “б”, “в”, “г”, 213 ч.2, 108 ч.2 п.п. “в”, “г”, “д”, “з” УК Туркменистана;

- Махтумова Клыча Курбановича в совершении преступлений, предусмотренных ст.ст. 14, 207 ч.2 п.п. “б”, “в”, “г”, 213 ч.2, 108 ч.2 п.п. “в”, “г”, “д”, “з” УК Туркменистана;

- Мозговенко Владимира Ивановича в совершении преступлений, предусмотренных ст.ст. 14, 207 ч.2 п.п. “б”, “в”, “г”, 213 ч.2, 108 ч.2 п.п. “в”, “г”, “д”, “з” УК Туркменистана;

3. Уголовное дело направить в суд в порядке ст.225 УПК Туркменистана для рассмотрения по существу.

Прокурор Балканского веляята
Государственный советник
юстиции 3 класса

Ч.Т.Атаев

*Письмо евангельских христиан-баптистов президенту
Туркменистана*

Президенту Туркменистана С.Ниязову
Копия: Отделу заступничества СЦ ЕХБ г.Москва

От церквей СЦ ЕХБ Туркменистана

Заявление-ходатайство

“... Владычествующий над людьми будет
праведен, владычествуя в страхе Божиим”
Библия, 2 Царств 23,3.

Уважаемый господин Президент!

К Вам обращаются верующие ЕХБ, проживающие в Туркменистане. Сообщаем Вам, что с июня 1997 г. по сегодняшний день на церкви Союза церквей евангельских христиан-баптистов ведутся повсеместные гонения за веру со стороны КНБ и органов местной власти.

Церкви ЕХБ, объединенные служением Совета церквей, на территории Туркменистана существуют уже много лет, имеют свое вероучение и Устав (прилагаются).

Мы, верующие, никогда не вмешивались в политику государства и не посягали на права граждан, поэтому никакой опасности для общества и государства не представляем. Наше учение базируется на учении Господа нашего Иисуса Христа и Его Слове – Библии. Было время больших гонений и репрессий на незарегистрированные церкви ЕХБ во времена советской власти на всей территории бывшего Советского Союза. Наши общины испытывали гонения за то, что бескомпромиссно и верно служили Богу. Верующих штрафовали, разгоняли, не давали собираться на богослужения. Многие из них сажали в тюрьмы, иных убивали. Это противоречило международным правовым нормам, объективной справедливости, и верующие в очередной раз реабилитированы.

Но с июня 1997 г., к великому сожалению, в нашем нейтральном Туркменистане снова предпринимаются усилия к ограничению проповеди Евангелия. Конституцией Туркменистана (ст.11) провозглашена и гарантирована свобода выражать и распространять свои религиозные убеждения, участвовать в отправлении религиозных культов и обрядов.

На практике же местными властями неоднократно совершались произвол и беззаконие. Нам пытаются запретить распространять свою веру, собираться на молитвенные богослужения, называют их сборищем, агитацией и вредной пропагандой, мотивируя лишь тем, что наши церкви не зарегистрированы. Приводим некоторые факты.

23 июня 1997 г. в г.Туркменбаши в доме нашего единоверца КАШИНА П.М. изъята духовная литература. Всего 1644 экз., в том числе Библии и Новые Заветы. Власти угрожали поставить наряд милиции возле его дома, где верующие собираются для молитвы. Сотрудники КНБ угрожали, что заведут уголовное дело на Кашина П.М., если в его доме не прекратятся молитвенные собрания верующих. Литература до сих пор не возвращена и хранится в г.Небит-Даге в отделе прокуратуры.

У наших единоверцев в г.Челекене сотрудниками КНБ неоднократно изымалась литература. Акт об изъятии выдали всего лишь один раз – 14.09.97. В нем Библия, Евангелия и другая изъятая литература названы запрещенной литературой в Туркменистане (копия акта прилагается).

В начале декабря 1997 г. в г.Дашховузе в доме нашей сестры по вере ШАРИПОВОЙ Н.А. представители власти прервали молитвенное собрание и отобрали Библии, Евангелия и другую духовную литературу. Один из представителей власти за отказ нашего брата по вере МАЛХОВА В. отдать свою личную Библию на виду у всех присутствующих схватил его за горло и начал душить.

17 января 1998 г. в г.Безмеине сотрудники КНБ изъяли духовную литературу у нашего единоверца КУИМОВА Г. Угрожали возбудить против него уголовное дело, если он не прекратит проповедовать (копия акта об изъятии литературы прилагается).

26 января 1998 г. нашего брата СМАХАШОВА С., проживающего в г.Дашховузе, вызвал старший помощник прокурора по национальной безопасности Амантаганов Т. и угрожал применить к верующим строгие меры, если они будут собираться для молитвы даже по двое.

28 марта 1998 г. в г.Чарджоу сотрудниками КНБ, в числе которых был Бегниязов А., за проповедь Евангелия были задержаны наши братья, гости из России, АПАРИН П. и МАЛХОВ В. В течение целого дня их допрашивали, а на ночь отправили в спецприемник, где их избили. На следующий день их посадили в поезд и без денег выдворили из Туркменистана.

В этот же день, 29 марта 1998 г., в 10.00 в дом ЧЕРНОВОЙ О. в г.Чарджоу пришли сотрудники КНБ во главе с Джапбаровым А. и Бегниязовым А., прервали молитвенное собрание, отобрали Евангелия, сборники духовных песен и др. литературу, кричали на присутствующих в доме туркмен, запрещая им ходить к русским для молитвы. Этим самым они разжигают национальную и религиозную рознь. Но мы проповедуем любовь к людям всех национальностей и возвещаем Евангелие спасения всем людям. Во время составления акта об изъятии литературы (копия акта прилагается) были переписаны имена всех присутствовавших, а Черновой О. угрожали судом.

10 ноября 1998 г. в г.Каахка в дом к нашему брату АТАКОВУ Шагельды пришел сотрудник КНБ Мередов Б. Беседа сводилась к запрещению проповеди Евангелия. Не обошлось и без угроз. Мередов Б. сказал, что властям все известно о прошлой жизни Атакова.

Затем к Атакову, когда он проживал уже в Туркменбаши, не один раз приходили представители власти. Однажды они пришли во главе с майором полиции и угрожали арестом, если Шагельды не перестанет посещать Дом молитвы. Когда Атаков Ш. спросил, за что же его могут посадить в тюрьму, ему ответили, что найдут за что, так как для них это не составляет труда. Наш брат сказал, что готов благовествовать и в тюрьме, на что майор ему ответил: “А там мы быстро тебя заставим замолчать”.

10 декабря 1998 г. Атакова Ш. посетили представители власти: Дурдыев Б. – ответственный в Генгеша по делам религий в Балканской области; Сейтназаров Р., представившийся Баш имамом, и Язтываков из хякимлика. В беседе с Атаковым они уговаривали его, чтобы он не ходил в Дом молитвы. Сейтназаров Р. обещал Шагельды, что, если он послушается их, то будет назначен муллой и сможет посещать собрания старейшин, а также будет ездить на автомобиле “Мерседес”. Когда эти предложения были отвергнуты и Шагельды сказал, что Господа своего он ни на что не променяет, опять послышались угрозы.

18 декабря 1998 г. власти осуществили свои неоднократные угрозы: так, в 22 часа сотрудники уголовного розыска увезли Атакова в полицию.

Через трое суток после задержания, 21 декабря 1998 г., на нашего брата по вере Атакова Ш. было возбуждено уголовное дело по ст.228 ч.2 Уголовного кодекса за мошенничество.

Последовательность вышеизложенных событий ясно показывает истинные мотивы ареста Атакова Шагельды.

31 января 1999 г. в г.Дашховузе сотрудником КНБ Шехиевым С. было прервано молитвенное собрание в доме АЧИЛОВОЙ Л. Изъяты Библия и Новые Заветы.

2 февраля Шехиев С. приехал утром в дом к Ачиловой Л. и увез ее в КНБ, так как ее мужа ТЕРЕШИНА В. дома не было. В КНБ Шехиев сказал Ачиловой, что будет держать ее (а ей было плохо, так как она беременна) до тех пор, пока не придет к ним в КНБ ее муж Терешин В. Под угрозами, моральным и психическим воздействием принудил написать объяснительную. Угрожал посадить в тюрьму, а затем выселить из г.Дашховуза, если в их доме верующие будут собираться для молитвы. После всего происшедшего мы опасаемся за жизнь будущего ребенка Ачиловой Л.

Здесь изложены не все факты притеснений верующих ЕХБ.

Сотрудники КНБ, изымая литературу, не предоставили ни одной церкви ни письменного, ни устного обоснования неправомерности действий верующих ЕХБ. Наш Господь Иисус Христос в Евангелии повелевает нам проповедовать спасение всем людям (Евангелие Марка 16,15). Конституция Туркменистана гарантирует это право на свободу вероисповедания и распространение убеждений, независимо от регистрации. Как жители Туркменистана, мы являемся законопослушными гражданами, а в вопросе нашего вероисповедания мы сохраняем верность Господу Иисусу Христу.

Местные же власти посягнули, по крайней мере, на три самые священные Тайнства нашего вероучения, без которых мы не можем жить:

1) совместно собираться на богослужения и прославлять Бога (Послание Евреям 10,25; Евангелие Матфея 18,20);

2) всей церковью совершать Великую святыню – Причастие (хлебопреломление), заповеданное Господом (1 Послание Коринфянам 11,24);

3) проповедовать Евангелие спасения всем народам (Евангелие Марка 16,15-16).

Исходя из вышеописанных нами событий, мы обращаемся к Вам как к поставленному Богом судить справедливо решить эти вопросы:

- вернуть отобранную литературу, которая не является запрещенной в Туркменистане;

- содействовать освобождению АТАКОВА Шагельды, так как он, обратившись к Богу, изменился и не представляет более социальной опасности;

- дать указание не препятствовать верующим ЕХБ проводить богослужения и распространять свои убеждения.

Очень хотели бы надеяться, что все факты ущемления прав верующих – это всего лишь недоразумение и произвол местных властей.

Ответ о решении нашего вопроса просим дать по адресу:

г.Ашгабат, ул.Сабыр Атаевой, д.2а, Чернову В.В.

или

г.Туркменбаши, ул.Набережная, д.58, Кашину П.М.

Перечень прилагаемых документов к заявлению-ходатайству:

1. Вероучение ЕХБ – 1 экз.
2. Устав ЕХБ – 1 экз.
3. Акты об изъятии литературы в г.Туркменбаши (копия) – 2 экз.
4. Акт об изъятии литературы в г.Челекене (копия) – 1 экз.
5. Акт об изъятии литературы в г.Безмеине (копия) – 1 экз.
6. Акт об изъятии литературы в г.Чарджоу (копия) – 1 экз.

Приложение №5

Письмо К.Рос Б.Шихмурадову

10 февраля 1999 г.

Министру иностранных дел Борису Шихмурадову

Министерство иностранных дел

Ашхабад, Туркменистан

По телефаксу: (99312) 511 430

Уважаемый господин Шихмурадов!

Мы получили Ваш факс от 5 февраля. Поскольку в Вашем письме не указано, что заместителю директора Московского представительства Хьюман Райтс Вотч будет разрешено вернуться в Туркменистан, мы прекратили нашу исследовательскую миссию в субботу, 6 февраля. Учитывая дух взаимопонимания и диалога, которые, как Вы отметили, характеризовали наши встречи в Ашхабаде, я был глубоко огорчен необоснованной депортацией нашего коллеги Вашим правительством. Ни одна из причин, приводимых Вами, не может служить оправданием этой акции.

Во-первых, никакие действия господина Петрова не могут быть названы “провокационными”. До нашего отъезда из Туркменистана Холли Картнер и я проводили все встречи совместно с господином Петровым, и мы решительно отвергаем любые предположения, что наши действия или дискуссии носили подобный характер. Во-вторых, действия господина Петрова не “противоречили целям, о которых мы говорили”, поскольку, как вы сами отмечаете, его “преступление” состояло в раздаче доклада правозащитного центра “Мемориал” под названием “Права человека в Туркменистане, 1995-1998 гг.”. Как вы знаете, такие действия полностью обоснованы с точки зрения международно признанных прав человека свободно выражать свое мнение, искать, получать и распространять информацию и вести наблюдение за действиями любого государства в области прав человека. Наконец, представляется абсурдным утверждение, будто бы господин Петров “под прикрытием” нашей организации преследовал внешнеполитические цели Российской Федерации. Господин Петров приехал в Туркменистан как штатный сотрудник организации Хьюман Райтс Вотч, где он работает с 1991 г. Он подчиняется только руководству Хьюман Райтс Вотч и принципам прав человека, которые мы отстаиваем, а не правительству какой-либо страны. Такого рода обвинения ложны и представляют собой очевидную попытку отвлечь внимание от факта нетерпимого отношения Вашего правительства к независимому контролю за правами человека в стране.

В дальнейшем мы будем судить о том, как Ваше правительство соблюдает права человека главным образом по тому, насколько оно готово открыться для независимой оценки, которой стремилось воспрепятствовать путем незаконной депортации господина Петрова.

С уважением

Кеннет Рос

Исполнительный директор

Копии: Посол Стивен Роберт Манн, Посольство США, Ашхабад

Посол Дэвид Джонсон, ОБСЕ

Именной указатель